



**Andrea Dworkin**  
**Nancy Chodorow**  
**Joan Huber**  
**Gayle Rubin**  
**Randall Collins**  
**Rosalind Pollack Petchesky**  
**Alice Kessler-Harris**  
**Angela Davis**  
**Michael Messner**  
**bell hooks**  
**Joan Ringelheim**  
**Laura Mulvey**  
**Judit Butler**  
**Teresa de Lauretis**  
**Irjina Smejkalova-Strickland**

**Издание осуществлено при финансовой поддержке  
Фонда Джона Д. и Кетрин Т. МакАртуров**

# *Антология* **ГЕНДЕРНОЙ ТЕОРИИ**

*Составление, комментарии*  
**Елены Гаповой,  
Альмиры Усмановой**

**Андреа Дворкин**  
**Нэнси Чодороу**  
**Джоан Хубер**  
**Гейл Рубин**  
**Рэндал Коллинз**  
**Розалинд Печески**  
**Элис Кесслер-Хэррис**  
**Анджела Дэвис**  
**Майкл Месснер**  
**белл хукс**  
**Джоан Рингельхайм**  
**Лаура Малви**  
**Джудит Батлер**  
**Тереза де Лауретис**  
**Иржина Смейкалова-Стрикланд**

**Минск**  
**ПРОПИЛЕИ**  
**2000**

УДК 316.346.2  
ББК 60.54  
А 72

*Рецензенты:*

Кандидат философских наук,  
доцент **Ирина Жеребкина**  
(Харьковский государственный университет, Украина)

Кандидат социологических наук,  
доцент **Елена Здравомыслова**  
(Европейский университет, Санкт-Петербург, Россия)

*Переводчики:*

**И. Караичева, О. Рябков,  
В. Семенова, Е. Гапова,  
Е. Коршук, Е. Мельникова,  
О. Шутова, А. Усманова, Е. Князева**

*Художник:*

**Руслан Вашкевич**

## СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

**Андреа ДВОРКИН**

Гиноцид, или китайское бинтование ног ..... 7

**Нэнси ЧОДОРУ**

Воспроизводство материнства:  
психоанализ и социология пола  
(часть III. Половая идентификация  
и воспроизводство материнства) ..... 29

**Джоан ХУБЕР**

Теория гендерной стратификации ..... 77

**Гейл РУБИН**

Обмен женщинами:  
заметки по политэкономии пола ..... 99

**Рэндал КОЛЛИНЗ**

Введение в неочевидную социологию  
(гл. V. Любовь и собственность) ..... 114

**Розалинд ПЕЧЕСКИ**

Аборт и выбор женщины  
(Предисловие к изданию 1990 года)..... 141

**Элис КЕССЛЕР-ХЭРРИС**

Женский труд и социальный порядок ..... 171

**Анджела ДЭВИС**

Расизм и миф о черном насильнике ..... 190

**Майкл МЕССНЕР**

Маскулинность и профессиональный спорт .... 218

**белл хукс**

Феминистская теория: от края к центру  
(гл. II. Феминизм — движение против  
угнетения по признаку пола) ..... 236

**Джоан РИНГЕЛЬХАЙМ**

Женщины и Холокост:  
переосмысление исследований ..... 254

<b>Лаура Малви</b> Визуальное удовольствие и нарративный кинематограф .....	<b>280</b>
<b>Джудит Батлер</b> Гендерное беспокойство (гл. 1. Субъекты пола/гендера/желания) .....	<b>297</b>
<b>Тереза де Лауретис</b> Риторика насилия. Рассмотрение репрезентации и гендера .....	<b>347</b>
<b>Иржина Смейкалова-Стрикланд</b> Нужен ли феминизм чешским женщинам? .....	<b>373</b>

**Предисловие** Появление «Антологии гендерной теории» вызвано стремлением в какой-то мере восполнить культурную и интеллектуальную лакуну, обозначившуюся в нашем научном и академическом пространстве в связи с заимствованным термином «гендер»\*. Совсем недавно это понятие начало активно осваиваться философией и актуальным искусством, политическими и правовыми институтами и уже было подхвачено масс-медиа. Дело в том, что в ситуации радикального отказа от марксистско-ленинской догматики и ключевого в ее рамках инструмента стратификации социума – понятия «класс» в начале 90-х гг. постсоветская академическая наука оказалась довольно восприимчивой к *иным теориям, иным дискурсивным практикам*. Не вдаваясь в их перечисление, скажем лишь, что гендерный подход, несомненно, входит в их число.

При составлении антологии мы сознательно отказались от соблазна представить современный междисциплинарный гендерный дискурс во всей его полноте и разнообразии, от попытки дать «концепт гендера в структуре современного знания» либо отразить глобальный сдвиг в осмыслении мира, который произошел при участии феминизма как теории и как политического проекта. Во избежание недоразумений следует сразу же заметить, что, каково бы ни было наше сегодняшнее отношение к классическому феминизму, мы, тем не менее, уверены, что гендерные исследования своей проблематикой, языком теории и общим пафосом обязаны именно феминистской теории. При этом мы отдаем себе отчет в существующих контрверзах между восточным и западным, между белым и черным, между радикальным и либеральным, политическим и философским феминизмами, между феминизмом и *queer theory*, феминизмом и постфеминизмом, между феминизмом и всеми други-

---

\* Многие отечественные исследователи неоднократно сетовали на неблагозвучность калькированного термина «гендер», однако до сих пор приемлемого эквивалента в русском языке обнаружено не было – это значимое отсутствие само по себе заслуживает отдельного исследования. Непереводаемость какого-либо слова, как правило, свидетельствует об индифферентности данного языка (и репрезентируемого им культурного мира) к тому специфическому различению, которое «экзотический» термин схватывает. Более того, заимствованное слово в нашем случае недвусмысленно указывает на первенство англоязычных теоретиков, проблематизировавших саму грамматическую категорию «рода».

ми интеллектуальными дискурсами. В конечном счете именно такое многообразие подходов и позиций обусловило появление *гендерных исследований* – как широкой междисциплинарной парадигмы исследований социальных и культурных реализаций биологического пола и различных форм сексуальности, парадигмы по духу гораздо более плюралистической и толерантной, нежели классический феминизм. Очевидно, что «гендерные исследования» не могут быть сведены к этой одной составляющей, что «гендерный фронт» представлен множеством различных идеологий, однако феминизм действительно сыграл свою историческую роль в процессе осмысления интересующей нас здесь темы.

Итак, концептуальной основой антологии стало представление о социальной конструкции пола («гендер») как элементе культуры (в смысле «неприроды») и системе социальной стратификации. Включенные в данное издание тексты связаны друг с другом хронологически и содержательно. Логика их представления отражает основные этапы развития гендерной теории и последовательную диверсификацию ее проблемного поля: гендерные исследования начинались с постановки вопроса о роли и переплетении символических и материальных обстоятельств в конструировании полового неравенства; затем интерес сместился к теориям, объясняющим его возникновение и охватывающим две области его реализации – сексуальность и экономику; далее на повестку дня выносятся изучение взаимодействия переменных «пол–раса–класс»; подспудно вызревает философская критика эссенциалистской концепции пола, основанная на экстраполяции и развитии постструктуралистских и семиотических допущений; наконец, свою актуальность обнаруживает проблема восприятия (и/или отторжения) сложившейся в западной традиции парадигмы гендерных исследований на постсоветском пространстве.

Каждый из предлагаемых вниманию читателей текстов представляет собой попытку дать ответ (один из возможных) на философский, но также и вполне практический, задаваемый «как студентами, так и доцентами» вопрос: КАК? Как биологическое различие преобразуется в социальное и символическое неравенство, в проблему различных форм субъектности, проблему «я» и «другого»?

Андреа Дворкин в работе «Гиноцид, или китайское бинтование ног» входит в пространство критической мысли, отторгая позицию якобы универсального субъекта познания. Она обсуждает взаимосвязь между традиционными институциями сексуальности и властью с позиции женской субъектности, утверждая, что телесность, сексуальность и связанный с ними культурный символизм соотнесены с распределением власти между полами.

Глава из знаменитой книги Нэнси Чодороу «Воспроизводство материнства: психоанализ и социология пола» посвящена воспроизводству половых различий. Задавшись вопросом, почему женщины *хотят* быть матерями, Чодороу создает теорию, которая, учитывая как особенности



психического развития личности в доэдиповом периоде, так и социальную организацию, объясняет «производство» мужчин и женщин как психологических антиподов.

Джоан Хубер, создавая модель гендерной стратификации, помещает ее в контекст универсальной социальной стратификации и разделения труда. Она учитывает половое распределение труда внутри домохозяйства и в биологическом процессе воспроизводства, а также взаимодействие нескольких факторов – экологии, технологии производства пищи и изменений рождаемости в пяти исторических типах культур.

В «Обмене женщинами», классике феминистской антропологии, Гейл Рубин выводит патриархальный гендер из биологического пола, отмечая, что гендер – это не просто идентификация человека с полом: он предполагает, что сексуальное желание должно быть направлено на противоположный пол. Отталкиваясь от работ Леви-Стросса, она характеризует «гетеросексуальный контракт» как ограничивающий женщину до объектного состояния в царстве желания и в развитии культуры.

«Неочевидная социология» американца Рэндала Коллинза посвящена проблемам, вокруг которых вращается в последние годы социологическая дискуссия. Он утверждает, что сексуальность может быть собственностью – и была таковой на протяжении человеческой истории, а также с помощью марксистской теории показывает, что, подобно тому как капиталисты присваивают труд пролетариата, мужчины внутри семьи присваивают труд женщин: и капитализм, и патриархат поддерживаются неоплаченным домашним трудом.

Книга Розалинд Печески «Аборт и выбор женщины» затрагивает вопросы свободы репродуктивного выбора в контексте социальной истории воспроизводства, включающей такие переменные, как класс, раса и сексуальная ориентация. Выбор же для публикации в данной антологии «Предисловия» (к изданию 1990 года) обусловлен тем, что в нем проблема регулирования воспроизводства, помещенная в политический (американский) контекст, порождает аналогии с постсоветским пространством, где общественная дискуссия о репродуктивных правах женщин (кое-где перешедшая в действия) оказалась неотъемлемой частью новых социальных и политических процессов.

Элис Кесслер-Хэррис в статье «Женщины, работа и социальное устройство» рассматривает исторические условия изменений профессиональной сегрегации по признаку пола, а также доказывает, что включение женщин в рынок труда влечет деконструкцию всего социального порядка.

Проблемы, которые поднимают Анджела Дэвис в книге «Женщины, раса и класс» и белл хукс в работе «От края к центру», характерны для постколониальных исследований и связаны с включением в ранее почти исключительно «белый» феминистский дискурс целой волны цветных феминисток и исследователей, что лишний раз подтверждает социальную детерминиро-

ванность производства знания. Взаимосвязь расизма и сексизма, перетекание одной формы угнетения в другую остаются реальностью современных глобализационных процессов.

Работа Майкла Месснера «Маскулинность и профессиональный спорт» – единственный текст, представляющий в данном сборнике мужские исследования в качестве особого направления. Первые работы по маскулинности были в основном сосредоточены не на белых мужчинах среднего класса как специфической научной проблеме (исходя из того, что «вся наука и так занимается только ими под видом категории «человек»), а на маргинализованных типах маскулинности, связанных с расовой/этнической принадлежностью или сексуальной ориентацией. Месснер показывает, как «мужское» конструируется в патриархальной культуре, где мужчина (а черный мужчина в особенности) является реализатором неравенства и его жертвой одновременно.

Статья Джоан Рингельхайм «Женщины и Холокост» заставляет пересмотреть наши представления о событиях и фактах второй мировой войны – не только потому, что в центре внимания исследовательницы оказывается Холокост (до недавнего времени маргинальная, если не сказать табуированная, тема в мировой историографии), но и потому, что травматический опыт людей, переживших войну, передан женщинами – свидетелями и жертвами свершившейся трагедии. Эта исследовательская стратегия вписывается в рамки так называемой «гендерной истории» – недавно возникшего направления, которое занялось детальным описанием женского опыта, не признававшегося традиционной историей. Проникновение феминистских идей в академическую среду принесло не просто «включение» женщин в историю, но и рассмотрение всей истории «с другой точки зрения».

«Визуальное удовольствие и нарративный кинематограф» – широко известный текст Лауры Малви, который обозначил доминантную тематику исследований кино в рамках всей феминистской кинотеории, которая, по сути, выросла из этой небольшой статьи, опубликованной в 1975 году. Автор исследует теоретические границы применения психоанализа к анализу голливудского кинематографа с точки зрения женщины-зрительницы, в связи с чем особое внимание уделено механизмам первичной и вторичной идентификации, проблеме формирования субъективности посредством «взгляда», феноменам вуайеризма и скопофилии.

Публикуемый в антологии фрагмент книги «Гендерное беспокойство» американки Джудит Батлер представляет «новую волну» гендерных исследований, для которой характерен переход от эссенциализма классической феминистской теории к перформативной теории гендера в рамках философии постфеминизма и *queer studies*. Раскрывая множественность смыслов, таящихся в определениях понятий «пол» и «гендер», отказываясь от понимания пола как «природного биологического пола», от предустановленной (Богом, природой, социумом) необходимой гетеро-

сексуальности, от представлений о некоей «универсальной» основе феминизма, заключающейся якобы в понятии «женщина», Джудит Батлер утверждает, что «гендер» является «перформативным» по самой своей сути: идентичность (точнее было бы сказать, идентичности) конструируется и утверждает себя в самом акте представления, а не выражает некую внутреннюю, предшествующую говорению и появлению сущность. «Гендер» оказывается своего рода ритуальным действием, в котором социум нуждается и для принудительного воспроизведения которого существует определенный набор конвенций (правила перформации «мужественности» или «женственности»).

Текст Терезы де Лауретис, посвященный «риторике насилия», представляет собой развернутый анализ дискурсивных оснований *насилия* – объекта юриспруденции, философии, масс-медиа. Ставший уже тривиальным тезис о том, что «гендер» является не простой производной от биологического пола, но *процессом* социального и культурного конструирования пола, в данной работе подвергается тщательному анализу на материале конкретной и чрезвычайно важной как в философско-семиотическом, так и в социально-практическом плане проблемы – как ген(д)ерируется насилие? Как дискурс о насилии легитимирует сексуальное угнетение женщин, какой тип социального устройства репрезентирован в понятии «насилия» и как, в свою очередь, дискурс насилия порождает определенные социальные практики насилия, где женщина оказывается и в роли жертвы, и в роли инициатора последнего? – над этими и другими вопросами предлагает нам поразмышлять Тереза де Лауретис.

Чешский философ и культуролог Иржина Смейкалова-Стрикланд демонстрирует разительный контраст между Западом и Востоком в том, что касается коллективного осознания полового неравенства и осмысления гендерной проблематики.

\* \* \*

«Антология гендерной теории» была бы невозможна без помощи многих коллег и друзей: без того курса по социологии пола, который одна из нас слушала у профессора Аньи Раджи в Мэрилендском университете; без личного общения с Лаурой Малви, Терезой де Лауретис и другими авторами, работы которых здесь публикуются; без книг, присланных в дар Энн Снитоу, Джуди Литофф и Сергеем Ушакиным; без встреч, ставших возможными благодаря программе «Гендер и культура» в Центрально-Европейском университете; без наших студентов, в общении с которыми вызрела уверенность в том, что данное издание будет востребовано. Мы благодарим их всех.

Елена Гапова,  
Альмира Усманова

## Андреа Дворкин

– одна из тех радикальных феминисток, участниц легендарного «women’s lib», которые на волне молодежных и гражданских бунтов 1960-х гг. заставили западное общество – от государственных институтов, академии и прессы до контркультуры – заговорить о проблеме пола. Центральная тема ее работ – сексуальность и власть, то, каким образом телесность, сексуальность и связанный с ними культурный символизм соотносены с распределением социальной власти и гендерной иерархией.

Радикальные феминистки называли себя так, чтобы отделиться от либерального женского движения, связанного с Демократической партией и либеральным крылом Республиканской партии, то есть истеблишментом. Либералы верили в законодательные изменения, касающиеся положения женщин; радикалы полагали, что надо пересмотреть всю культуру сверху донизу. Интеллектуальный радикальный феминизм

---

## Гиноцид\*, или КИТАЙСКОЕ БИНТОВАНИЕ НОГ

*Инструкции перед чтением текста:*

1. Возьмите кусок материи примерно трех метров длиной и пяти сантиметров шириной.
2. Возьмите пару детских туфель.
3. Подогните пальцы ног, кроме большого, внутрь стопы. Оберните материей сначала пальцы, а затем пятку. Сведите пятку и пальцы как можно ближе друг к другу. Плотно оберните оставшуюся материю вокруг стопы.
4. Засуньте ногу в детские туфли.
5. Попробуйте прогуляться.

---

© Andrea Dworkin, 1974.

\* Андреа Дворкин не случайно избрала именно такой способ написания слова «геноцид»: не «genocide» (физическое истребление), а именно *gynocide*. Дело в том, что *gynocide* происходит от «gyneco» (греч. «gyné» – женщина) – отсюда «гинекология» и т. д., – что наводит на мысль о гендерном аспекте геноцида. Более того, в контексте данной работы важны также и другие – «цветочные» – коннотации: *gynocium* в ботанике означает «женские части» цветка; *gynoscions* – наличие совершенных женских цветков на различных растениях (Лотос в китайской культуре, несомненно, олицетворяет совершенный цветок, так же как женщина-лотос мыслилась как украшение этой культуры).

«втянул» и сделал частью гендерной проблематики такие темы, как искусство, экология, язык, организация физического пространства и архитектура, воспроизводство и материнство, религия, еда, история человечества, наука и порождение знания и многое другое. Целью всех теоретических изысканий было вскрытие механизмов угнетения женщин. Вопросы сексуальности являются центральными для радикального дискурса, рассматривающего сексуальность как политически значимую категорию: именно тогда появился слоган «the personal is the political», т. е. «личная жизнь – это политика». Все дело в том, как понимается политика: это не узкий мир политических партий и собраний, а пронизывающее общество и культуру отношения власти, позволяющие одной группе контролировать другую.

Будучи связанным с западным марксизмом, идеями новых левых, радикальный

феминизм оперировал категориями класса – но первым «классом» считался пол (sex-class), выделяемый на основании разделения труда в процессе биологического воспроизводства и порожденного им социального неравенства полов. Считая угнетение женщин исторически первоначальным и самым распространенным из всех видов угнетения, радикальные феминистки полагали, что рассмотрение парадигмы отношений между мужчинами и женщинами может служить моделью для понимания любого угнетения: классового, расового, религиозного.

Основополагающей категорией для разделения людей на угнетателей (мужчин) и угнетенных (женщин) является гендер, или социальная конструкция пола, где выработанные угнетателями идеология и культурные практики («надстройка», как сказали бы марксисты) служат цели сохранения определенной структурной организации

6. Представьте, что вам пять лет...

7. ...И что вам придется ходить таким образом всю жизнь.

Истоки китайского «бинтования ног», как и традиции китайской культуры в целом, восходят к седой древности. В X веке в Китае было положено начало физической, духовной и интеллектуальной дегуманизации женщин, выразившееся в таком явлении, как обычай «бинтования ног». Институт «бинтования ног» расценивался как необходимый и прекрасный и практиковался почти десять веков. Правда, редкие попытки «освобождения» ступни все же предпринимались, однако художники, деятели интеллектуальной сферы и обладавшие властью женщины, противившиеся обряду, были «белыми воронами». Их скромные потуги были обречены на провал: «бинтование ног» стало политическим институтом. Он отражал и увековечивал низшее, по сравнению с мужчинами, положение женщин в социальном и психологическом плане: «бинтование ног» жестко привязывало женщин к определенной сфере с определенными функциями – объектов секса и кормилиц детей. «Бинтование ног» стало частью общей психологии и массовой культуры, а также суровой действительности женщин числом миллион, помноженным на десять веков.

общества – патриархата. Гендер как социально сконструированный механизм мужского доминирования и женского подчинения базируется на институте гетеросексуальности, неизменным элементом которого является контроль общества над женской телесностью и сексуальностью. Этот контроль осуществляется через культурно сконструированные представления о женственном, через оппозицию мадонны и шлюхи, через недоступность или ограничение контрацепции, через законодательство в отношении аборт и репродукции, лишаящее женщин права распоряжаться своим телом, через порнографию, сексуальные домогательства или физическое насилие. Для кого существует проституция, задавали вопросы радикальные феминистки. Для кого существует порнография? Кто кого насилует? Кто кого бьет?

Как показывает в своих работах, особенно посвященных проблеме порногра-

фии, Андреа Дворкин, сфера сексуального стала средоточием мужской власти потому, что женщины бесправны экономически: именно это позволило товаризовать женскую сексуальность и превратить ее в элемент поддержания патриархата. В связи со своей экономической зависимостью женщины стремятся соответствовать установленным мужчинами стандартам красоты и женственности: их человеческая ценность приравнивается к «ценности» их тела. То физическое страдание, на которое общество (часто через патриархальную семью) заставляет идти женщин ради соответствия идеалу (например, крошечные ноги китайнок), – необходимо для подавления их идентичности (либо вообще уничтожения независимой субъектности) и контроля над поведением. Ограничение духовной свободы осуществляется через ограничение способности перемещения в пространстве, через невозможность «выйти за стены». По та-

Существует распространенное мнение, что «бинтование ног» возникло в среде танцовщиц императорского гарема. Где-то между IX и XI веками император Ли Ю приказал любимой балерине стать на пуанты. Легенда повествует об этом следующим образом:

«У императора Ли Ю была любимая наложница по имени «Прекрасная Девушка», которая обладала утонченной красотой и была одаренной танцовщицей. Император заказал для нее лотос, сделанный из золота, высотой около 1.8 см, украшенный жемчужинами и с красным ковром в центре. Танцовщице было приказано обвязать ступню белой шелковой материей и подогнуть пальцы таким образом, чтобы изгиб стопы напоминал лунный серп. Танцуя в центре лотоса, «Прекрасная Девушка» кружилась, напоминая восходящее облачко»<sup>1</sup>.

От этого реального события перевязанная ступня получила эвфемистическое название «Золотой Лотос», хотя очевидно, что нога была перевязана свободно: девушка могла танцевать.

Позже один эссеист, по-видимому большой ценитель данного обычая, описал 58 разновидностей ног «женщины-лотоса», каждую оценив по 9-балльной шкале. К примеру:

*Типы:* лепесток лотоса, молодая луна, стройная дуга, бамбуковый побег, китайский каштан.

*Особые характеристики:* пухлость, мягкость, изящество.

кому принципу построены многие тоталитарные институты: тюрьма, психиатрическая лечебница, монастырь, колхоз с его отсутствием паспортов, роддом.

Эмоциональность, которой был насыщен радикально-феминистский дискурс (публикуемый текст демонстрирует это в полной мере), придавала движению почти религиозное качество. Веря, вслед за неомарксистом Антонио Грамши, в действенность пропаганды и в то, что «кугнетенные массы» могут восстать, феминистки устроили во время проведения национального конкурса «Мисс Америка» 1970-го года альтернативное действо. Они выбрасывали в мусорку аксессуары красоты: косметику, украшения, пояса и резинки – все то, что используется женщинами для насилия над своим телом, уничтожения его естественно-

сти и свободы в контексте социальных отношений власти, которые дают возможность через индустрию красоты ограничивать индивидуальный выбор. Идея, которую участники действия пытались донести до многомиллионной американской аудитории, не выдвигала идеала физического уродства. Она состояла в том, что не должно быть выбора между красотой и свободой: идеал должен стать другим. Руководители авторитетных средств массовой информации, посчитавшие, что лучше всего это событие смогут осветить журналистки, не нашли женщин среди своих сотрудников. Единственными изданиями, где работали женщины, оказались журналы мод – как бы подтверждение проделанного Андреа Дворкин анализа связи между идеологией и социальной практикой.

---

#### *Классификации:*

Божественная (А-1): в высшей степени пухлая, мягкая и изящная.

Дивная (А-2): слабая и утонченная.

Бессмертная (А-3): прямая, самостоятельная.

Драгоценная (В-1): подобная паве, слишком широкая, непропорциональная.

Чистая (В-2): гусеподобная, слишком длинная и тонкая.

Соблазнительная (В-3): плотская, короткая, широкая, круглая (недостатком этой ноги было то, что ее обладательница могла противостоять ветру).

Чрезмерная (С-1): узкая, но недостаточно острая.

Обычная (С-2): пухлая, распространенного типа.

Неправильная (С-3): обезьяноподобная большая пятка, дающая возможность карабкаться.

Все эти различия лишней раз доказывают, что «бинтование ног» являлось опасной операцией. Неправильное наложение или изменение давления повязок имело неприятные последствия: никто из девушек не мог пережить обвинения в «большеногом демоне» и стыда остаться незамужней.

Даже обладательница «Золотого Лотоса» (А-1) не могла почитать на лаврах: ей приходилось постоянно и скрупулезно следовать этикету, налагавшему целый ряд табу и ограничений:

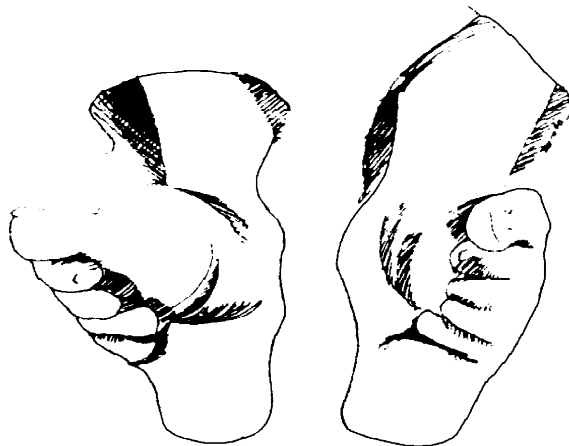
1) не ходить с поднятыми кончиками пальцев;

- 2) не ходить с хотя бы временно ослабленными пятками;
- 3) не шевелить юбкой при сидении;
- 4) не двигать ногами при отдыхе.

Этот же эссеист заключает свой трактат наиболее разумным (естественно, для мужчин) советом:

«не снимайте повязки, чтобы взглянуть на обнаженные ноги женщины, удовлетворитесь внешним видом. Ваше эстетическое чувство будет оскорблено, если вы нарушите это правило»<sup>2</sup>.

Это верно. Без повязки нога выглядела так, как на рисунке.



Физический процесс превращения нормальной ноги в то, что вы видите на рисунке, описан Ховардом С. Леви в работе «Китайское «бинтование ног». История причудливого эротического обычая».

«Успех или неуспех «бинтования ног» зависел от умелого наложения повязки около 5 см в ширину и 3 метров в длину, которая оборачивалась вокруг ноги следующим образом. Один конец закрепляли на внутренней стороне стопы и далее тянули к пальцам ног таким образом, чтобы подогнуть их внутрь подошвы. Большой палец оставался свободным. Повязку сильно стягивали вокруг пятки, чтобы она и пальцы оказались как можно ближе друг к другу. Затем этот процесс повторялся, пока повязка не была полностью наложена. Ступня ребенка подвергалась принудительному и постоянному давлению, поскольку целью являлось не только ограничение развития ступни, но и сгибание пальцев под ступню, а также максимально тесное сведение пятки и подошвы»<sup>3</sup>.

Как свидетельствовал один христианский миссионер,

«иногда плоть загнивала под повязкой, а иногда часть ступни отваливалась, палец или даже несколько пальцев атрофировались»<sup>4</sup>.

Совсем недавно, в 1934 г., пожилая китаянка вспоминала свои детские переживания:



«Я родилась в консервативной семье в Пинг Си, и мне пришлось столкнуться с болью при «бинтовании ног» в семилетнем возрасте. Я тогда была подвижным и жизнерадостным ребенком, любила прыгать, но после этого все улетучилось. Старшая сестра терпела весь этот процесс с 6 до 8 лет (это значит, потребовалось два года, чтобы размер ее ступни стал меньше 8 см). Был первый лунный месяц моего седьмого года жизни, когда мне прокололи уши и вдели золотые сережки. Мне говорили, что девочке приходится страдать дважды: при прокалывании ушей и второй раз при «бинтовании ног». Последнее началось на второй лунный месяц; мать консультировалась по справочникам о наиболее подходящем дне. Я убежала и спряталась в доме у соседней, но мать нашла меня, выбрала и притащила домой. Она захлопнула за нами дверь спальни, вскипятила воду и достала из ящичка повязки, обувь, нож и нитку с иглой. Я умоляла отложить это хотя бы на день, но мать сказала как отрезала: «Сегодня благоприятный день. Если бинтовать сегодня, то тебе не будет больно, а если завтра, то будет ужасно болеть». Она вымыла мне ноги и наложила квасцы, а затем обрезала ногти. Потом согнула пальцы и обвязала их материей трех метров в длину и пяти сантиметров в ширину — сначала правую ногу, затем левую. После того как все закончилось, она приказала мне пройтись, но, когда я попыталась это сделать, боль показалась невыносимой.

В ту ночь мать запретила мне снимать обувь. Мне казалось, что мои ноги горят, и спать я, естественно, не могла. Я заплакала, и мать стала меня бить. В следующие дни я пыталась спрятаться, но меня снова заставляли ходить.

За сопротивление мать била меня по рукам и ногам. Избиения и ругательства следовали за тайным снятием повязок. Через три или четыре дня ноги омыли и добавили квасцы. Через несколько месяцев все мои пальцы, кроме большого, были подогнуты, и, когда я ела мясо или рыбу, ноги разбухали и гноились. Мать ругала меня за то, что я делала упор на пятку при ходьбе, утверждая, что моя нога никогда не приобретет прекрасные очертания. Она никогда не позволяла менять повязки и вытирать кровь и гной, полагая, что, когда из моей ступни исчезнет все мясо, она станет изящной. Если я по ошибке сдирала ранку, то кровь текла ручьем. Мои большие пальцы ног, когда-то сильные, гибкие и пухлые, теперь были обернуты небольшими кусочками материи и вытянуты для придания им формы молодой луны.

Каждые две недели я меняла обувь, и новая пара должна была быть на 3–4 миллиметра меньше предыдущей. Ботинки были неподатливы, и влезть в них стоило больших усилий.

Когда мне хотелось спокойно посидеть у печки, мать заставляла меня ходить. После того как я сменила более 10 пар обуви, моя ступня уменьшилась до 10 см. Я уже месяц носила повязки, когда тот же обряд был совершен с моей младшей сестрой — когда никого не было рядом, мы могли вместе поплакать. Летом ноги ужасно пахли из-за крови и гноя, зимой мерзли из-за недостаточного кровообращения, а когда я садилась около печки, то болели от теплого воздуха. Четыре пальца на каждой ноге свернулись, как мертвые гусеницы; вряд ли какой-нибудь чужестранец мог представить, что они принадлежат человеку. Чтобы достичь восьмисантиметрового размера ноги, мне потребовалось два года. Ногти на ногах вросли в кожу. Сильно согнутую подошву невозможно было почесать. Если же она болела, то было трудно дотянуться до нужного места хотя бы для того, чтобы просто его погладить. Мои голени ослабели, ступни стали скрюченными, уродливыми и неприятно пахли — как я завидовала девушкам, имевшим естественную форму ног»<sup>5</sup>.

«Забинтованные ноги» были искалечены и чрезвычайно болели. Женщине фактически приходилось ходить на внешней стороне подогнутых под ступню пальцев. Пятка и внутренний свод стопы напоминали подошву и пятку обуви с высоким каблуком. Образовывались окаменелые мозоли; ногти вращались в кожу; стопа кровоточила и истекала гноем; кровообращение практически останавливалось. Такая женщина хромала при ходьбе, опиралась на палку или передвигалась при помощи слуг. Чтобы не упасть, ей приходилось ходить маленькими шажками. Фактически каждый шаг был падением, от которого женщина удерживалась, только поспешно делая следующий шаг. Прогулка требовала громадного напряжения.

«Бинтование ног» нарушало также естественные очертания женского тела. Этот процесс вел к постоянной нагрузке на бедра и ягодицы — они отекали, становились пухлыми (и именовались мужчинами «сладострастные»). Среди китайских мужчин выработалось курьезное мнение, что «бинтование ног» вело к наиболее удобному положению влагалища. Китайский дипломат того времени объяснял:

«Чем меньше была нога женщины, тем более дивную форму принимали складки влагалища. (Существовала поговорка: чем меньше нога, тем больше страсти.) Поэтому браки в Татунге, где эта традиция была наиболее распространена, заключались раньше, чем где бы то ни было. Женщины в других регионах могли временно придать складкам такую же форму, но считалось, что по-настоящему этого можно было достичь только

«бинтованием ног», которое концентрировало напряжение в одном месте. Складки формировались последовательно, пласт за пластом, и те, кто лично ощутил это во время сексуальных отношений, пережили неземное наслаждение. Так что система бинтования ног вовсе никого не угнетала»<sup>6</sup>.

Медики утверждают, что «бинтование ног» не оказывало какого-то физиологического влияния на влагалище, хотя влияло на форму таза. Вера в чудесные складки влагалища женщины, совершившей обряд «бинтования ног», была чистой воды массовым заблуждением и проекцией сексуальных желаний на ноги, ягодицы и влагалище искалеченной женщины. Не стоит даже говорить, что объяснение дипломата по поводу «бинтования ног» как не такой уж угнетающей процедуры оправдывало страдания и увечья женщины его «неземным наслаждением».

Этот же миф утверждает, что «забинтованная нога» делала ягодицы более чувствительными и концентрировала жизненные соки в верхней части тела, тем самым делая лицо более привлекательным»<sup>7</sup>. Если этого не случилось, то некрасивой женщине с идеальными ногами, но неинтересной внешностью не следовало отчаиваться: титул «Золотой Лотос» А-1 компенсировал лицо фигурой класса С-3.

Возвращаясь к истории, зададимся вопросом, каким образом миллионы китайских женщин разделили судьбу той балерины? Переход от придворной танцовщицы к населению в целом можно рассматривать как часть классовой динамики. Император устанавливает стиль, знать его копирует, а низшие классы, делающие все возможное для продвижения «наверх», принимают эстафету. Знать соблюдала обычай с наибольшей строгостью. Слабая и беспомощная, неспособная самостоятельно передвигаться дама была скрытым от посторонних глаз украшением будуара, свидетельством богатства и привилегированного положения мужчины, который мог себе позволить держать жену в праздности, она не выполняла никакой ручной домашней работы, и ноги ей тоже были ни к чему. Только в редких случаях ей позволялось находиться вне стен дома, да и то следовало сидеть в паланкине за толстыми занавесками. Чем ниже находилась женщина на социальной лестнице, тем меньше у нее было возможностей оставаться праздной и тем больший размер имела нога. Женщина, которой приходилось работать ради блага семьи, тоже носила повязки, но они были слабее, ступня больше — она могла ходить, правда, медленно и временами теряя равновесие.

«Бинтование ног» было своего рода знаком касты. Оно не под-

*черкивало различия между мужчиной и женщиной: оно их создавало*, а затем увековечивало во имя морали. «Бинтование ног» функционировало в качестве Цербера целомудрия для женщин целой нации, которые в прямом смысле не могли «сбежать на сторону». Верность жен и законнорожденность детей были обеспечены.

Мышление женщин, прошедших обряд «бинтования ног», было таким же неразвитым, как и их ступни. Девочек учили готовить, смотреть за хозяйством и вышивать обувь для «Золотого Лотоса». Мужчины объясняли необходимость интеллектуального и физического ограничения женщин тем, что если их не ограничивать, то они становятся извращенными, похотливыми и развратными. Китайцы верили в то, что родившиеся женщиной расплачиваются за грехи, совершенные в прошлой жизни, и «бинтование ног» — спасение женщин от ужаса еще одной такой реинкарнации.

Брак и семья являются двумя столпами всех патриархальных культур. В Китае «забинтованные ноги» были столпами этих столпов. Здесь соединились воедино политика и мораль, чтобы произвести на свет их неизбежного отпрыска — угнетение женщин, основанное на тоталитарных стандартах красоты и необузданном фашизме в сфере секса. При подготовке брака родители жениха сначала спрашивали о стопе невесты, а уж затем о ее лице. Ступня считалась ее главным человеческим качеством. Во время процесса бинтования матери утешали своих дочерей, рисуя им ослепительные перспективы брака, зависевшего от красоты перевязанной ноги. На праздниках, где обладательницы крошечных ножек демонстрировали свои достоинства, отбирались наложницы в гарем императора (что-то вроде нынешнего конкурса «Мисс Америка»). Женщины сидели рядами на скамьях, вытянув ноги, а судьи и зрители ходили вдоль проходов и комментировали размер, форму и убранство ног и обуви; никто, однако, не имел права дотронуться до «экспонатов». Женщины с нетерпением ждали этих праздников, так как в эти дни им разрешалось покидать дом.

Сексуальная эстетика (буквально «искусство любви») в Китае была чрезвычайно сложна и непосредственно связана с традицией «бинтования ног». Сексуальность «забинтованной ноги» основывалась на ее скрытости от глаз и на таинственности, окружающей ее развитие и уход за ней. Когда повязки снимались, ноги омывались в будуаре в строжайшей тайне. Частота омовений колебалась от 1 в неделю до 1 в год. После этого использовались квасцы и парфюмерия с различными ароматами, обрабатывались мозоли и ногти. Процесс омовения способствовал вос-

становлению кровообращения. Образно говоря, мумию разворачивали, колдовали над ней и снова заворачивали, добавляя еще больше консервантов. Остальные части тела никогда не мыли одновременно со ступней из-за боязни превратиться в свинью в следующей жизни. Хорошо воспитанным женщинам полагалось умереть со стыда, если процесс омовения ног видели мужчины. Это объяснимо: вонючая разлагающаяся плоть ступни стала бы неприятным открытием для неожиданно появившегося мужчины и оскорбила бы его эстетическое чувство.

Искусство ношения обуви было главным в сексуальной эстетике «перевязанной ноги». На ее изготовление уходили нескончаемые часы, дни, месяцы. Существовала обувь на все случаи всех цветов: для прогулок, для сна, для особых случаев вроде свадеб, дней рождения, похорон; существовала обувь, обозначающая возраст владелицы. Красный цвет был цветом обуви для сна, поскольку он подчеркивал белизну кожи тела и бедер. Дочь на выданье делала 12 пар обуви в качестве приданого. Две специально изготовленные пары дарилась свекру и свекрови. Когда невеста впервые входила в дом мужа, ее ноги незамедлительно изучались, при этом обозревавшие не сдерживали ни восхищения, ни сарказма.

Существовало также искусство походки, искусство сидения, стояния, лежания, искусство поправления юбки и вообще искусство любого движения ног. Красота зависела от формы ноги и от того, как она двигалась. Естественно, что одни ноги были красивее других. Размер ступни менее 3 дюймов и полная бесполезность были отличительными чертами аристократической ноги. Эти каноны красоты и статуса отводили женщинам роль сексуальных ублажательниц (украшений), эротических безделушек. Идеалом этого даже в Китае была, естественно, проститутка.

Женщины, не прошедшие обряда «бинтования ног», вызывали ужас и отвращение. Они предавались анафеме, их презирали и оскорбляли. Вот что говорили мужчины о «забинтованной» и обычной ногах:

Крошечная нога свидетельствует о добропорядочности женщины...

Женщины, не прошедшие обряда «бинтования ног», выглядят как мужчины, поскольку крошечная нога и является знаком различия...

Крошечная ступня мягка, и прикосновение к ней чрезвычайно волнует...

Грациозная походка дает наблюдателю смешанное чувство сострадания и жалости...

Ложась спать, обладательницы естественных ног неловки и тяжеловесны, а крошечные ступни мягко проникают под покрывало...

Женщина с большими ногами не заботится об очаровании, а обладательницы крошечных ножек часто омывают их и используют благовония, чтобы очаровывать всех находящихся вблизи них...

При ходьбе нога естественной формы выглядит куда менее эстетично...

Все приветствуют крошечный размер ноги, ее считают драгоценной...

Мужчины так жаждали ее, что обладательницам крошечных ног сопутствовал гармоничный брак...

Крошечные ножки дают возможность всецело ощутить разнообразие удовольствий и любовных ощущений...<sup>8</sup>

Изящная, маленькая, изогнутая, мягкая, ароматная, слабая, легко возбудимая, пассивная до почти полной неподвижности — такой была женщина с «забинтованными ногами». Ее повязки создавали необычные вагинальные складки; изоляция в пределах спальни только усиливала ее страстность, процесс игры со сморщенной, согнутой ступней усиливал желание мужчин. Даже образы, отраженные в названиях различных форм стопы, предполагали, с одной стороны, женскую слабость (лотос, лилия, побег бамбука, китайский каштан), а с другой — мужскую независимость, силу и быстроту (ворон с огромными лапами, ступня обезьяны). Такие мужские черты были неприемлемы для женщин. Этот факт подтверждает сказанное выше: «бинтование ног» не закрепило существующие различия между мужчиной и женщиной, а создало их. Один пол стал мужским за счет того, что превратил другой пол во что-то абсолютно противоположное и называемое женским. В 1915 году один китаец написал сатирическое эссе в защиту обычая:

«бинтование ног» есть условие жизни, при котором мужчина обладает рядом достоинств, а женщина всем довольна. Поясню: я китаец, типичный представитель своего класса. Я слишком часто был погружен в классические тексты в юности, и мои глаза ослабели, грудная клетка стала плоской, а спина сторбленной. Я не обладаю сильной памятью, а в истории прежних цивилизаций есть еще много такого, что надо запомнить перед тем, как познавать дальше. Среди ученых я невежда. Я робок, и голос мой дрожит в разговоре с другими мужчинами. Но по отношению к жене, прошедшей обряд «бинтования ног» и привязанной к дому (за исключением тех мо-

ментов, когда я беру ее на руки и несу в паланкин), я чувствую себя героем, мой голос подобен рыку льва, мой ум подобен уму мудреца. Для нее я целый мир, сама жизнь»<sup>9</sup>.

Ясно, что китайские мужчины становились высокими и сильными за счет крохотных ножек своих женщин.

Так называемое искусство «бинтования ног» было процессом использования человеческой ноги как неживой материи для придания ей нечеловеческой формы. «Бинтование ног» было «искусством» превращения живого в бесчувственное и мертвое. Здесь нет ничего, связанного с творчеством, мы имеем дело в данном случае с фетишизмом и сексуальным психозом. Этот фетиш стал основным компонентом целой культуры на протяжении почти 1 000 лет. Манипуляция крошечной ступней являлась обязательной прелюдией к сексуальному контакту, и целые учебники были посвящены тому, как лучше играть с «Золотым Лотосом».

Вдыхание запаха кожи, прикосновения к ногам губами, языком, зубами были частью эротической игры. Считалось, что женщиной с меньшим размером ноги легче манипулировать в постели, а это было значительным преимуществом. Кража обуви была распространенным явлением. Женщины были вынуждены специально пришивать обувь к повязкам. Украденные туфли часто возвращали со следами спермы. Проститутки обнажали свою ногу только за высокую цену (в Китае они по улицам не ходили). Кубок с напитком в туфельке проститутки или куртизанки — излюбленный предмет игр того времени. Проститутки с крошечными ступнями имели особые имена, например «Бессмертная Луна», «Красное Сокровище», «Золотая Жемчужина». Существовало множество эвфемизмов для называния ног, обуви и повязок. Некоторые мужчины посещали проституток, чтобы вымыть их ноги и выпить грязную воду или выпить чай, заваренный на такой воде. Другие хотели, чтобы их пенисом играла ступня женщины. Кроме этого, имели место суеверия: многие верили в целительные свойства воды, в которой была омыта ножка.

И последнее. «Бинтование ног» стало благодатной почвой для появления и культивирования садизма, при этом явлении обычная жестокость могла трансформироваться в зверства. Вот один из кошмаров того времени.

«Мачеха или тетя при «бинтовании ног» проявляли куда большую жесткость, чем родная мать. Существует описание старика, которому доставляло удовольствие слышать плач своих дочерей при наложении повязок...В доме все должны были пройти этот обряд. Первая жена и наложницы имели право на

послабления, и для них это было не таким уж страшным событием. Они накладывали повязку один раз утром, один раз вечером и еще раз перед сном. Муж и первая жена строго проверяли плотность повязки, и те, кто ослаблял ее, подвергались избиениям. Обувь для сна была настолько мала, что женщины просили хозяина дома потереть их стопы, чтобы это принесло хоть какое-то облегчение. Еще один богач «славился» тем, что сек своих наложниц по их крошечным ступням, пока не появлялась кровь»<sup>10</sup>.

«...Около 1931... разбойники напали на семью, и женщины, прошедшие обряд «бинтования ног», не смогли убежать. Бандиты, раздоренные неспособностью женщин быстро двигаться, заставили их снять повязки и обувь и бегать босиком. Те кричали от боли и отказывались, несмотря на избиения. Каждый бандит избрал жертву и заставлял ее танцевать на острых камнях... Еще хуже относились к проституткам. Их руки пробивали гвоздями, ногти заталкивали внутрь тела, они кричали от боли в течение нескольких дней, после чего умирали. Формой пытки было привязывание женщины таким образом, чтобы ее ноги висели в воздухе, причем к каждому пальцу ноги привязывали по кирпичу, пока пальцы не вытягивались или даже отрывались»<sup>11</sup>.

### *Конец эпохи «бинтования ног»*

Всю свою жизнь мы снова и снова задаемся одними и теми же вопросами. Вопросами о людях, о том, что, как и почему они делают. Как могли немцы лишить жизни 6 млн евреев, использовать их кожу для изготовления абажуров и вырывать у них золотые зубы? Как могли люди с белой кожей продавать и покупать людей с черным цветом кожи, вешать и кастрировать их? Как могли «американцы» истребить индейские племена, забрать у них землю, распространить среди них голод и болезни? Как может продолжаться по сей день геноцид в Индокитае, день за днем, год за годом? Почему это происходит?

Женщины могли бы задаться другой серией трудных вопросов: почему ходу истории сопутствовало повсеместное угнетение женщин? Какое право имели инквизиторы сжигать женщин на кострах, называя их ведьмами? Как могли мужчины идеализировать перевязанную ногу искалеченной женщины? Как и почему?

Традиция «бинтования ног» существовала около 1000 лет. Как оценить это преступление? Как измерить жестокость и боль, наполнившие эту тысячу лет? Как проникнуть в суть тысячелетней женской истории? Какими словами описать ту страшную реальность?



Здесь мы не имеем дело со случаем, когда одна раса хотела войны с другой из-за пищи, земли или власти; одна нация не сражалась с другой во имя реального или мнимого выживания; одна общность людей в приступе истерии не истребляла другую. К этой ситуации не подходит ни одно традиционное оправдание или объяснение такой жестокости. Напротив, здесь один пол калечил другой в интересах эротики, *гармонии* между мужчиной и женщиной, распределения социальных ролей и красоты.

Представьте масштаб совершенных преступлений.

Миллионы женщин в течение 1000 лет подвергались нанесению жестоких увечий и становились калеками во имя эротики.

Миллионы людей в течение 1000 лет подвергались нанесению жестоких увечий и становились калеками во имя красоты.

Миллионы мужчин в течение 1000 лет наслаждались любовной игрой, связанной с обожествлением перевязанной ноги.

Миллионы матерей в течение 1000 лет наносили увечья и калечили своих дочерей во имя прочного брака.

Однако этот тысячелетний период является только верхушкой страшного айсберга: крайние проявления романтических отношений и ценностей, имеющих корни во всех культурах как сейчас, так и в прошлом, показывают, что любовь мужчины к женщине, его сексуальное обожание женщины, восторг и удовольствие, получаемое от нее, само ее определение как женщины требовали ее уничтожения, нанесения физических увечий и психологической лоботомии. Это и есть природа той романтической любви, которая основана на противоположных поведенческих ролях и отражена в истории женщины на протяжении веков, а также в литературе: *он* торжествует во время *ее* агонии, *он* обожествляет *ее* уродливость, *он* уничтожает *ее* свободу, использует женщину только как объект сексуального удовлетворения, даже если для этого требуется поломать ей кости. Жестокость, садизм и унижение возникли как основное ядро этики романтизма. Это уродливое ответвление культуры, какой мы ее знаем.

Женщина должна быть красивой. Все носители культурной мудрости начиная со времен царя Соломона сходятся на этом: женщины должны быть прекрасными. Благоговение перед женской красотой питает романтизм, дает ему энергию и оправдание. Красота трансформирована в сей золотой идеал. Красота является абстрактным объектом обожания. Женщина должна быть красивой, женщина есть сама красота.

Понятие красоты всегда включает в себя всю структуру данного общества и является воплощением его ценностей. Общество с четко выраженной аристократией имеет аристократические стандарты кра-

соты. В западных «демократиях» определения красоты являются «демократическими» по сути: даже если женщина не рождена красивой, она может сделать себя *привлекательной*.

Вопрос заключается не в том, что некоторые женщины некрасивы и поэтому несправедливо судить о женщинах по их физической красоте; и не в том, что раз мужчины не делятся по этому принципу, то женщин тоже нельзя делить подобным образом; и не в том, что мужчины должны прежде всего обращать внимание на внутренние качества женщин; и не в том, что наши стандарты красоты являются, по сути, ограниченными; и даже не в том, что оценка женщин касательно этих стандартов красоты приводит к превращению их в некое изделие или имущество, которое отличается от любимой коровы фермера только внешней формой. Вопрос коренится в другом. Стандарты красоты точно отражают отношение человека к своей физической сущности. Они предписывают женщине необходимые черты: быстроту, непредсказуемость, ту или иную походку, то или иное поведение в разных ситуациях. *Они ограничивают ее физическую свободу*. И, конечно, они устанавливают основополагающие отношения между физической свободой и психологическим развитием, возможностями интеллекта и созидательным потенциалом.

В нашей культуре ни одна часть женского тела не осталась незамеченной, неулучшенной. Ни одна черта, ни одна конечность не осталась без внимания искусства, невредимой и неисправленной. Волосы окрашиваются, лакируются, выпрямляются, завиваются; брови выщипываются, подкрашиваются, подчеркиваются; глаза подводятся, подкрашиваются, оттеняются; ресницы подвиваются или накладываются искусственные — от макушки до кончиков пальцев все черты, черточки и части тела обрабатываются. Этот процесс бесконечен. Он движет экономику и является основой ролевой дифференциации мужчин и женщин, самым непосредственным физическим и психологическим проявлением женщины. С 11 или 12 лет и до конца жизни женщина проводит массу времени, тратит массу денег и энергии на «затягивание» себя, выщипывание волос, изменение или избавление от естественных запахов. Распространено достаточно спорное заблуждение, что мужчины-трансвеститы, используя макияж и женскую одежду, являют собой карикатуру на женщин, какими бы те могли стать, но любой человек, знакомый с романтической этикой, поймет, что эти мужчины проникают в суть бытия женщины как идеологически сконструированного существа.

Технология и идеология красоты передаются от матери к дочери. Мать учит дочь красить губы, брить подмышки, носить

бюстгальтер, стягивать талию и ходить в обуви на высоком каблуке. Каждый день мать учит дочь поведению, роли и месту в жизни. И она обязательно учит свою дочь психологии, определяющей женское поведение: женщина должна быть красивой, чтобы радовать абстрактного и влюбленного Его. То, что мы назвали этикой романтизма, так же ярко проявляется в Америке и Европе XX века, как и в Китае X века.

Этот культурный перенос технологии, роли и психологии очевидным образом влияет на эмоциональные отношения между матерью и дочерью. Он существенно подкрепляет амбивалентную динамику «любовь — ненависть» таких отношений. Что должна чувствовать китайская девочка по отношению к матери, «бинтовавшей» ей ногу? Что чувствует ребенок по отношению к матери, заставлявшей его совершать действия, причиняющие боль? Мать принимает роль насильника, используя соблазнение и принуждение в любых формах, чтобы заставить дочь соответствовать нормам культуры. Именно потому, что такая роль становится главной в отношениях «мать — дочь», в будущем проблемы между ними становятся неразрешимыми. Дочь, отвергающая навязанные матерью нормы, вынуждена отказаться от своей матери, согласиться с ненавистью и обидой, отчуждением от матери и общества настолько сильным, что собственное женское естество оказывается уничтоженным. Дочь, воспринявшая эти ценности, будет поступать так же, как поступали с ней, и ее скрытые ярость и обида будут направлены на ее собственную дочь и мать.

Боль является неотъемлемой частью процесса ухода за собой, и это не случайно. Выщипывание бровей, бритье подмышек, затягивание талии, обучение ходьбе в обуви на высоких каблуках, операции по изменению формы носа или завивка волос — все это *боль*. Боль, конечно, дает прекрасный урок: никакая цена не может быть чрезмерной для того, чтобы стать красивой: ни отвратительность процесса, ни болезненность операции. *Принятие боли и ее романтизация начинаются именно здесь*, в детстве, в социализации, служащей подготовкой женщины к родам, самоотречению и угождению супругу. Детский опыт «боли становления женщиной» придает женской психике мазохистский оттенок, приучая к принятию такого своего образа, который основан на пытках тела, удовольствии от пережитой боли и ограничении в передвижении. Он создает характеры мазохистского толка, обнаруживаемые в психике уже взрослых женщин: услужливых, материалистичных (поскольку все ценности сводятся к телу и его украшению), интеллектуально скудных и творчески бесплодных. Он превращает женский пол в менее раз-

витый и более слабый, как бывает неразвитой любая отсталая нация. Фактически последствия этого навязанного отношения женщин к своим телам являются настолько важными, глубокими и обширными, что вряд ли какая-нибудь сфера человеческой деятельности останется незатронутой ими.

Мужчинам, естественно, нравятся женщины, которые «ухаживают за собой». Отношение мужчины к накрашенной и модной женщине есть приобретенный и навязанный обществом фетиш. Достаточно вспомнить мужскую идеализацию «забинтованных ног», чтобы узнать здесь ту же социальную динамику. Романтические отношения мужчины и женщины, основанные на ролевых различиях, превосходство, построенное на культурно обоснованном подавлении женщин, а также на чувствах стыда, вины и страха у женщин и в конечном итоге на сексе, — все это связано с закреплением тягостного императива по уходу женщин за собой.

Вывод из этого анализа «любвонной» этики ясен. Первым шагом в процессе освобождения (женщин от угнетения, мужчин — от несвободы их фетишизма) является радикальное переосмысление отношения женщины к своему телу. Оно должно быть освобождено даже в буквальном смысле: от косметики, тугих затягивающих поясов и прочей ерунды. Женщины должны перестать калечить свои тела и начать жить так, как им удобно. Возможно, новые представления о красоте, которые тогда возникнут, будут полностью демократичными и демонстрирующими уважение к человеческой жизни в ее бесконечном и прекрасном разнообразии.

### Примечания

- 1 Howard S. Levy. *Chinese footbinding: The history of a curious erotic custom* (New York: W. Rawls, 1966), p. 39. Работа Леви является основным источником всего исторического и фактологического материала этой статьи.
- 2 Там же, с. 112.
- 3 Там же, с. 25–26.
- 4 Там же, с. 26.
- 5 Там же, с. 26–28.
- 6 Там же, с. 141.
- 7 Там же.
- 8 Там же, с. 182.
- 9 Там же, с. 89.
- 10 Там же, с. 144.
- 11 Там же, с. 144–145.

Перевод И. Караичевой выполнен по:  
Andrea Dworkin, *Gynocide: Chinese Footbinding*, in *Feminist Frontiers III* (Laurel Richardson, Verta Taylor, eds.), NY: McGraw-Hill, 1993, p. 60–68.

## Нэнси Чодороу

– социолог по образованию, одна из самых авторитетных представительниц феминистской перспективы в психоанализе. Ее книга «Воспроизводство материнства: психоанализ и социология пола» (1978) стала новаторской в области интерпретации психоаналитической теории половых различий.

Решая проблему воспроизводства половых различий, психоанализ как теория гетеросексуального развития исходит из того, что ребенок подсознательно идентифицирует себя с родителем своего пола. Задавшись вопросом, почему женщины хотят быть матерями, Чодороу отвергла концепцию женского материнского поведения как инстинктивного, «природного», врожденного или генетически закрепленного в результате эволюции. Вместе с тем социальные теории материнства также не представляются убедительными. Невозможно говорить о том, что женщины, подталкиваемые обществом, сами «входят» в гендерные роли, в

---

## ВОСПРОИЗВОДСТВО МАТЕРИНСТВА: психоанализ и социология пола

### Часть III. Половая идентификация и воспроизводство материнства

#### Глава 11. *Половая социология взрослой жизни*

Следовательно, существует типично асимметричная связь между брачной парой и профессиональной структурой. Это асимметричное соотношение, очевидно, имеет чрезвычайно важное положительное функциональное значение и в то же время является источником напряжения при моделировании половых ролей.

*Толкот Парсонс*

«Система родства современных Соединенных Штатов»

У девочек и мальчиков вырабатывается различная способность к отношениям с другими людьми и различное самосознание. В семьях, где родительская забота осуществляется женщинами, эти обусловленные полом черты личности подкрепляются различиями в идентификационных процессах мальчиков и дево-

том числе материнскую, потому что это означало бы, что гендерные роли могут избираться. К тому времени, когда индивидуум достаточно созрел для какого-либо выбора, не говоря о таком фундаментальном, как выбор социополовых ролей, он уже наделен половым самосознанием.

Как и современные французские феминистки, Чодорю считает, что центральным элементом при формировании отдельности и идентичности личности является образ матери. Теория «воспроизводства материнства» описывает, каким образом половое разделение труда в соединении с особенностями психического развития в доэдиповом периоде поощряет к материнству девочек и отстраняет от него мальчиков. Как полагает Чодорю, современная нуклеарная семья характеризуется асимметричной структурой родительства с таким разделением труда, при котором женщины «материнствуют», а мужчины нет. Термин «ма-

теринство» употребляется ею менее всего в значении физиологической функции вынашивания, рождения и грудного вскармливания ребенка и более всего в смысле социальной деятельности по воспроизводству членов сообщества, требующей эмпатии с ребенком. Эта деятельность имеет одной из своих целей такое усвоение новым поколением ценностей и установок сообщества, при котором сама его организация, а также позиция в нем индивидуума будут считаться им «естественными» и не окажутся подвергнуты сомнению.

Асимметричная организация родительства («материнства») способствует такой динамике идентификации, при которой только девочки (но не мальчики) усваивают личностные черты, необходимые для социального материнства: привязанность, включенность в личные отношения, эмпатию. Идентифицируясь с матерями, они вырастают менее отстраненными, ориентиро-

---

чек, которые также являются результатом материнского воспитания. Различающиеся способности к отношениям с другими и формы идентификации подготавливают женщин и мужчин к осуществлению взрослых половых ролей, которые предусматривают для женщин прежде всего сферу воспроизведения потомства в обществе, характеризующемся неравенством полов.

### *Половая идентификация и усвоение половой роли*

Исследователи, изучавшие процессы усвоения половых ролей и выработку самоидентификации у мальчиков и девочек, утверждают, что асимметричная организация родительской заботы, при которой воспитательная роль принадлежит женщине, является основной причиной значительных контрастов между процессами женской и мужской идентификации<sup>1</sup>. Их дискуссии охватывают широкий диапазон проблем — от усвоения соответствующего пологового поведения — через имитацию, прямое обучение и наставления, а также познавательные обучающие процессы — до выработки основной, обусловленной полом идентичности. Похоже, эти процессы носят универсальный характер в том смысле, что во всех обществах существует обусловленный женским воспитанием раздел на частный, домашний, мир женщин и публичный, общественный, мир мужчин<sup>2</sup>. Ученые считают, что дети

ванными на других и на привязанность к ним, потому что роль матери в семье предполагает тесную связь с другими. Мальчики же подавляют свои эмоциональные потребности и привязанности. Идентифицируя себя с отцами, они вырастают эмоционально «твердолобыми», отстраненными (удаленными) от других, потому что организация семьи такова, что отец значительную часть времени проводит вне дома: он физически удален. Войдя в эдипов период отделения от матери, мальчики начинают подавлять свои эмоциональные потребности и привязанности; этот болезненный процесс облегчается осознанием необходимости идентификации с мужчинами (отцом) для достижения власти. Асимметричное родительство связано с обесцениванием женского вклада (очевидно, потому, что эта деятельность не имеет рыночной стоимости); презрение общества к женской работе помогает мальчику определить себя в оппо-

зицию к женскому полу, представительницей которого является мать.

Теория Чодороу ориентирована на идентификационную перспективу с ее акцентом на бессознательные психические процессы; отличие же от традиционного психоанализа в том, что она помещает процессы идентификации в контекст полового разделения труда в семье и обществе, то есть использует как психоаналитическую, так и социологическую парадигму. Чодороу устанавливает связь между гендерной идентичностью и структурой семьи, характерной для западного капиталистического общества. Но такая модель семьи не является универсальной, потому, возможно, что эта теория приложима только к семьям с традиционным разделением труда. Во всяком случае, критики Чодороу ставят уместный вопрос, имеет ли она в виду только белую семью среднего класса и как в таком случае обстоят дела в других культурах.

обоих полов всегда осуществляют первую идентификацию со своей матерью и, оставаясь возле женщин, усваивают более понятные семейные роли женщин и состояние женственности, а не мужские роли и мужественность. Поэтому становление мужчины сложнее, чем женщины, из-за тех сдвигов в идентификации, которые должен пройти мальчик для достижения ожидаемой половой идентификации и осуществления соответствующей полу роли. Эта точка зрения резко контрастирует с акцентом, который психоаналитики делают на трудностях, присущих именно женскому развитию, в процессе прихода к выбору гетеросексуального объекта\*.

Поскольку все дети сначала отождествляют себя с матерью, процессы половой идентификации и осознание обусловленной полом роли являются продолжением самой ранней идентификации девочки, но не мальчика. Например, эдипова идентификация девочки с матерью является продолжением ее самой ранней

\* Степень сложности, связанной с мужской идентификацией, колеблется, как колеблется и степень, в которой разнятся процессы идентификации у мальчиков и девочек. Это отличие зависит от степени разделения на общественное и домашнее в субкультуре или обществе – степени, в которой мужчины, мужская работа и мужская деятельность удалены от дома, и поэтому мужественность и личные отношения со взрослыми мужчинами малодоступны для ребенка.

Нэнси Чодороу полагает, что исключительно женское материнство имеет своими последствиями как различие психики мужчин и женщин, так и воспроизводство структуры общества, в котором они обладают неравными статусами. Теория «воспроизводства материнства», объясняя, каким образом «гендерная личность» воссоз-

дается через социальную структуру семьи, логично предполагает, что только ее изменение, то есть «двойное родительство», приведет к трансформации общества. В нем мужчины, так же как и женщины, будут эмоционально открытыми, а женщины, так же как и мужчины, обретут полную личную автономию.

---

первичной идентификации (к тому же в контексте ее ранней зависимости и привязанности). Однако эдипов кризис мальчика предположительно должен позволить ему осуществить перемену в пользу идентификации с отцом. Он отказывается как от своей эдиповой и доэдиповой привязанности к матери, так и от своей первичной идентификации с ней.

Что верно для эдиповой идентификации, то справедливо и для более общей половой идентификации и усвоения обусловленной полом роли. Мальчик, чтобы почувствовать себя в полной мере мужественным, должен выделять себя из других и осознавать свое отличие от других, чего не приходится делать девочке; он должен, с точки зрения категоризации, относиться к себе как к кому-то отдельному. Более того, он определяет мужественность негативно — как нечто, не являющееся женственным и/или связанным с женщинами, — а не позитивно<sup>3</sup>. Это еще один путь, которым мальчики приходят к отрицанию и подавлению отношений и связей в процессе взросления.

Эти различия сохраняются даже в тех случаях, когда значительная часть социализации девочки и мальчика происходит в одинаковых условиях, когда оба ходят в школу и могут составлять, будучи взрослыми, часть рабочей силы или других внесемейных институтов. Но так как вместе с этим девочки растут в



семьях, где матери играют основную роль как родители и воспитатели, они тоже могут начать идентифицироваться более прямо и непосредственно со своими матерями и их семейными ролями, чем это могут сделать мальчики в отношении своих отцов и мужчин вообще. Более того, поскольку женщина продолжает осознавать себя прежде всего как жена/мать, преемственность поколений в плане роли и жизнедеятельности осуществляется между матерью и дочерью в большей степени, чем между отцом и сыном. Такая идентификация, вероятно, не вполне оправдана, поскольку в реальности девочки должны предвидеть, что они значительную часть своей жизни будут частью рабочей силы, тогда как их матерям такие ожидания были свойственны в меньшей степени. Тем не менее организация и идеология семьи по-прежнему ведут к этим — обусловленным полом — различиям и являются источником ожиданий, в соответствии с которыми женщины в значительно большей степени, чем мужчины, обнаруживают свою первичную идентификацию в семье.

Постоянное отсутствие отца и «безотцовщина»\*, которая нормальна для нашего общества, не означают, что мальчики не осваивают мужских ролей или настоящего мужского поведения, точно так же как нет свидетельства тому, что гомосексуальность у женщин коррелирует с отсутствием отца<sup>4</sup>. Значение имеет именно та степень, в которой ребенок любого пола может иметь личные отношения с объектом идентификации, вытекающие из этого способа идентификации. Митшерлих, Слейтер, Уинч и Линн — все они подтверждают существование этих различий<sup>5</sup>. Они делают предположение, что у девочек в современном обществе развивается идентификация личности с матерью и что связь между эмоциональными процессами и освоением ролей — между развитием либидо и эго — характеризует женское развитие. По контрасту у мальчиков развивается позиционная идентификация с аспектами мужской роли. У них связь между эмоциональными процессами и обучением ролям нарушена.

Личностная идентификация, по Слейтеру и Уинчу, состоит в рассеянной идентификации с личностью вообще, особенностями поведения, ценностями и взглядами кого-то другого. Ролевая\*\* идентификация, напротив, заключается в идентификации со специфическими аспектами роли другого и необязательно приводит к принятию ценностей или взглядов идентифицируемого человека. По Слейтеру, дети выбирают преимущественно лич-

\* Этим словом автор обозначает ситуацию, когда отец проводит большую часть времени вне дома на работе (прим. ред.).

\*\* Автор использует термин «позиционная» (прим. ред.).

ностную идентификацию, поскольку она вырастает из эмоциональной близости с находящимся рядом человеком. К позиционной идентификации они прибегают остаточно и реактивно и идентифицируют себя с воспринятой ролью или ситуацией другого, когда нет возможностей для личностной идентификации.

В нашем обществе мать девочки играет в ее жизни роль более значительную, чем отец или другие взрослые в жизни мальчика. У девочки может развиваться личностная идентификация с матерью, поскольку она имеет с ней реальную связь, выросшую из ранней первичной связи. Она узнает, что значит быть похожей на женщину в контексте этой идентификации себя с матерью и часто с другими женщинами (родными, учительницами, подругами матери, матерями друзей). Женская идентификация в таком случае может основываться на постепенном освоении способа ориентировки в повседневной жизни, примером которого служат взаимоотношения с наиболее близким человеком.

Мальчик должен попытаться выработать в себе идентификацию с мужским полом в отсутствие непрерывного и длительного личного общения с отцом (и в отсутствие постоянно демонстрируемой мужской ролевой модели). Эта ролевая идентификация происходит как психологически, так и социологически. Как явствует из описаний мужского эдипова комплекса, мальчики присваивают те специфические компоненты отцовской мужественности, которые, как они опасаются, будут в противном случае использоваться против них, но в меньшей степени идентифицируются с отцом как с личностью. С социологической точки зрения, у мальчиков в семьях с отсутствующим или обычно находящимся вне дома отцом развивается представление о мужественности через идентификацию с культурно обусловленными образами мужественности и мужчинами, избранными в качестве ее моделей.

Мальчиков учат быть мужественными более сознательно, чем девочек учат быть женственными. Девочек обучают гетеросексуальным компонентам их роли и в отсутствие отцов и мужчин, в то время как предполагается, что мальчик обучается своей гетеросексуальной роли не через научение, а через взаимодействие со своей матерью<sup>6</sup>. Другие компоненты мужественности должны прививаться более сознательно, и мужская идентификация в таком случае представляет собой преимущественно поло-ролевую идентификацию. В противоположность этому, женская идентификация преимущественно *родительская*: «Мужчины чаще всего отождествляют себя с определенным культурно обусловленным стереотипом мужской роли, тогда как жен-

щины имеют склонность к специфической идентификации с определенными аспектами роли своей собственной матери»<sup>7</sup>.

Таким образом, процессы идентификации у девочек происходят в длительных отношениях с матерью и опосредуются ими. Они вырабатываются через личные эмоциональные взаимоотношения с другими, на чем и делается акцент. Маловероятно, чтобы процессы идентификации у мальчика в такой же степени коренились в реальных эмоциональных взаимоотношениях со своим отцом или были ими опосредованы. При этом он склонен отрицать идентификацию со своей матерью и связь с ней и отвергать то, что он считает миром женственности; мужественность определяется в равной степени как негативно, так и позитивно. В процессах мужской идентификации акцентируется отличие от других, отрицание эмоциональной связи и категориальные универсалистские компоненты мужской роли. Процессы женской идентификации отношенческие, тогда как процессы мужской идентификации имеют тенденцию к отрицанию отношения.

Эти отличия не означают, что развитие женственности для девочки приятно и увлекательно во всех отношениях. Перед ней стоят проблемы *другого рода*, отличные от проблем, которыми сопровождается становление мужественности у мальчика. Женская идентификация, которой достигает девочка, и мужская идентификация, по поводу которой у мальчика остается неопределенность, оцениваются по-разному. В своей недостижимости мужественность и мужская роль становятся для мальчиков (а часто и для девочек) предметом фантазирования и идеализации, тогда как женственность и женская роль всегда остаются для девочки слишком реальными и конкретными. Требования, предъявляемые к женщинам, часто противоречивы — например, быть пассивными и зависимыми по отношению к мужчинам и активными и инициативными с детьми. Более того, в контексте эго- и объектно-поведенческих вопросов, которые я описывала в предыдущих главах, ясно, что идентификация с матерью вызывает трудности. Девочка идентифицируется со своей матерью и, как полагают, должна это делать, для того чтобы достичь своей взрослой женской идентификации и освоить свою взрослую, обусловленную полом роль. При этом она должна быть достаточно дифференцирована, чтобы вырасти и ощущать себя в качестве отдельного индивидуума, то есть преодолеть первичную идентификацию, сохраняя и выстраивая вторичную.

Различные исследования наводят на мысль о том, что в американском обществе у дочерей есть проблемы с отделением себя от матерей и отождествлением с ними<sup>8</sup>. Слейтер полагает, что

все формы личностной идентификации с родителями (перекрестно-полой и однополой) коррелируют с отсутствием психоза или невроза, за исключением личностной идентификации дочери со своей матерью. Джексон указывает, что идентификация мальчика со своим отцом относится к психологическому приспособлению, тогда как отождествление девочки со своей матерью таковым не является. В обоих случаях напрашивается вывод о том, что для девочки точно так же, как и для мальчиков, может быть легко, и даже слишком легко, достичь женской половой идентификации\*.

Процессы половой и поло-ролевой идентификации согласуются с моей более ранней оценкой развития психической структуры, подкрепляя и повторяя описанные последствия для отношений с объектом и для эго. Внешне, так же как и внутренне, женщины вырастают и остаются более связанными с другими. Не только роли, осваиваемые девочками, являются более личностными, выражающими исключительную приверженность, и эмоциональными, чем у мальчиков, но и сами процессы идентификации и освоения ролей чаще всего окрашены у них исключительной приверженностью и эмоциональной включенностью в межличностные отношения с матерями. Для мальчиков маловероятно, чтобы процессы идентификации и освоения мужских ролей были включены во взаимоотношения с их отцами или мужчинами; они, скорее, несут в себе отрицание эмоциональной связи с матерями. Эти процессы более культурно обусловлены и состоят в абстрактном или категориальном освоении ролей, а не в идентификации личности.

### *Семья и экономика*

Женское погружение в сферу отношений и связей и отрицание мужчины, а также категориальное самоопределение соответствуют дифференцированному участию женщин и мужчин во внесемейном производстве и семейном воспроизводстве. Женские роли в основном семейные и находятся в сфере личных, эмоциональных связей. Идеология в отношении женщин и обращение с ними в этом обществе, в частности, как с частью рабочей силы чаще всего проистекают из такой включенности в семьи и предположения, что они являются или должны являться для женщин исключительной и первостепенной и что это исходит из биологических и половых различий. В противоположность этому, в соответствии с общественной идеологией, муж-

\* Вспомним также описание, данное Дейч, случайным попыткам девочки, находящейся в допубертатном возрасте, разорвать идентификацию со своей матерью.

кие роли определяются в основном за пределами семьи. Хотя мужчины и заинтересованы в том, чтобы быть мужьями и отцами, и большинство действительно исполняет эти роли в течение жизни, идеология в отношении мужчин и определения того, что же является мужским, опирается преимущественно на внесемейные роли. Женщины в первую очередь находятся в системе пол-гендер, мужчины — в системе организации производства.

Мы можем переформулировать эти идеи, подчеркнув, что жизнь женщин и суждения о них определяют их включение в социальное взаимодействие и личные взаимоотношения по-иному, чем мужчин. Хотя оба пола являются частями как семьи, так и внесемейного мира, разделение труда по признаку пола таково, что женщина занята в первую очередь в семье, институте отношений, а мужчина — нет. В нашем обществе женщины определяются главным образом как жены и матери в соответствии с отношением исключительной приверженности к кому-то еще, тогда как мужчины определяются главным образом в универсалистских терминах профессиональной занятости. Кроме того, эти женские роли и семейные функции особенно подчеркивают эмоциональные взаимоотношения и эмоциональные аспекты семейной жизни. Как я уже указывала в 1-й главе, материнство и супружество все больше и больше концентрируются на эмоциональных и психологических функциях: женская работа — это «эмоциональная работа»<sup>9</sup>. В противовес этому в профессиональных ролях мужчин и в профессиональной занятости вообще остается все меньше места для эмоций и проявлений исключительной приверженности. Две взаимосвязанные роли женщин, их двойная связь с мужчинами и детьми повторяют интернализированный треугольник отношений детства, то есть попеременную занятость проблемами взаимоотношений мужчины и женщины и матери и ребенка.

Исходная неотъемлемость материнства и супружества для женщин и их внутрисемейная ответственность за эмоциональные отношения еще более усиливаются способом социальной связи семьи с внесемейным миром. Парсонс и многие теоретики-феминисты указывают, что именно профессиональная роль мужа/отца является главным определяющим фактором классового статуса, с чем соглашаются и социологи, подчеркивая род деятельности и образование у *отца*. И хотя семьи все больше и больше зависят от дохода обоих супругов, классовое положение идеологически является следствием того, чем занимается мужчина. Соответственно на жену смотрят, как на получающую свой статус и классовое положение от него, даже если она также являет-

ся частью рабочей силы и вносит свой вклад в поддержание стиля жизни семьи. Ее рассматривают как представительницу своей семьи, тогда как ее мужа как независимую личность.

Роль жены/матери предполагает иное использование личности женщины, что является результатом совершенно разных механизмов конструирования современной системы социального пола и современного капитализма. Деятельность жены/матери безгранична по качеству. Она состоит, по свидетельствам бесчисленного количества домашних хозяек и по описаниям поэтесс, романисток и теоретиков-феминистов, из разбросанных обязанностей. Деятельность женщины в доме включает в себя осуществление непрерывной связи с детьми и заботу о них и созвучие нуждам взрослого мужчины; каждый из этих видов деятельности требует налаживания связи с другими, а не обособленности от них. Работа по поддержанию семьи и воспроизводству характеризуется повторяющейся и рутинной непрерывностью и не несет в себе установленной последовательности и прогрессии. По контрасту, работа в составе рабочей силы — «мужская работа» — скорее всего, контрактная, более разграниченная и содержит понятие определенной прогрессии и продукта.

Даже когда мужчины и женщины вторгаются в сферу другого, их роли остаются разными. Внутри семьи супружество для мужчин и отцовство отличаются от супружества для женщины и материнства; по мере того как женщины становились все более занятыми семьей, мужчины занимались ею меньше\*. Характеристика, данная Парсонсом, роли мужчины в семье может показаться слишком резкой, но она направляет нас на верный путь. Первая обязанность отца — обеспечить семью материально. Его эмоциональный вклад редко считают столь же важным, и мужская работа в доме, за редким исключением, определяется в соответствии со стереотипным взглядом на пол. Даже когда мужчины выполняют «женскую» домашнюю работу — моют посуду, ходят в магазин, укладывают детей спать, — эта деятельность часто организуется и поручается (делегируется) женой/матерью, которая сохраняет остаточную ответственность (мужчины «сидят» со своими собственными детьми, женщины — нет). Отцы, устанавливая связь со своими детьми, делают это, чтобы сохранить «независимость»<sup>10</sup>. Этому способствует собственная предыдущая социализация отца на подавление и отрицание эмоциональной связи и его нынешнее положение участника публичной,

\* Автор исходит из того, что разделение мужских и женских ролей усиливалось по мере развития капитализма (прим. ред.).

«неличной» сферы. Подобно тому как дети знают своих отцов «под влиянием принципа реальности»<sup>\*.11</sup>, отцы признают за своими детьми право на самостоятельность больше, чем матери.

Женские роли и идеология в отношении женщин за пределами семьи в гораздо большей степени основываются на личной связи, чем внесемейные мужские роли и идеология в отношении мужчин. Работа женщин в составе рабочей силы является чаще всего продолжением их ролей домохозяйки, жены и матери и их личных и эмоциональных связей (этого требует работа секретарш, работниц сферы обслуживания, «домоправительниц», медсестер, учителей). Мужская работа гораздо реже имеет эмоциональную окраску: мужчины — это ремесленники, сыщики, обладатели специальных и технических профессий.

Розальдо (Rosaldo), утверждая, что все эти аспекты положения женщин являются всеобщими<sup>12</sup>, предполагает, что женские роли менее публичны и «социальны», что они обладают меньшей лингвистической и институциональной дифференциацией и что взаимодействие, которое они вызывают, скорее основано на родственных связях и на скрещивании поколений, тогда как мужское взаимодействие остается в пределах одного поколения и идет наперерез родственным союзам, будучи построено на универсальных категориях. Женские роли базируются, таким образом, на так называемых личных, а не «социальных» или «культурных» связях, и вследствие этого они приобретают большую значимость в межличностных контекстах (лицом к лицу), но не обладают легитимной властью в контекстах, которые категориальны и определяются иерархией. Наконец, женские роли и приписываемый им биологический символизм связаны с пересечением границ: женщины посредничают между социальными и культурными категориями, которые определили мужчины; они ликвидируют разрыв и осуществляют переходы — особенно как воспитательницы и матери — между природой и культурой.

Роль женщин в доме и их первичная категоризация в терминах социального воспроизводства пола и гендера характеризуются исключительной приверженностью, озабоченностью эмоциональными целями и связями и разбросанным, недифференцированным качеством. Мужские профессиональные роли и их первичное отнесение к сфере производства определены и использованы универсалистски, и существует меньшая вероятность того, что в них будут присутствовать соображения эмоционального характера. Эта безотношенческая, экономическая и политичес-

\* Осознают его как отдельного человека скорее на словах, чем интуитивно.

кая дефиниция формирует их остальную жизнь. Производство женских личностей, ориентируемых на проблемы отношений, и мужских личностей, определяемых в терминах категориальных связей и подавления отношений, соответствует этим ролям и вносит вклад в их воспроизводство.

### *Материнство, маскулинность и капитализм*

Работа, называемая материнством и осуществляемая женщиной в отдельной нуклеарной семье капиталистического общества, ведет к возникновению определенных черт личности у мужчин. Эти черты воспроизводят как идеологию и психодинамику мужского превосходства, так и подчинение требованиям производственных отношений. Такое материнство готовит мужчин к участию в семье и обществе, где доминирует мужчина, к меньшему эмоциональному участию в семейной жизни и устремленности в капиталистический мир труда.

Развитие мужчины происходит в семье, где женщины осуществляют функции воспитания («материнствуют»), а отцы, в общем-то, не заботятся о ребенке и не участвуют в семейной жизни, а также в обществе, характеризующем неравенством полов и идеологией мужского превосходства. Эта двойственность выражает себя в семье. В семейной идеологии отцы обычно важны и считаются главой дома. Жены концентрируют на них энергию и заботу и любят их или, по крайней мере, думают и утверждают это. Матери обычно представляют детям отцов как кого-то важного, кого-то, кого мать любит, и даже возвышают своих мужей перед детьми, чтобы компенсировать обстоятельство, что сами дети не могут узнать своего отца так же хорошо, как мать. Иногда они в то же время принижают мужа в ответ на его положение социального превосходства или власти в семье.

Мужественность, и в этом участвует мать, представляют мальчику как менее доступную, чем женственность. Мать мальчика — это первый ответственный за него человек. Тем не менее мужественность идеализируется или представляется приоритетной и, таким образом, становится даже более желательной. Хотя роль отцов в повседневном взаимодействии не так значима, как матери, дети часто идеализируют их и отдают им идеологическое первенство именно из-за их отсутствия и кажущейся недоступности, а также в связи с организацией и идеологией мужского доминирования в обществе в целом.

Мужественность является проблемой совершенно иного порядка, чем женственность: она не связана с какой-то внутренней мужской биологией или тем, что мужские роли изначально бо-



лее трудные, чем женские. Мужественность становится проблемой как непосредственный результат собственного опыта, приобретенного мальчиком в своей семье, где его родительницей была мать. Для детей обоих полов матери символизируют регресс и отсутствие автономии; у мальчика же это связывается и с половой идентификацией. Зависимость от матери, привязанность к ней и идентификация с ней представляют собой то, что не является мужественным; мальчик должен отвергнуть зависимость, привязанность и идентификацию. Обучение мужской половой роли становится гораздо более жестким, чем женской. Мальчик подавляет в себе качества, которые он считает женскими, отвергает и обесценивает женщин и все то, что он считает женским в социальном мире.

Таким образом, мальчики определяют и пытаются строить свое ощущение мужественности в значительной степени через отрицание. Учитывая, что мужественность так трудно достижима, для мужской идентичности важно, чтобы некоторые виды деятельности рассматривались как мужские и доминирующие и чтобы женщин считали неспособными делать многое из того, что определяется как социально значимое. Необходима уверенность в том, что экономический и социальный вклад женщин не может равняться вкладу мужчин. Надежное обладание этими сферами и объявление их высшими по отношению к материнскому миру детства становятся ключевыми как для определения мужественности, так и для собственной идентификации с мужским полом у конкретного мальчика<sup>13</sup>.

Фрейд описывает генезис этой установки в мужском эдиповом комплексе. Борьба мальчика за освобождение от матери и достижение мужественности формирует «презрение мужчин к полу, который слабее»<sup>14</sup> — «то, что мы считаем нормальным мужским презрением к женщинам»<sup>15</sup>.

Во время эдипова периода оба пола начинают испытывать негативные чувства к матери. Девочки, однако, испытывают не столько презрение и обесценивание [женственности], сколько страх и враждебность: «Девочка, неспособная к такому презрению из-за природы собственной идентичности, освобождается от матери с гораздо большей степенью враждебности, чем мальчик»<sup>16</sup>. Презрение мальчика служит его освобождению не только от матери, но и от женственности внутри себя, поэтому оно переплетается с проблемой мужественности и распространяется на всех женщин. Враждебность девочки остается связанной больше с ее взаимоотношениями с матерью (и/или становится частью самоуничижения).

Эдипов комплекс мальчика непосредственно связан с вопросами мужественности, и девальвация женщин — его «нормальный» результат. Девальвация матери или враждебность к ней со стороны девочки может составлять часть процесса, но его «нормальный результат», в противоположность этому, влечет за собой принятие своей собственной женственности и идентификацию с матерью. Каково бы ни было индивидуальное разрешение женского эдипова комплекса, оно, однако, не институциализируется подобным образом.

Фрейд трактует развитие презрения к матерям у мальчиков как следствие осознания различий в строении гениталий, в частности «кастрации» матери. Он считает, что это осознание не опосредуется социальным опытом и не нуждается в объяснении. Как указывали многие комментаторы, Фрейду не пришло в голову, что такая дифференцированная оценка и связанное с ней презрение не соответствуют естественному порядку вещей. Однако анализ «Маленького Ганса», который дает самое прямое (зафиксированное) свидетельство позиции, показывает, что на самом деле отец Ганса создал и укрепил у своего сына такие убеждения в неполноценности женских гениталий, отрицание женской роли в беременности и родах, точку зрения, что у мужчин что-то есть, а у женщин нет ничего, вместо того чтобы внушить, что у женщин есть что-то другое<sup>17</sup>.

В отличие от Фрейда Карен Хорни все же считает, что мужское презрение к женщине и обесценивание ее сущности нуждаются в объяснении, связанном с социальными взаимодействиями и развитием ребенка<sup>18</sup>. С ее точки зрения, эти явления суть проявления более глубокой «женобоязни» — страха и ужаса мужчин перед материнским всемогуществом, — возникающей как одно из главных последствий заботы о них в раннем возрасте и социализации, осуществляемой женщинами. До сих пор психоаналитики делали ударение на страхах мальчиков перед отцами. Хорни доказывает, что эти страхи слабее и поэтому меньше нуждаются в подавлении. В отличие от страхов перед матерью, мальчики не реагируют на тотальный и непонятный контроль над своей детской жизнью со стороны отца, потому что в этом возрасте у ребенка нет способностей к осмыслению и пониманию: «Боязнь отца — более актуальная и осязаемая, менее жуткая по качеству»<sup>19</sup>. Более того, поскольку отец — такой же мужчина, страхи мальчиков перед мужчинами не влекут за собой признания женской слабости или зависимости от женщин: «Мужское чувство собственного достоинства так страдает меньше»<sup>20</sup>.

Но страх перед матерью неоднозначен. Испытывая чувство

боязни, мальчик находит ее соблазнительной и привлекательной. Мать нельзя просто отвергнуть и игнорировать. У мальчиков и мужчин развиваются психологические и культурные (идеологические) механизмы борьбы со своими страхами без отказа от женщин вообще. Они создают легенды, верования и стихи, которые отражают эту боязнь посредством экстернализации и объективизации женщин: «Не то чтобы... я ее боялся, дело в том, что она сама по себе злобная, способна на любое преступление, чертовски хищная, вампирша, ведьма, ненасытная в своих желаниях... само олицетворение того, что дурно»<sup>21</sup>. Они отрицают этот страх за счет реалистичных взглядов на женщин. С одной стороны, они превозносят и обожают: «Мне не нужно бояться такого чудесного, такого красивого, более того — такого святого существа»<sup>22</sup>. С другой — они недооценивают: «Было бы слишком нелепо бояться создания, которое, в целом, так несчастно»<sup>23</sup>.

К сожалению, Хорни не указывает на эволюционные осложнения, которые несет девочкам безграничная материнская власть. Здесь можно использовать отмеченное ранее отличие. У девочки также может развиваться страх перед матерью, однако он не связывается для нее с утверждением принадлежности к полу. Поскольку она тоже женщина и предположительно не ощущает себя страшной или внушающей ужас, а, скорее, наоборот, похоже, что девочка не будет обобщать свою боязнь относительно всех женщин. Более того, так как женщины и девочки приобретают опыт в обществе, где доминирует мужчина, какой бы страх или ужас ни испытывали отдельные женщины, он вряд ли приобретет культурное или нормативное значение.

Хорни полагает, хотя не утверждает это явно, что страх перед женщинами и недооценка их, а также утверждения о мужском превосходстве универсальны. Это заявление нуждается в дальнейшем уточнении, поскольку уровень «женобоязни» у мужчин и необходимость утверждать мужское превосходство широко варьируют в разных обществах<sup>24</sup>. Хорни отметила женобоязнь, поскольку она характерна для ее собственного общества. Тенденции в современной организации семьи сконструировали такие взаимоотношения между матерью и сыном, которые ведут к недооценке женщин и страху перед ними. Прямая патриархальная власть и значимость отца в семье уменьшились в результате того, что мужская автономия на работе все уменьшалась, а необходимость подчинения профессиональным требованиям (будь то бюрократизированные наемные специалисты и управленцы или пролетаризированные ремесленники и мелкие предприниматели) росла<sup>25</sup>.

Грета Бибринг (Grete Vibring) предлагает наводящий на размышления клинический анализ. Она описывает отцов и матерей в «матриархальных» семьях в Соединенных Штатах<sup>26</sup>. По описаниям взрослых сыновей и дочерей (пациентов Бибринг), матери в этих домах были активными и сильными, хорошо вели дом и, в общем, как казалось, занимали более высокое положение и были более компетентными, чем их мужья. Отцы вообще были бесполезны в доме и не участвовали в жизни семьи. (Бибринг, похоже, имеет в виду мужей — работников интеллектуального труда из среднего и верхушки среднего класса. Но то, что она говорит, можно в равной степени отнести к семьям рабочего класса, где отцы задерживаются на работе еще дольше, где работа может изматывать их даже больше и где большая часть социальной жизни сегрегирована по принципу пола.) Бибринг подытоживает ситуацию:

«При более близком изучении кажется очевидным, что во всех этих случаях отец не принимал существенного участия в воспитании детей, что социальные навыки и нравственные нормы, религиозные и эстетические ценности передавались, большей частью, матерью. То же самое справедливо и в отношении поощрений и наказаний. Определение целей и наблюдение за развитием мальчика находились в ее руках. Отец появляется во всех этих примерах как дружелюбный зритель, а не как непосредственный участник»<sup>27</sup>.

Сыновья в таких семьях считали, что матери отталкивают и наказывают их, что они амбициозны и холодны. Но женщины, выросшие в «матриархальной» обстановке, были менее склонны отвергать женскую роль, чем пациентки из патриархальных семей. Бибринг под влиянием конкретных описаний поведения матерей, сделанных их сыновьями, приходит к заключению, что матери были заботливыми и ответственными и что «отсутствие» отцов, а не какой-либо действительный поступок матери было «главным фактором при формировании таких взглядов»<sup>28</sup>. Для этих сыновей, какой бы ни была социальная действительность и как бы ни действовала их мать, матери было просто «слишком много»<sup>29</sup>.

Сыновья в такой ситуации неизбежно испытывают на себе всемогущество матери и не приемлют его. Они и восхищаются ею, и боятся ее, знают ее и как соблазнительную, и как отталки-

\* Хоркхаймер, в противоположность Бибринг, предполагает, что, по крайней мере в Германии, это уменьшение реальной отцовской власти и авторитета сопровождалось подъемом того, что можно было бы назвать псевдоавторитетом.

вающую их. В такой ситуации и сами матери могут отвечать взаимностью и поощрять желания инцеста у сыновей, а также их инфантильную зависимость. Как говорит об этом Бибринг, они «нуждаются в муже так же, как сын в своем отце»<sup>30</sup>. Более того, поскольку нет посредника для его эдиповых желаний — отца, который защитил бы его, — желания мальчика накапливаются. Он часто проецирует их, а также порожденные ими на мать, делая ее соблазнительницей и враждебным карателем одновременно. Сыновья берут эти страхи с собой во взрослую жизнь и воспринимают мир заполненным «опасными, холодными, язвительными женщинами»<sup>31</sup>.

«Слишком много матери» получается в результате относительного отсутствия отца и почти исключительно материнской заботы со стороны изолированной в нуклеарной семье женщины. Это вызывает у мужчин обиду и боязнь женщин и заставляет их искать женщин неугрожающих, нетребовательных, зависимых, даже инфантильных — женщин «простых и поэтому безопасных и теплых»<sup>32</sup>. Благодаря этим же самым процессам мужчины начинают отвергать, девальвировать и даже высмеивать женщин и все женское.

Социальное материнство женщин создает у мужчин психологический и идеологический комплекс, связанный с низкой оценкой женщин и неравенством полов. Так как женщины отвечают за уход за ребенком в раннем детстве и, по большей части, за последующую социализацию, так как отцов чаще не бывает дома и так как деятельность мужчин в целом происходит за пределами дома, тогда как женщины активничают в его пределах, мальчикам трудно достичь стабильной идентификации с мужской половой ролью. Мальчики предаются фантазиям и идеализируют мужскую роль и своих отцов, и общество определяет это как желательное.

С учетом того что мужчины управляют не только основными общественными институтами, но и самим определением и конструированием общества и культуры, они имеют власть и идеологические средства, чтобы навязать эти восприятия как общие нормы и считать себя ответственными друг перед другом за их претворение в жизнь. (Это не вопрос исключительно силы. Поскольку эти нормы определяют доминирование мужчин, они выигрывают, поддерживая их<sup>33</sup>.) Структура родительства создает идеологические и психологические механизмы, которые воспроизводят у отдельных мужчин ориентацию на мужское доминирование и его структуры, а также внедряют идею мужского превосходства, само определение мужественности.

То же самое подавление, отрицание эмоций и привязанности, отвержение мира женщин и всего женского, принадлежность к миру мужчин и идентификация с отцом, которые создают психологию мужского превосходства, подвигают мужчин на участие в мире капиталистического труда. И капиталистическое накопление, и соответствующие трудовые навыки никогда не были чисто экономическим вопросом. Переходу к капитализму способствовали особые черты личности и поведенческие коды. Капиталисты создали внутреннюю мотивацию, рациональное планирование и организацию, чтобы рабочие приходили на работу регулярно и стабильно работали независимо от того, нужны им деньги или нет в этот день.

Психологические качества становятся, наверное, даже более важными с ростом бюрократии и иерархичности: при современном капитализме на разных уровнях бюрократической иерархии требуются разные черты личности<sup>\*34</sup>. За работой на низшем уровне часто осуществляется прямой и непрерывный контроль, и ее лучше выполняет тот, кто охотно подчиняется правилам и внешним органам управления. Чем выше ступенька на иерархической лестнице, тем больше работа на этом уровне требует надежности и предсказуемости, равно как и способности действовать без непосредственного и непрерывного контроля. Управленцы, специалисты и эксперты в области технологии по своей собственной инициативе должны осуществлять цели и ценности организации, на которую они работают, делая эти цели и ценности своими собственными. Часто они должны быть в состоянии использовать свои способности к межличностному общению как профессиональный навык. Ценности, которыми руководствуются родители при воспитании ребенка, и сама практика воспитания ребенка (в той степени, в какой последняя отражает родительские ценности) отражают эти различия: родители из рабочего класса склонны больше ценить послушание, подчинение внешнему авторитету, опрятность и другие «поведенческие» характеристики у своих детей; родители из среднего класса делают акцент на «внутренних» и межличностных характеристиках, таких, как ответственность, любознательность, самомотивация, самоконтроль и уважение<sup>35</sup>.

Эти поведенческие и личностные характеристики различаются в соответствии с требованиями, предъявляемыми к работе в раз-

\* Эти же характеристики, безусловно, приложимы к любым экстенсивно бюрократическим и иерархическим условиям (к СССР и Восточной Европе, например), однако в работе, которую я использую, исследован только капиталистический Запад и особенно США.

ных слоях общества. Но у них есть важная общая черта. Подчинение правилам поведения и внешнему авторитету, предсказуемость и надежность, способность воспринимать ценности и цели другого как свои собственные — все это отражает ориентацию на другого и его нормы, отсутствие автономной и созидательной самонаправленности. Нуклеарная, изолированная, неолокальная\* семья, в которой женщина является матерью-воспитательницей, подходит для формирования у детей этих склонностей и возможностей личности, характерных для разных классов.

Сторонники идей Парсонса и теоретики из Франкфуртского института социальных исследований показали, используя психоанализ, как относительные роли отцов и матерей в современной семье помогают создавать основы для психологического примирения мужчин с капиталистическим государством\*\*. Они исследуют то, как семья готовит людей к подчинению власти и участию в мире отчужденного труда, к обобщенной ориентации на достижение<sup>36</sup>. Эти дополняющие друг друга и частично совпадающие исследования указывают черты личности, которые требуются во всех слоях общества; упор делается на отсутствие внутренней автономии и пригодность для манипулирования. Есть и отличия, наблюдаемые в различных слоях общества. Сторонники идей Парсонса больше заняты тем, как семьи среднего класса готовят мальчиков к тому, чтобы они стали государственными чиновниками («белыми воротничками»), работниками интеллектуального труда, специалистами в области техники и менеджерами; теоретики из Франкфурта больше обсуждают генезис черт характера представителей рабочего класса. Сторонники идей Парсонса исходят из растущего значения матери и ее обусловленной половой принадлежностью связи с мальчиком-младенцем. Теоретики Франкфуртской школы делают упор на историческую сторону, на уменьшение роли отца и его растущую удаленность, недоступность и потерю авторитета в семье.

В американских семьях, доказывает Парсонс, где у матерей чаще всего не бывает других первичных объектов привязанности, развиваются эротические взаимоотношения между сыном и

\* Живущая не в родительском доме (прим.ред).

\*\* Я не имею намерения доказывать здесь, что психологический анализ дает полное объяснение процесса воспроизводства работников. Основной причиной, по которой люди работают, является необходимость зарабатывать на жизнь. Семья создает психологические основы согласия на работу и приобретение трудовых навыков. Но ясно, что даже подкрепляемая школами и другими социализирующими институтами социализация, ориентирующая на работу, никогда не будет столь эффективна, чтобы предотвратить всякое сопротивление.

матерью\*, чем мать может затем манипулировать. Она может любить, вознаграждать или огорчать его в подходящие моменты, с тем чтобы заставить отсрочить удовольствие и сублимировать или подавить эротические потребности. Эта тесная, исключительная, доэдипова связь между матерью и ребенком вначале развивает у сына зависимость, создавая мотивационный базис для раннего обучения и основу для зависимости от других. Когда мать «отвергает» сына и заставляет его быть более независимым, он уносит с собой достаточно сильную зависимость, создающую у него как общую потребность угождать и подчиняться за пределами связи с самой матерью, так и сильное притязание на независимость. Одна, в отсутствие мужа, мать помогает таким образом сформировать у сына скорее псевдонезависимость, маскирующую реальную зависимость, и общее чувство, что он должен «хорошо себя вести», а не ориентацию на конкретные цели. Это чувство может затем быть использовано для разнообразных конкретных целей, поставленных не самими этими мужчинами. Эдипов комплекс в современной семье создает «диалектическую» взаимосвязь между зависимостью, с одной стороны, и независимостью и ориентацией на достижение — с другой<sup>37</sup>.

В ранний период развития капитализма индивидуальные цели были важны для большего количества людей, и достижения предпринимателей, так же как и дисциплина работников, должны были в большей степени основываться на внутренней нравственной установке и подавлении. Эту большую внутреннюю мотивацию формировали более ранние схемы устройства семьи, для которых зависимость была такой характерной, а связь между матерью и ребенком не такой исключительной. Сегодня, за редким исключением, индивидуальные цели все больше вытесняются целями сложных организаций: «Цели больше не могут оставаться ответственностью непосредственно индивидуума и задаваться в качестве подготовки к его роли»<sup>38</sup>. Современная семья, манипулирующая зависимостью и связью между матерью и ребенком, создает общую ориентацию на достижение, а не на внутренние цели и нормы и формирует личности, «которые стали абсолютно податливым материалом для общественных функций»<sup>39</sup>.

Взгляды Парсонса развивает Слейтер. У людей, которые начинают жизнь, имея только один или два объекта для эмоций,

\* Парсонс и его коллеги говорят о взаимоотношениях «мать–ребенок». Однако они концентрируют внимание на эротической, эдиповой привязанности как на мотивирующей и на развитии черт характера, которые подходят для мужской работоспособности, а не для женских экспрессивных ролей. Поэтому можно с уверенностью заключить, что ребенок, которого они имеют в виду, — мальчик.



доказывает он, развивается «охота сложить все [свои] эмоциональные яйца в одну символическую корзину»<sup>40</sup>. Мальчики, растущие в американских нуклеарных семьях среднего класса, обладают именно таким опытом\*. Так как мать была для них источником большего удовольствия, чем кто-либо другой, и связь с ней была исключительной, маловероятно, чтобы они могли ее повторить. Поскольку мать была так важна, покидая ее как объект зависимой привязанности и отрицая зависимость от нее, они сохраняют ее в своих фантазиях как мотивированный эдиповым комплексом объект, который нужно покорить, обладая бессознательным чувством, что есть один приз, который доставит самое большое удовольствие, а также они превращают свою жизнь в поиск успеха, который и докажет их независимость, и покорит мать. Но так как помимо этой бессознательной, недостижимой цели из прошлого у них нет внутреннего ощущения целей или реальной автономии и так как успех во внешнем мире по большей части не приносит реального удовлетворения или реальной независимости, их поиск, похоже, никогда не прекратится. Они, скорее, будут продолжать работать и продолжать принимать нормы той ситуации, в которую попадают.

Эта ситуация противоположна той, в которой оказываются люди, имевшие в младенчестве большое количество приятных связей. Они более склонны ожидать удовлетворения в непосредственных взаимоотношениях и поддерживать привязанности к большому числу людей и менее склонны отказывать себе во всем во имя будущего. Они не будут такими же хорошими работниками в системе, где работа определяется индивидуалистическими, неколлективистскими, ориентированными на результат методами, как это имеет место в нашем обществе.

Хоркхаймер и другие франкфуртские теоретики концентрируют свое внимание на эдиповой связи сына и отца, а не сына и матери и на интернализации отцовского авторитета. В каждом обществе семья передает ориентацию на авторитет, однако природа этой ориентации меняется с изменением структуры власти в экономическом мире. В период раннего развития капитализма, когда независимые ремесленники, владельцы магазинов, фермеры и работники интеллектуального труда были относительно независимы, экономической властью в обществе обладало большее количество отцов\*\*. Эта отцовская власть выражалась и в

\* Опять-таки, у девочек он тоже есть, и оба пола переносят его на свои склонности к моногамии и ревности. Но Слейтер говорит о сексуально окрашенной эдиповой / доэдиповой связи, которая больше характерна для мальчиков.

\*\* Франкфуртские теоретики не делают явных выводов и в своем имплицитном анали-

семье. Сыновья могли интернализировать ее через классическую эдипову борьбу, развив внутреннюю установку и самомотивацию и принимая «реальные» ограничения своей власти: «Детство в ограниченной семье стало вводным курсом по принятию авторитета»<sup>41</sup>. Но с развитием промышленности отцы стали меньше участвовать в семейной жизни, однако они не просто физически ушли из дома. Зависимость от жалованья и заработной платы, от капризов рынка труда и власти разрушала материальную базу их авторитета в семье. В ответ на это отцы вырабатывают авторитарные механизмы воздействия. Но так как реального основания для их авторитета больше не существовало, не могло быть и истинной эдиповой борьбы. Вместо того чтобы интернализировать отцовский авторитет и развить самоощущение с автономными внутренними принципами, сыновья продолжали и бояться внешнего авторитета, и тяготеть к нему. Эти характеристики подходили для послушания и подчинения на работе и в обществе в целом.

Современная структура семьи вырабатывает не только податливость и отсутствие интернализированных норм, но часто и стремление быть объектом манипуляций, что как нельзя лучше соответствует природе капитализма. Эти черты характера позволяют втянуть их обладателя в потребительство, в том числе и средств массовой информации, в попытку узаконить общественное устройство, которое неодинаково служит людям, и, наконец, в трудовую деятельность. Уменьшение роли отца в эдиповой связи создает ориентацию на внешний авторитет и послушное поведение. Исключительное материнское участие и продолжение зависимости создают обобщенную потребность угождать и «преуспевать» и кажущуюся независимость. Эта потребность преуспевать способствует формированию зависимости и предсказуемого поведения. Стремление к преуспеванию, оторванное от конкретных целей и реальных внутренних норм, включает поддержание внутренней зависимости и может содействовать принятию целей других как своих собственных, формируя псевдонезависимого человека внутри организации.

Семья, где все чаще отсутствует отец и активна мать, формирует мужскую личность, которая соответствует мужественности и мужскому доминированию как элемент социальной конст-

зе непоследовательны в отношении класса. Их анализ, который, по моему мнению, наиболее соответствует изменениям в работе и семье, следует понимать так, как если бы они говорили о пролетаризации традиционно независимых средних слоев общества.

рукции пола и хорошо вписывается в участие в капиталистических производственных отношениях. Мужчины продолжают проводить в жизнь разделение сфер по принципу пола как защиту от бесправия на рынке труда, а отрицание зависимости и привязанности к женщинам помогает гарантировать и мужественность, и производительность в мире труда. Относительная недоступность отца и чрезмерная доступность матери конструируют негативные определения мужественности, страх перед женщинами и внутренней автономии у мужчин, что, в зависимости от конкретного семейного объединения и классового происхождения, обеспечивает либо следование правилам, либо легкую интернализацию ценностей организации.

Таким образом, особенности личности и ценностные ориентации женщин и мужчин, переплетенные с половым и семейным разделением труда и идеологией полового неравенства, формируют такое симметричное распределение ролей в структуре и производства и воспроизводства, в котором женщины — в первую очередь матери и жены, а мужчины — работники. Эта структура требует и предполагает существование того особого типа отношений между мужем и женой, с одной стороны, и матерью и детьми, с другой, которые образуют центр семьи в современном обществе. Изучение того, как выражается половая идентификация личности во взрослой жизни, поможет выявить, как женщины и мужчины создают или хотят создать межличностные связи, которые лежат в основе сформировавшей их семейной структуры и воспроизводят ее.

## Глава 12. *Психодинамика семьи*

Вспомним, что мы оставили достигшую половой зрелости девушку в ситуации треугольника и выразили надежду, что позднее она разрешит сексуально смешанный треугольник в пользу гетеросексуальности... Эта формулировка была сделана ради упрощения. На самом же деле, способствует структурообразующий бисексуальный фактор созданию такого треугольника или нет, отказаться от этого треугольника полностью нельзя будет никогда. В его образовании участвуют глубочайшие и наиболее укоренившиеся эмоциональные связи с обоими родителями. Он приходит на смену другой связи, еще более старой и более прочной, — связи между матерью и ребенком, которую каждый мужчина или каждая женщина сохраняют с рождения до смерти. Ошибочно говорить, что маленькая девочка отказывается от своей первой связи с матерью ради отца. Она лишь постепенно вовлекает его в союз, эволюционирует от исключительной связи между матерью и ребенком к треугольной связи между родителями и ребен-

ком и продолжает последнюю так же, как и предыдущую, хотя и в более слабом и менее элементарном виде, всю свою жизнь. Меняется только главная роль; ее играет то мать, то отец. Неискоренимость эмоциональных объединений проявляется в более поздних повторениях.

*Хелене Дейч «Психология женщин»*

Женщина — это ее мать.

Вот главное.

*Эни Секстон «Домохозяйка»*

### *Эдиповы асимметрии и гетеросексуальные узлы<sup>42</sup>*

Те же самые — порожденные эдиповым комплексом — идеология и психология мужского превосходства, подавления и отрицания зависимости, которые толкают мужчин во внесемейный мир конкурентного труда, вносят структурную напряженность в брак и семейную жизнь. Поскольку женщины являются матерями, развитие и значение гетеросексуальности различны для мужчин и женщин. С этого начинается традиционный психоанализ женственности и мужественности.

В нашем обществе брак приобретает все большее эмоциональное значение, очевидно, компенсируя таким образом напряженности, возникающие во все более отчужденном и забюрократизированном труде в рыночной экономике. У брака больше нет той экономической и политической основы, которая была когда-то, и семья утратила свои психологические и личностные функции, поскольку производство, религия и уход за больными и престарелыми оказались за пределами домашнего очага. В этом контексте явственно проступают противоречия между гетеросексуальностью женщин и мужчин, обусловленные выполнением женщинами материнских функций.

Согласно психоаналитической теории, гетеросексуальная эротическая ориентация является прежде всего результатом эдипова комплекса для обоих полов, однако у мальчиков и девочек это происходит по-разному. У мальчиков сохраняется привязанность к одному основному объекту любви в течение всего периода отрочества. По этой причине процесс становления мужского выбора гетеросексуального объекта относительно непрерывен: «У мужчин путь этого развития прямолинеен, и переход от «фаллической» фазы происходит не как следствие сложной «волны подавления», но основывается на ратификации того, что уже существует...»<sup>43</sup> Теоретически мальчик преодолевает свой эдипов комплекс через подавление привязанности к матери, поэтому во взрослой жизни он готов вступать в первичные отношения

с кем-либо, похожим на нее. Этим отношениям придается смысл через психологическую реактивацию в них того, что первоначально представляло собой интенсивную и исключительную взаимосвязь — вначале отождествление, затем «двуединство» и, наконец, взаимоотношение двух личностей.

У девочек все происходит не так просто: «С самого начала в ходе психоаналитических исследований выяснилось, что у женщин превращение инфантильного либидо в нормальный гетеросексуальный выбор объекта затрудняется определенными обстоятельствами»<sup>44</sup>. Эти «особые обстоятельства» — универсальные факты семейной организации. Из-за того, что ее первым объектом любви является женщина, девочка, прежде чем обрести собственную характерную гетеросексуальную ориентацию, должна перенести первичный выбор объекта на своего отца и мужчин. Это создает асимметрию в женском и мужском эдиповом комплексе, а также трудности в становлении женской сексуальности, если считать гетеросексуальность целью такого развития.

Для девочек, как и для мальчиков, матери являются первичными объектами любви. В результате структурное внутренне объектное оформление женской гетеросексуальности отличается от такового у мужчин. Когда отец девочки становится объектом первостепенной важности, это происходит в контексте бисексуального треугольника внутрисемейных отношений. В эмоциональном смысле отношение девочки к нему является реакцией на ее отношение к своей матери, переплетается и соревнуется с ним за первенство. Обычно девочка обращается к отцу как объекту первичного интереса на фоне исключительности отношений с матерью, но этот либидинальный поворот к отцу не заменяет ее привязанности к матери. Вместо этого девочка сохраняет доэдипову связь с матерью (интенсивное отношение, связанное с вопросами первичной идентификации, первичной любви, зависимости и отделения) и создает на ее основе эдиповы привязанности как со своей матерью, так и со своим отцом. Эти привязанности характеризуются эротизированными потребностями в исключительности, чувствах, конкуренции и ревности. Она сохраняет интернализованное первоначальное отношение, включая его последствия для характера определения ею себя, и интернализует другие взаимоотношения в дополнение к нему, а не как его заместители.

В таком случае у девочек не происходит абсолютной замены объекта, нет у них и исключительной привязанности к своим отцам. Кроме того, поведение отца и его роль в семье, а также взаимоотношения между ним и девочкой имеют первостепенное значение для развития гетеросексуальной ориентации. Однако

отцы сравнительно недоступны физически и эмоционально. Их присутствие не столь значительно, и они не являются основными зрителями семьи, а воспитание в духе мужественности, вероятно, привело их к отрицанию эмоциональности. Из-за трудности доступа к отцу и в связи с интенсивностью взаимоотношений с матерью, в которых девочка участвует, она не склонна осуществлять полный перенос привязанности на отца, а остается связанной с матерью и эмоционально колеблется между матерью и отцом.

Последствия этого двойки. Во-первых, характер гетеросексуальных отношений у мальчиков и девочек отличается. Большинство женщин выходит из своего эдипова комплекса ориентированными на отца и мужчин как на первостепенные *эротические* объекты, однако ясно, что мужчины, как правило, остаются *эмоционально* второстепенными или, самое большее, эмоционально равными по сравнению с первостепенностью и исключительностью эмоциональной связи с матерью и женщинами, которую испытывает переживающий эдипов комплекс мальчик. Во-вторых, отец является дополнительным объектом любви, который становится важным в контексте отношений треугольника. Женский внутренний объектный мир сложнее, чем мужской. Такая внутренняя ситуация продолжается и во взрослой жизни и влияет на участие взрослых женщин во взаимоотношениях с другими. Женщины, по мнению Дейч, переживают гетеросексуальные отношения в контексте треугольника, в котором мужчины не являются для них исключительными объектами. Скрытый смысл ее высказываний подтверждается кросс-культурными исследованиями семейной структуры и взаимоотношений между полами, которые наводят на мысль о том, что супружеская близость является исключением, а не правилом<sup>45</sup>.

Поскольку мать и отец не являются родителем одного и того же *вида*, характер и интенсивность отношений ребенка с ними отличаются, как отличается и степень исключительности таких взаимоотношений. В связи с тем что дети вначале переживают социальный и когнитивный мир как нечто неразрывное с ними самими и не выделяют объекты, их мать как первая фигура-зритель не является отдельной личностью и не имеет никаких отдельных интересов. Кроме того, эта слитность находится в контексте полной физической и психологической зависимости маленького ребенка от матери. Интернализированное переживание «я» в первоначальных отношениях с матерью остается соблазнительным и пугающим: единство было бы блаженством, но тем не менее означало потерю «я» и абсолютную зависимость. И

наоборот, ребенок всегда отличал себя от своего отца и знал его как отдельного человека с отдельными интересами. К тому же ребенок никогда не зависел от него полностью. Отец не представлял первоначальную нарциссическую угрозу (угрозу основополагающей целостности и границам «я»), не обеспечивал он девочке и первоначального нарциссического единства (первоначального переживания единого). Эдипова любовь к матери в таком случае содержит в себе как угрозу собственному «я», так и обещание первоначального единства, чего любовь к отцу никогда не дает. Любовь девочки к отцу и привязанность женщин к мужчинам отражают все аспекты этих асимметрий.

Мужчины не могут обеспечить такое же возвращение к единому, как женщины. Майкл Балинт (Michael Balint) утверждает, что возвращение к переживанию первоначальной любви — возможности движения в обратном направлении к инфантильной стадии ощущения единого, отсутствию испытания реальностью и умиротворенное ощущение благополучия, в котором удовлетворены все потребности — основная цель взрослых сексуальных отношений: «Эта изначальная склонность к состоянию, при котором меня всегда будут любить, везде, по-всякому, все мое тело, все мое существо — без какой-либо критики, без малейших усилий с моей стороны, — является конечной целью всякого эротического устремления»<sup>46</sup>. Он, однако, подразумевает то, что женщины могут обеспечить эту потребность лучше, чем мужчины, потому что сексуальные отношения с женщиной воспроизводят в какой-то мере исходную ситуацию и тем самым представляют собой возвращение к матери. Таким образом, в совокуплении мужчины приближаются к переживанию своего повторного слияния с матерью: «Мужчина ближе всего подходит к достижению этой регрессии во время коитуса: со своим семенем в реальности, со своим пенисом символически, со своим «я» в фантазии»<sup>47</sup>.

Участие в этом женщин двойственно. (Балинт исходит при этом из женской гетеросексуальности.) Во-первых, женщина отождествляется с проникающим в нее мужчиной и переживает через идентификацию повторное слияние с женщиной (матерью). Во-вторых, она *становится* матерью (филогенетически — всеохватным морем, онтогенетически — утробой). Таким образом, женщина в гетеросексуальной связи не может, подобно мужчине, *в собственном качестве* вновь осуществить свое собственное переживание слияния. Она может это сделать только через идентификацию с кем-либо, кто способен на это, с одной стороны, и через отождествление с человеком, с которым она уже

сливалась — с другой. В таком случае «регрессивная реституция» (термин Балинта), которую обеспечивает коитус, не является для женщины полной, как это происходит у мужчины.

Фрейд показывает, каким образом женщины стремятся вновь пережить свои взаимоотношения с матерью в гетеросексуальных связях<sup>48</sup>. Он полагает, что, когда женщины «меняют в качестве объекта» мать на отца, мать остается их первичным внутренним объектом, так что они часто привносят в свои отношения с отцом, — а позднее и с другими мужчинами — вопросы, которые занимают их во внутренних взаимоотношениях с матерью. В отношениях с мужчинами они ищут удовлетворения, которое хотят получить женщины. Фрейд указывает на часто встречающийся в клинической практике случай женщины, которая, очевидно, использовала отца в качестве модели для выбора мужа, но брак которой фактически повторяет конфликты и чувства, связанные с ее взаимоотношениями с матерью. Например, женщина, которая остается в двойственной зависимости от своей матери или внутренне озабочена вопросом о том, отделена она или нет, скорее всего перенесет эту позицию и ощущение себя на взаимоотношения со своим мужем<sup>49</sup>. Или же она может идентифицировать себя как частичный объект своего партнера-мужчины, как продолжение своего отца и мужчин, а не как продолжение своей матери и женщин\*.

Но дети не только стремятся к своей матери, но и пытаются освободиться от нее. Отцы частично способствуют разрыву первичного единства дочери со своей матерью и зависимости от нее; по этой и ряду других причин отцы и мужчины идеализируются<sup>50</sup>. Отец девочки обеспечивает последнюю отдушину для избавления от материнского всемогущества, поэтому девочка рискует оттолкнуть его. При этом, держась в семье на расстоянии и занимая позицию идеологического авторитета, отец может оставаться далекой фигурой, в большой степени понимаемой через интерпретацию ее матерью. Это затрудняет развитие взаимоотношений на основе его реальных сильных сторон и слабостей. Наконец, сама девочка не получила такой же любви от своей матери, как мальчик. Матери воспринимают дочерей как единое с самим собой; их взаимоотношения с дочерьми «нарциссические», тогда как связь со своими сыновьями у них более «*анаклитическая*».

\* Это, очевидно, лишь одна сторона психологического вопроса. Шассеге-Смиржель (Chasseguet-Smirgel), указывая на это, отмечает, что мужчины также получают удовлетворение или чувство защищенности от превращения своей всемогущей матери в частичный объект привязанности.



Таким образом, дочь обращается к отцу за ощущением отдельности и за таким же подтверждением ее особенности, которое ее брат получает от матери. Она и в детстве, и позже, во взрослой жизни, готова отрицать недостатки своего отца (и недостатки своего возлюбленного или мужа), пока она чувствует, что любима<sup>51</sup>, тем более что его удаленность означает, что она на самом деле его не знает. Эти взаимоотношения осуществляются главным образом как фантазия и идеализация из-за удаленности отца и его важности для нее, и в них отсутствует та приземленная реальность, которой характеризуются отношения мальчика с его матерью.

Эти отличия в переживании своего «я» по отношению к отцу и матери подкрепляются различными стадиями, на которых мальчики и девочки вероятнее всего оказываются в эдиповой ситуации. Девочки остаются в доэдиповой связи дольше, вступают в эдипову ситуацию позже мальчиков, и их режимы эдипова разрешения отличаются. Бибринг, Слейтер и Джон Уайтинг (Bibring, Slater and John Whiting) выдвинули предположение, что в отсутствие мужчин мать сексуализирует взаимоотношения со своим сыном на ранней стадии, так что «эдиповы вопросы» сексуального влечения и связи, соперничества и ревности сливаются с «доэдиповыми» вопросами первичной любви и единого. В противоположность этому, поскольку отношения девочки с отцом развиваются позже, ее ощущение своего «я» устанавливается более прочно. Если для нее эдиповы и доэдиповы вопросы слились в одно целое, то это слияние с большей вероятностью произойдет в отношении матери, а не отца. Поскольку ее ощущение своего «я» сильнее и поскольку эдипова любовь к отцу не настолько угрожающа, девочка «разрешает» свой эдипов комплекс не столь успешно, как мальчик. Это означает, что при взрослении она озабочена как интернализированными, так и внешними объектами-отношениями, тогда как мужчины склонны к подавлению своих эдиповых потребностей в любви в связях с другими. При этом мужчины часто проявляют нетерпимость и пренебрежение к тем, кто выражает потребность в любви, поскольку сами они пытаются отрицать эти потребности<sup>\*,52</sup>.

Мужчины защищаются от угрозы, таящейся в любви, но потребность в любви не исчезает в результате подавления. Их вос-

\* Шассеге-Смиржель утверждает, что то, что Фрейд и Брансуик (Brunswick) называют «нормальным презрением» мальчика к женщинам и считают стандартным результатом эдипова комплекса, является патологической и защитной реакцией на ощущение неизбежного материнского всемогущества, а не прямым результатом половых различий.

питание в духе мужественности, подавление эмоциональных отношений потребностей и их в целом неэмоциональные и безличные отношения в публичном мире приводят к тому, что глубокие первичные взаимоотношения с другими мужчинами встречаются крайне редко<sup>53</sup>. Учитывая это, не приходится удивляться, что мужчины чаще всего оказываются в гетеросексуальных отношениях.

Такие взаимоотношения с женщинами приобретают осмысленность и динамику вследствие отношения мужчин к своим матерям. Но материнское отношение, описанное Бибрингом, Слейтером и Уайтингом, создает проблемы в общении у сыновей. Когда мать мальчика относилась и относится к нему как к продолжению себя и в то же время как к сексуальному объекту, он учится использовать свою мужественность и обладание пенисом как нарциссическую защиту. Во взрослой жизни он будет обращаться к взаимоотношениям с женщинами за нарциссическо-фаллическим удовлетворением, а не за взаимоутверждением и любовью. Поскольку их сексуализированная доэдипова привязанность поощрялась, а их эдипово-половые желания гасились или за них грозило наказание, мужчины могут в качестве защитной реакции инвестировать исключительно в удовлетворение инстинктов, которое может быть достигнуто в сексуальных отношениях, чтобы избежать риска быть отвергнутыми в любви.

Женщины не подавляли эмоциональных потребностей. Они все еще хотят любви и нарциссического подтверждения и, возможно, готовы примириться с недостатками своего мужчины-возлюбленного или мужа в обмен на проявление заботы и любви. Это может привести к отрицанию более непосредственно ощущаемых агрессивных и эротических позывов. Шассеге-Смиржель полагает, что сильная сексуальность требует выражения агрессивных, требовательных импульсов, слитых воедино с эротическими, любовными импульсами и идеализацией. В той степени, в какой женщины ощущают конфликт и боятся наказания, особенно в связи с импульсами, которые они определяют как агрессивные, их сексуальность страдает\*.

Вследствие социальной организации родительства в женской психике мужчины воспринимаются на двух уровнях. На

\* Она полагает, что эта реакция, при которой агрессивные и эротические влечения, противопоставляемые идеализации, контркатектичны и подавлены, лучше объясняет женскую фригидность и то, что Мари Бонапарт (Marie Bonaparte) и Дейч считают «нормальным женским одухотворением секса». Бонапарт объясняет их с точки зрения меньшей либидинальной энергии женщин, а Дейч объясняет их как органическое торможение.

одном уровне они эмоционально вторичны и любовь не распространяется исключительно на них — они не являются первичными объектами любви, как матери. На другом они идеализируются и воспринимаются как нужные, но неспособные ни выразить свои собственные эмоциональные потребности, ни ответить на потребности женщин. Как выражается Грюнбергер, «трагедия этой ситуации состоит в том, что человек, который мог бы дать [женщине] такое подтверждение, ее сексуальный партнер, как раз и является тем, кто, как мы только что видели, начал презирать нарциссические потребности в попытке освободиться от них»<sup>54</sup>.

Свет на данную ситуацию проливают данные клинических и социологических исследований. В соответствии с распространенным мнением (многое из того, что мы наблюдаем в повседневной жизни, подтверждает это) женщины представляют романтическую часть нашего общества, для кого важны любовь, брак и отношения с другими. Однако некоторые исследования указывают на то, что мужчины любят и влюбляются романтически, а женщины — со знанием дела и рационально<sup>55</sup>. В большей части этих исследований утверждается, что в нынешней ситуации, когда женщины экономически зависят от мужчин, им приходится производить рациональные расчеты, чтобы обеспечить себя и своих (будущих) детей. Такая точка зрения наводит на мысль, что кажущийся романтизм женщин является эмоциональной и идеологической реакцией на их очень реальную экономическую зависимость. На уровне общества, особенно при учете экономического неравенства, мужчины чрезвычайно важны для женщин. Прослеживаемая в последнее время тенденция к тому, что женщины инициируют развод и раздельное проживание супругов чаще, чем мужчины, по мере того как их личный доход повышается (и по мере того как феминистское движение снимает с них пятно «разведенной»), является дополнительным подтверждением этого.

Объективно взрослые женщины экономически зависят от мужчин, точно так же как в детстве девочки объективно зависят от своих отцов в своем стремлении освободиться от материнского господства. Развившаяся у них способность романтизировать рациональные отношения (игнорировать или даже идеализировать недостатки своего отца и мужчин из-за своей зависимости) служит женщинам хорошую службу в этой взрослой ситуации.

Однако есть еще одна сторона. Женщины обрели реальную способность к рациональности и поддержанию дистанции в ге-

теросексуальных отношениях — качества, встроенные в их самые ранние взаимоотношения с мужчиной. Прямым свидетельством в пользу психологической приоритетности сказанного служат данные об опыте самой потери. Джордж Геталс (George Goethals) приводит данные клинических исследований, в соответствии с которыми потеря мужчинами, по крайней мере, первой взрослой связи «ввергает их в состояние беспорядка и депрессии самого крайнего толка»<sup>56</sup>. Подобную меланхолическую реакцию от потери объекта описывает Фрейд в «Трауре и меланхолии». Они замыкаются и оказываются неспособными искать новые связи где-либо еще. Фрейд полагает, что у женщины, напротив, первая взрослая потеря не приводит к такой же серьезной депрессии: пациентки не уходили в себя в такой же степени и оказывались способны искать новые связи в иных местах. Зик Рубин (Zick Rubin) приводит аналогичные результаты. Женщины, которых он изучал, чаще разрывали отношения, а мужчины, независимо от того, были ли они инициаторами разрыва или нет, испытывали депрессию и одиночество после случившегося<sup>57</sup>. Джесси Бернارد (Jessie Bernard), описывая людей постарше, сообщает, что частота психологических страданий, смертей и самоубийств гораздо выше среди овдовевших мужчин, чем женщин, и указывает, что подобное можно наблюдать при сравнении разведенных мужчин и женщин<sup>58</sup>.

Эти исследования подразумевают, что у женщин другие ресурсы и они несколько дистанцированы от связей с мужчинами. Мой анализ свидетельствует, что у женщин более богатый внутренний мир, куда можно отступить, и что мужчины в их жизни не обеспечивают той интенсивности и исключительности, какую обеспечивают для них женщины. На внешнем уровне они также сохраняют и развивают больше связей. Похоже, что в результате развития мужчины не становятся столь же эмоционально важными для женщин, как женщины для мужчин.

Так как женщины заботятся о детях, то гетеросексуальный симбиоз имеет разное «значение» для мужчин и женщин. Фрейд первоначально отмечал, что «любовь мужчины и любовь женщины психологически различаются по фазе»<sup>59</sup>. Он и более поздние психоаналитики указывают, что женщины и мужчины, хотя и ищут обычно близости друг с другом, не удовлетворяют своих потребностей из-за социальной организации родительства. Эта ситуация создается различиями в эдиповом опыте у женщин и у мужчин, вырастающими из материнства. Девочки входят во взрослую жизнь со сложным наложением эмоциональных связей и с богатым, непрерывным внутренним объектным миром. У

мальчиков более простая эдипова ситуация и более прямые эмоциональные связи, и эта ситуация подавляется иначе, чем у девочек. Для девочки мать остается первичным внутренним объектом, и гетеросексуальные связи девочки не требуют исключения этого объекта в дальнейшем, в то время как для мальчика необходимо создание исключительной, первичной связи.

В результате того что их воспитывала женщина, оба пола ищут возврата к этому эмоциональному и физическому союзу. Мужчина достигает этого непосредственно через гетеросексуальную связь, которая копирует раннюю исключительность связи матери и младенца. В этом стремлении его поддерживают женщины, которые через собственное становление остались открытыми к отношенческим потребностям, сохранили непрерывную внутреннюю эмоциональную жизнь и научились отрицать недостатки любовников-мужчин как по психологическим, так и по практическим причинам.

Мужчины одновременно ищут исключительности и боятся ее. На протяжении своего развития они были склонны подавлять свои потребности в эмоциональных отношениях и развивать связи на основе, скорее, категориальных и абстрактных ролевых ожиданий, в частности с другими мужчинами. В интимной гетеросексуальной связи они чаще всего испытывают двойственные переживания, желая и одновременно опасаясь интенсивности чувств, требуя от женщин того, что они в то же время боятся получить.

В результате того, что их воспитывала женщина, и того, что они выросли гетеросексуальными, женщины имеют различные и более сложные потребности в отношениях, при которых исключительной связи с мужчиной недостаточно. Как уже отмечалось, отношения с мужчиной сами по себе затруднены. Идеализация, выросшая из отношения девочки к отцу, включает отрицание реальных чувств и в определенной степени воображаемые взаимоотношения с мужчинами. Противоречия в гетеросексуальных связях женщин обусловлены, во-первых, трудностями, с которыми достигают близости мужчины, а во-вторых, последствиями связей, имевших место в раннем детстве. Мужчины вырастают, отказываясь от своей собственной потребности в любви, и поэтому их пугает удовлетворение эмоциональных потребностей женщин. В результате они тайно стовариваются сохранять дистанцию в отношении женщин.

*Завершенный цикл: матери и дети*

В семье дети вырастают осознающими свой пол, гетеросексуальными и готовыми к супружеству. Но те семьи, которые зиждутся на женском материнстве и мужском доминировании, создают несоответствия в отношенческих потребностях у женщин и мужчин. В частности, маловероятно, чтобы связи с мужчинами обеспечивали женщинам удовлетворение их отношенческих потребностей, обусловленных фактом их рождения женщинами и социальной организацией пола. Чем меньше мужчины участвуют в домашней жизни и особенно в осуществлении родительских функций, тем больше это будет соответствовать истине.

Женщины пытаются удовлетворить свою потребность быть любимыми, дополнить отношенческий треугольник и вновь испытать чувство двойного единства, которое было у них с матерью и которое гетеросексуальная связь может дать мужчинам. Такая ситуация — ежедневное подкрепление того, что женщины впервые испытали в своем развитии и в психике по отношению к мужчинам. Но, воспитанные гетеросексуальными и оставаясь таковыми, женщины могут искать любви и эмоциональных отношений вне этих рамок, на что их толкает эмоциональная твердолобость мужчин и история отношений с матерью.

Одним из способов, которыми удовлетворяются эти потребности, является установление серьезных личных отношений с другими женщинами. Независимо от культур общее правило здесь — сегрегация по принципу пола: женщины склонны иметь более тесные личные связи друг с другом, чем мужчины, и проводить больше времени в женской компании. Имеются социологические свидетельства того, что в нашем обществе женская дружба эмоционально богаче мужской<sup>60</sup>. В других обществах и в большинстве субкультур внутри нашей собственной взрослые женщины продолжают поддерживать связи с родственницами<sup>61</sup>. Дейч высказывает предположение, что связи взрослых женщин иногда выражают психологическое участие женщины в отношенческом треугольнике. Некоторым, полагает она, всегда нужна женщина-соперница в их связи с мужчиной, другим нужен лучший друг, с которым они могут поделиться секретами о своих гетеросексуальных связях. Такие отношения могут быть одним из способов разрешения и воссоздания связи между матерью и дочерью, выражением общего отношенческого потенциала женщины и определением себя в рамках связи. Однако многим женщинам трудно приобрести глубокие эмоциональные связи с другими женщинами на бытовой, повседневной, непрерывной основе.

Именно в лесбийских отношениях чаще всего воссоздаются эмоции и связи, имеющие место между матерью и дочерью<sup>62</sup>, но большинство женщин гетеросексуальны. Это гетеросексуальное предпочтение и табу на гомосексуальность, в дополнение к объективной экономической зависимости от мужчин, делают маловероятным выбор первичных сексуальных связей с другими женщинами, хотя в последние годы они стали более распространенными. Раньше женщины в большинстве случаев после замужества жили рядом с матерью и сестрами и могли общаться с другими женщинами в повседневной деятельности. Развитие промышленного капитализма и порожденная им все более и более физически изолированная нуклеарная семья сделали эти первичные связи более редкими. Женщины (и мужчины) все в большей степени искали эмоциональной поддержки и любви в супружеском семейном кругу<sup>63</sup>.

Существует вторая альтернатива, ставшая еще важнее в связи с устранением первой и также основывающаяся на природе женского самоопределения через гетеросексуальную связь и на первичной связи матери и ребенка. Как разъясняет Дейч, женская психика состоит из наложения отношенческих структур. Доэдипова связь мать—ребенок и эдипов треугольник продолжают до позднего детства женщины, фактически на протяжении всего ее развития. До тех пор, пока отношения с мужчиной не приобретут для женщины значение, ее опыт является неполным. С учетом треугольной ситуации и эмоциональной асимметрии ее собственного родительства связь женщины с мужчиной требует третьего человека на уровне психической структуры, поскольку так было изначально установлено в треугольнике. А связь мужчины с женщиной этого не требует. Его связь с матерью была изначально установлена сначала как идентичность, затем как двойное единство, затем как взаимоотношения двух людей задолго до того, как его отец вообще вышел на сцену.

Затем, на уровне психической структуры, ребенок завершает отношенческий треугольник для женщины. То, что она имеет ребенка и переживает свою связь с мужчиной в этом контексте, позволяет ей повторно наложить внутриспсихическую отношенческую структуру на социальный мир. При этом разрешается поколенческая составная часть эдипова комплекса, так как женщина занимает новое место в треугольнике — место матери по отношению к собственному ребенку.

Связь между матерью и ребенком воссоздает даже более основополагающую отношенческую структуру: возрождается исключительная симбиотическая связь мать-ребенок, которая име-

ла место в период младенчества самой матери и которую в основном хотят воссоздать все воспитанные матерью люди. Мужчина часто хочет ребенка благодаря ролевой идентификации с отцом или своей первичной или личной идентификации с матерью. Таким же образом женщина вовлекается в отношенческие процессы со своей матерью, включающие идентификацию с ней; она предстает перед обоими полами как некто, обладающий уникальными способностями к материнству. Вместе с тем на менее сознательном, объектно-отношенческом уровне наличие ребенка воссоздает для женщины желанную исключительность связи мать—ребенок и прерывает ее для мужчины точно так же, как отец этого мужчины вторгся в его связь с матерью. Поэтому, как полагают Бенедек (Benedek), Зильбург (Zilboorg) и Бакан (Bakan), мужчины зачастую чрезвычайно ревнивы к детям\*. Эти различия сохраняются и на уровне сексуальной и биологической фантазий и символизма. Женщина, как я предположила, не может вернуться к матери в соитии так же непосредственно, как мужчина. В символическом плане может помочь ее идентификация с мужчиной, однако гораздо более прямое символическое возвращение происходит посредством ее идентификации с ребенком, находящимся в матке: «Материнская регрессия Ференци реализуется для женщины в уравнивании коитуса с ситуацией сосания. Последний акт этой регрессии (возвращение в матку), который мужчина осуществляет с помощью акта интроекции в коитусе, реализуется беременной женщиной в полной идентификации между матерью и ребенком»<sup>64</sup>.

По всем этим причинам кажется психологически логичным, чтобы женщина превратила свое замужество в семью и была больше связана с детьми (ребенком), чем ее муж. Так она воссоздает для себя исключительно прочный первичный союз, который для мужчин обычно воссоздается гетеросексуальной связью. Она также воссоздает свой интернализированный асимметричный отношенческий треугольник. Эти проблемы отношений и потребности в них предшествуют и лежат в основе ее идентификации и вытекают из нормальной семейной структуры независимо от явного обучения ролям. Однако обучение обычно усиливает их последствия. Будучи матерью, женщина в равной степени работает и на свою личную идентификацию с матерью, и на обучение женской роли.

Этот анализ подразумевает большую структурную проблему, связанную с тем, каким образом связь женщины с ее детьми

\* Это не означает отрицания конфликтов и обид, которые женщины могут чувствовать в отношении своих детей.



воссоздает психическую ситуацию взаимоотношений с матерью. Эти взаимоотношения воссоздаются на двух уровнях: глубинном и бессознательном уровне первичной связи между матерью и младенцем, а после нее — на уровне бисексуального треугольника. Поскольку первичная целостность мать—младенец является исключительной, а колебание в бисексуальном треугольнике включает постоянную тягу назад к матери, для женщины может существовать психологическое противоречие между преданностью детям и преданностью мужчине. Так как женщина переживает свою связь с ребенком на уровне внутриспсихической структуры как исключительную, ее связь с мужчиной может быть поверхностной.

Фрейд в порядке рабочей гипотезы указывает на эту (для него нежелательную) ситуацию при противопоставлении любви, направленной на объект, у мужчин и у женщин. В своем эссе «О нарциссизме» он заявляет, что «абсолютная привязанность к объекту характерна, собственно говоря, для мужчины»<sup>65</sup>. Женщины, в противоположность этому, чаще всего любят нарциссически: на одном уровне хотят быть любимыми или максимально самодостаточными, на другом любят кого-то как продолжение себя, а не как отдельный объект. Здесь он имеет в виду, что механизм, необходимый для установления связи с младенцами, — нормальный способ женской любви. Он также заявляет, что женщины действительно достигают истинной любви к объекту, но только по отношению к своим детям, которые являются и их частью, и отдельными людьми. Позиция Фрейда кажется позицией исключенного мужчины, рассматривающего потенциальную психологическую самодостаточность женщин в сравнении с *мужчинами*. Эта ситуация могла послужить основанием для высказанного в раннем психоанализе заявления, что женщины более нарциссичны, чем мужчины, поскольку клинически очевидно, что у мужчин столько же (и таких же по сути) серьезных проблем основополагающей связанности с объектом, как и у женщин<sup>66</sup>.

Клинические наблюдения выявляют это противоречие между любовью мужчины и женщины, с одной стороны, и любовью матери и ребенка — с другой. Флисс (Fliess) и Дейч указывают на крайний случай, когда дети являются исключительно делом матери и дочери<sup>67</sup>. Некоторые женщины фантазируют, как они рожают ребенка матери или даже имеют ребенка от нее. Обычно это подростки, у которых проблемы привязанности и обособленности в отношении матерей достигли крайних форм и чьи отцы были в большей или меньшей степени лишними в доме. Часто девочка выражает свою фантазию посредством того, что либо не

знает, кто отец ее ребенка, либо знает, но не придает этому значения. Ее главная цель — принести ребенка в дом матери.

Дейч подчеркивает, что в женских фантазиях и мечтах сексуальность и эротизм часто противопоставляются материнству и воспроизводству<sup>68</sup>. Она указывает на клинические литературные описания женщин, выбирающих либо сексуальность, либо материнство, матерей, для которых сексуальное удовлетворение незначимо, женщин с партеногенными фантазиями. Бенедек и Уинникот (Winnicott) замечают, что беременность и ожидание ребенка часто влекут за собой потерю интереса к другим привязанностям и переключение его на свое тело и на развитие ребенка. Как пишет Бенедек, «интерес женщины смещается с деятельности, направленной вовне, на свое тело и его благополучие. Выражаясь в терминах психодинамики, либидо снимается с внешних, гетеросексуальных объектов и сосредоточивается на себе»<sup>69</sup>.

Это смещение либидо может продолжаться и после рождения ребенка. Психологическое и чувственное удовлетворение от кормления заменяет то, что давала прежде гетеросексуальная связь<sup>70</sup>. Полученные клинические данные и теоретические заявления Бакана, Бенедека и Зильбурга, касающиеся мужской ревности к детям, подтверждают такую возможность.

На уровне отношенческого треугольника тоже может возникнуть противоречие между интересом женщин к детям и к мужчинам. Это очевидно из предположения Фрейда, что женщины психологически колеблются между доэдиповой и эдиповой позицией (как он говорит, между периодами «мужественности и женственности»), что женская и мужская любовь различаются по фазе в психологическом смысле (что более вероятно, чтобы женщина любила своего сына, а не мужа). Дейч подчеркивает, что мужчина может быть, а может и не быть психологически необходимым или желаемым для исключительной связи матери и ребенка. Когда женщина ориентирована на мужчину, ее фантазия о ребенке звучит так: «Я хочу ребенка от *него*, с *ним*», когда мужчина — лишь эмоциональный фон, то она звучит так: «Я хочу *ребенка*»<sup>71</sup>.

Женщины начинают хотеть и нуждаться в связях с детьми. Эти потребности суть желание сильных первичных связей, которые мужчины, пожалуй, не обеспечивают и в силу того места, которое они занимают в эдиповой структуре женщин, и в силу мужских затруднений, связанных с близостью. Стремление к сильным первичным взаимоотношениям обычно не направлено на других женщин как из-за внутренних и внешних табу на

гомосексуальность, так и из-за изоляции от близких родственников (особенно матерей) и других женщин.

По мере развития такого желания и потребности у женщин появляются и возможности участия в связях между родителями и ребенком. У них развиваются способности к материнству. В силу структурных ограничений родительства женщины остаются в первичных, доэдиповых взаимоотношениях со своей матерью дольше, чем мужчины. У них нет потребности подавлять или отрезать способность к переживанию первичной идентификации и первичной любви, которые являются основой родительского сопереживания. К тому же их развитие и эдипово разрешение не требуют защищать эго либо от регрессии, либо от связи, как у мужчин. Женщины тоже обычно испытывают бремя доэдиповых проблем в отношении собственной матери, так что фактически у них есть некоторое бессознательное стремление к их оживлению. Заведя ребенка, они более склонны реактивировать эти проблемы, чем мужчины. В каждый критический период развития ребенка собственные конфликты и переживания родителей в соответствующий период влияют на их взгляды и поведение<sup>72</sup>. Доэдипова отношенческая позиция, дремлющая при нормальной самоидентификации и связи женщин с миром, активизируется, когда они начинают заботиться о младенце, и поощряет их настойчивую идентификацию с ним, что является основой материнской заботы.

Материнство, кроме того, включает двойную идентификацию: как с матерью, так и с ребенком. Вся доэдипова связь была интернализирована и увековечена у женщин более целостно, чем у мужчин. Женщины занимают в ней обе стороны, имея возможности для первичной идентификации с ребенком через регрессию к первичной любви и сопереживанию. Посредством идентификации с матерью они имеют чувство ответственности, которое необходимо для заботы о ребенке. В дополнение, женщины включаются в материнство с целью компенсации за него собственной матери (или чтобы отомстить ей). Более того, на протяжении своего развития они наслаивали идентификацию с матерями на первичную интернализированную связь мать—ребенок<sup>73</sup>.

Способности женщин к материнству развиваются из их объектно-отношенческой позиции, произрастающей из особой природы и длительности их доэдиповой связи с матерью; неабсолютного подавления эдиповых связей и их общего непрерывного участия в отношениях мать—дочь. Способность к материнству развивается также и потому, что у них не вырабатывалась та же защита от связей, как у мужчин. Следовательно, желания и по-

требности быть матерями развились у них из эдипова опыта и возникших противоречий гетеросексуальной любви.

Желания и потребности, которые приводят женщин к материнству, создают и ситуации, где способности к материнству могут быть выражены. В то же время женщины остаются в конфликте со своей внутренней матерью, а часто и с реальной. Озабоченность проблемами отделения и первичной идентификации, память о своей ранней связи с матерью — именно те способности, которые делают возможным материнство, — являются и теми факторами, которые могут привести к чрезмерной идентификации и псевдосопереживанию на основе материнской проекции, а не реального восприятия или понимания потребностей своих младенцев<sup>74</sup>. Подобным же образом потребность в первичных связях становится заметной и осознанной по мере того, как связи с другими ослабевают, а отец/муж отсутствует все чаще. Хотя женщины и приходят к рождению детей и материнству, сами способности к материнству и приверженность ему могут противоречить друг другу и самим себе. Способности, которые делают материнство возможным, такие же, что и те, которые делают его проблематичным.

### *Гендерная идентичность и воспроизводство материнства*

Несмотря на очевидную тесную связь между способностями женщин к вынашиванию ребенка и кормлению, с одной стороны, и их обязанностями по уходу за ребенком — с другой, а также на доисторическое и, вероятно, необходимое для выживания удобство полового разделения труда, при котором женщины были матерями, биология и инстинкт не дают адекватных объяснений тому, как женщины приходят к материнству. Материнство женщин как черта социальной жизни требует объяснения в терминах социальной структуры. Обычных феминистских и социально-психологических объяснений генезиса половых ролей — девочки и мальчики «обучаются» соответствующему поведению и «осваивают» соответствующие чувства — недостаточно как эмпирически, так и методологически для объяснения того, как женщины становятся матерями.

С точки зрения методологии теории социализации необоснованно опираются на индивидуальное намерение. Социальные структуры включают средства своего собственного воспроизводства: упорядоченное повторение социальных процессов; увековечение условий, которые требуют участия его членов; генезис легитимирующих идеологий и институтов; психологическое,

равно как и физическое, воспроизводство людей для исполнения необходимых ролей. Изучение социализации помогает объяснить живучесть идеологий различия половых ролей. Однако понятия соответствующего поведения, как и принуждение, не могут сами по себе создать родительство. Центральными и определяющими для родительства (что не характерно для многих других ролей и видов деятельности) являются психологические возможности и конкретная объектно-отношенческая позиция.

Женское материнство включает в себя способность к своему собственному воспроизводству, которое осуществляется посредством формирования женщин с конкретными психологическими возможностями и установками первичного родительства и мужчин без этих возможностей и установок. Психоанализ предлагает нам теорию социального воспроизводства, которая объясняет главные особенности развития личности и психической структуры и, в частности, дифференцированного развития гендерной идентичности. Психоаналитики доказывают, что личность создается в результате и посредством способов, которыми ребенок приобретает, интернализирует и организует ранние переживания в своей семье: от общих фантазий всех членов семьи, их методов защиты до способов передачи и переадресовки стимулов в объектно-отношенческом контексте. Впоследствии человек налагает эту внутриспсихическую структуру и сопровождающие ее фантазии, средства защиты и отношенческие механизмы на внешние социальные ситуации. Эта повторная экстернализация (или взаимная реэкстернализация) — основная составляющая черта самих социальных и межличностных ситуаций.

Психоанализ, однако, не имел подходящей теории воспроизводства материнства. В силу телеологического допущения, что анатомия — это судьба\* и что женская судьба включает первичное родительство, онтогенез материнства женщин в значительной степени игнорировали, даже при том, что генезису разнообразных связанных с ним нарушений и проблем уделялось широкое внимание клиницистов. Большинство психоаналитиков сходятся во мнении, что основа для родительства заложена для обоих полов в ранней связи с первым ответственным за ребенка человеком. Кроме этого, чтобы объяснить, почему матерями являются женщины, они опираются чаще всего на неясные понятия последующей идентификации девочки с ее матерью, которая делает ее, а не ее брата первичным родителем, или на неуточненную или неизученную врожденную женственность у девочек, или на логические скачки от кормления или ранних вла-

\* Отсылка к известному мнению З. Фрейда (прим. ред.).

галищных ощущений до способностей и обязательств взять на себя заботу о ком-то.

Если же психоаналитическую оценку мужского и женского развития толковать по-иному, она дает нам эволюционную теорию воспроизводства материнства женщин. Оно воспроизводит себя посредством различения объектно-отношенческого опыта и различения последствий для психики у женщин и мужчин. В результате того, что их воспитывала женщина, женщины больше, чем мужчины, стремятся к материнству, т. е. к перемещению себя в первичную связь мать—ребенок, получению удовлетворения от материнства и обладанию психологическими и отношенческими возможностями для него.

Ранняя связь с человеком, несущим за них первичную ответственность, обеспечивает у детей обоих полов как базовую способность к участию в отношениях типа ранней связи между родителями и ребенком, так и желание создавать эту близость. Но, поскольку матерями являются женщины, ранний опыт и доэдипова связь различны у мальчиков и девочек. Девочек больше занимают проблемы раннего детства, связанные с матерью, и ощущение своей причастности к этим проблемам. Их привязанности сохраняют поэтому больше доэдиповых аспектов. Большая продолжительность и другая природа их доэдипова опыта, озабоченность проблемами этого периода означают, что женское ощущение себя неразрывно с ощущением других и что женщины сохраняют способности к первичной идентификации. Это дает им возможность испытать сопереживание и отсутствие чувства реальности, нужные младенцу, о котором заботятся. У мужчин эти качества ограничивались как в силу того, что в раннем возрасте мать обращалась с ними как с другими, так и потому, что их более позднюю привязанность к ней нужно было подавлять. Поэтому отношенческий базис для материнства расширяется у женщин и подавляется у мужчин, которые ощущают себя более обособленными и отличными от других.

Разные структуры женского и мужского эдиповых треугольников и процесс приобретения эдипова опыта, возникающий как результат материнства женщины, способствует далее дифференциации гендерной идентичности и воспроизводству у женщин материнства. В результате этого опыта их внутренний объектный мир, а также связанные с ним эмоции и проблемы более интенсивны и сложны, чем у мужчин. Это означает, что женщины определяют и ощущают себя через связи с другими. Их гетеросексуальная ориентация всегда во внутреннем диалоге с проблемами как эдиповой, так и доэдиповой связи между матерью

и ребенком. Таким образом, женская гетеросексуальность является треугольной и требует третьего человека — ребенка — для своего структурного и эмоционального завершения. В противоположность этому, для мужчин только гетеросексуальная связь воссоздает раннюю связь с матерью; ребенок нарушает ее. Более того, мужчины не определяют себя в связи с другими и пришли к подавлению способностей к отношениям и потребностей в них. Это готовит их к вхождению в отрицающий эмоции мир отчужденного труда, а не к удовлетворению потребности женщин в близости и первичных связях.

Эдипов комплекс в том виде, в каком он возникает из асимметричной организации родительства, гарантирует психологическое табу на инцест в рамках связи родитель—ребенок и подталкивает мальчиков и девочек к внесемейным гетеросексуальным связям. Это — один из шагов в направлении воспроизводства родительства. Создание и поддержание табу на инцест и обеспечение гетеросексуальности у девочек и мальчиков осуществляются по-разному. Сформированное у мальчиков сверх-Я и идентификация с отцом, вознаграждаемые превосходством мужественности, поддерживают табу на инцест с матерью, в то время как гетеросексуальная ориентация является продолжением самой ранней любовной связи с ней. Для девочек табу поддерживается, в первую очередь, тем, что их формируют гетеросексуальными. Однако гетеросексуальность женщин не настолько исключительна, как гетеросексуальность мужчин, что облегчает для них принятие или поиск мужской замены отца. В то же время в обществе, где доминирует мужчина, исключительная эмоциональная гетеросексуальность женщин не так необходима, как и подавление любви к отцу. Мужчины более склонны к инициированию связей, а экономическая зависимость от них женщин толкает их так или иначе на гетеросексуальный брак.

Мужское превосходство в гетеросексуальных парах и брак разрешают проблему отсутствия гетеросексуальных «обязательств» и удовлетворения у женщин, делая их более реактивными в процессе установления сексуальной связи. В то же время противоречия, связанные с гетеросексуальностью, помогают навсегда сохранить семьи и родительство, гарантируя стремление женщин к связям с детьми, а не только гетеросексуальным отношениям. Таким образом, свою роль в обеспечении материнства играют эмоциональная доступность мужчин и менее исключительная гетеросексуальная приверженность женщин.

Итак, женское материнство формирует психологическое самоопределение и способности к материнству у будущих женщин и

ограничивает их у мужчин. Ранний опыт женской заботы формирует основополагающую структуру ожиданий у женщин и мужчин, связанную с отсутствием у матерей интересов, отдельных от младенцев, и тотальной заботой об их благополучии. Дочери вырастают, идентифицируя себя с матерями, в отношении которых у них имеются такие ожидания. Эта совокупность ожиданий обобщается до допущения, что женщины естественным образом заботятся о детях всех возрастов, и до убеждения, что «материнские» качества женщин могут и должны быть распространены на другую выполняемую ими работу. Таким образом, женское материнство гарантировало, что женщины будут матерями для младенцев и возьмут на себя постоянную ответственность за детей.

Воспроизводство женского материнства — основа для воспроизводства встроенности женщин в домашнюю сферу. Материнство и его обобщение до структурного местонахождения женщин в домашней сфере связывает современную социальную организацию пола и социальную организацию производства и вносит свой вклад в воспроизводство каждой из них. То, что женщина является матерью, — фундаментальная организационная черта системы пол-гендер. Это основа для полового разделения труда, порождающая психологию и идеологию мужского господства, а также идеологию в отношении женских возможностей и природы. Женщины как жены и матери вносят свой вклад в повседневное и поколенческое воспроизводство — как физическое, так и психологическое — работников-мужчин и, таким образом, в воспроизводство капиталистического производства.

Материнство женщин воспроизводит семью в том виде, в котором она представлена в обществе, где доминирует мужчина. Половое и семейное разделение труда, при котором женщины являются матерями, создает половое разделение психологической организации и ориентации. Оно формирует социально сконструированных женщин и мужчин, которые вступают в асимметричные гетеросексуальные связи; оно формирует мужчин, которые реагируют на женщин, боятся их и ведут себя с чувством превосходства по отношению к ним и которые вкладывают большую часть своей энергии во внесемейный мир труда и не выполняют родительских функций. Наконец, оно формирует женщин, которые обращают свою энергию на воспитание детей и заботу о них, воспроизводя, в свою очередь, половое и семейное разделение труда, при котором женщины являются матерями.

Поэтому социальное воспроизводство асимметрично. Женщины в своей домашней роли воспроизводят мужчин и детей физически, психологически и эмоционально. Женщины в своей



домашней роли домработниц воссоздают себя физически каждый день и воспроизводят себя как матерей — эмоционально и психологически — в следующем поколении. Таким образом, они способствуют увековечению собственных социальных ролей и положения в гендерной иерархии.

Институционализированные черты семейной структуры и социальных отношений воспроизводства воспроизводят сами себя. Психоаналитические исследования свидетельствуют, что способности и приверженность женщин материнству, так же как и общие психофизиологические возможности и желания, составляющие основу их эмоциональной активности, постепенно включаются в женскую идентичность. Поскольку женщины сами воспроизводятся женщинами же, они вырастают с соотносительными потребностями и способностями и психологическим пониманием своей роли в отношениях, которая завязана на материнстве. Мужчинам, поскольку они воспроизводятся женщинами, это не свойственно. Женщины же воспитывают детей, которые, становясь женщинами, делают то же самое.

### Примечания

- <sup>1</sup> Обзор литературы на эту тему см.: Biller, 1979, *Father, Child*. См. также: Stoller, 1965, «The Sense of Maleness». Можно также познакомиться с более современными формулировками: Johnson, 1975, «Fathers, Mothers».
- <sup>2</sup> См. Mead, 1949, *Male and Female*; Michelle Z. Rosaldo, 1974, «Woman, Culture, and Society»; Nancy Chodorow, 1971, «Being and Doing», and 1974, «Family Structure and Feminine Personality», in Rosaldo and Lamphere, eds., *Woman, Culture, and Society*, p. 43–66; Beatrice Whiting, ed., 1963, *Six Cultures*; Beatrice B. Whiting and John W. M. Whiting, 1975, *Children of Six Cultures*; John Whiting, 1959, «Sorcery, Sin»; Burton and Whiting, 1961, «The Absent Father».
- <sup>3</sup> См. Richard T. Roessler, 1971, «Masculine Differentiation and Feminine Constancy», *Adolescence*, 6, # 22, p. 187–196; E. M. Bennett and L. R. Cohen, 1959, «Men and Women, Personality Patterns and Contrasts», *Genetic Psychology Monographs*, 59, p. 101–155; Johnson, 1963, «Sex Role Learning», and 1975, «Fathers, Mothers»; Stoller, 1964, «A Contribution to the Study», 1965, «The Sense of Maleness», and 1968, «The Sense of Femaleness», *Psychoanalytic Quarterly*, 37, # 1, p. 42–55.
- <sup>4</sup> См. Biller, 1971, *Father, Child*.
- <sup>5</sup> Mitscherlich, 1963, *Society Without the Father*; Philip E. Slater, 1961, «Toward a Dualistic Theory of Identification», *Merrill-Palmer Quarterly of Behavior and Development*, 7, # 2, p. 113–126; Robert F. Winch, 1962, *Identification and Its Familial Determinants*; David B. Lynn, 1959, «A Note on Sex Differences», and 1962, «Sex Role and Parent».
- <sup>6</sup> Johnson, 1975, «Fathers, Mothers», and Maccoby and Jacklin, 1974, *The Psychology of Sex Differences*, point this out.
- <sup>7</sup> D. B. Lynn, 1959, «A Note on Sex Differences», p. 130.
- <sup>8</sup> См. Slater, 1961, «Toward a Dualistic Theory», and Johnson, 1975, «Fathers, Mothers».
- <sup>9</sup> Это высказывание принадлежит Арли Хочшильд (см. Arlie Russell Hochschild, 1975<sup>b</sup>, «The Sociology of Feeling and Emotion: Selected Possibilities», in Marcia Millman and

- Rosabeth Moss Kanter, eds., *Another Voice*, p. 280–307.) Хочшильд использует этот термин для объяснения тех внутренних процессов, благодаря которым женщина приводит свои чувства в соответствие с тем, как она, по их мнению, должна чувствовать. Я использую этот термин в более широком смысле для объяснения эмоций других людей.
- 10 См., например, Johnson, 1975, «Fathers, Mothers»; Parsons and Bales, 1955, *Family, Socialization*; Deutsch, 1944, *Psychology of Women*.
- 11 Alice Balint, 1939, «Love for the Mother».
- 12 Rosaldo, 1974, «Woman, Culture, and Society».
- 13 На эту тему см.: Lynn, 1959, «A Note on Sex Differences», and 1962, «Sex Role and Parent»; Parsons, 1942, «Age and Sex»; Mitscherlich, 1963, *Society Without the Father*; Slater, 1968, *The Glory of Hera*; Mead, 1949, *Male and Female*.
- 14 Freud, 1925, «Some Psychical Consequences», p. 253.
- 15 Brunswick, 1940, «The Preoedipal Phase», p. 246.
- 16 Ibid.
- 17 Freud, 1909, «Analysis of a Phobia».
- 18 Horney, 1932, «The Dread of Women».
- 19 Ibid., p. 351.
- 20 Ibid.
- 21 Ibid., p. 135.
- 22 Ibid., p. 136.
- 23 Ibid.
- 24 На это указывает Слейтер (Slater, 1968, *The Glory of Hera*, p. 19). Кросс-культурные сравнения взаимосвязей между структурой семьи и степенью озабоченности мужчин вопросами маскулинности приводятся также в Whiting et al., 1958, «The Function of Male Initiation Rites»; Whiting, 1959, «Sorcery, Sin»; and Burton and Whiting, 1961, «The Absent Father».
- 25 По вопросам взаимосвязи пролетаризации и уменьшения роли эдипального отца см.: Horkheimer, 1936, «Authority and the Family», and Mitscherlich, 1963, *Society Without the Father*.
- 26 Bibring, 1953, «On the 'Passing of the Oedipus Complex'».
- 27 Ibid., p. 280.
- 28 Ibid., p. 281.
- 29 Ibid.
- 30 Ibid.
- 31 Ibid., p. 282.
- 32 Ibid.
- 33 Обсуждение способов активного сохранения и поддержания этой ответственности см.: Joseph H. Pleck and Jack Sawyer, 1974, *Men and Masculinity*, and Marc F. Fasteau, 1974, *The Male Machine*.
- 34 Моя формулировка необходимых личностных качеств для иерархического предприятия основывается на Edwards, 1975, «The Social Relations of Production».
- 35 См. Melvin L. Kohn, 1969, *Class and Conformity*.
- 36 Frankfurt Institute, 1972, *Aspects*; Horkheimer, 1936, «Authority and the Family»; Mitscherlich, 1963, *Society Without the Father*; Parsons, 1964, *Social Structure and Personality*; Parsons and Bales, 1955, *Family, Socialization*; Slater, 1970, *The Pursuit of Loneliness*, and 1974, *Earthwalk*.
- 37 Talcott Parsons with Winston White, 1961, «The Link Between Character and Society», in *Social Structure and Personality*, p. 218.
- 38 Ibid., p. 203.

- 39 Ibid., p. 233.
- 40 Slater, 1974, *Earthwalk*, p. 131. See also Slater, 1970, *The Pursuit of Loneliness*.
- 41 Horkheimer, 1936, «Authority and the Family», p. 108.
- 42 Некоторые материалы этого раздела были ранее опубликованы в N. Chodorow, 1976, «Oedipal Asymmetries and Heterosexual Knots», *Social Problems*, 23, # 4, p. 454–468.
- 43 Deutsch, 1925, «The Psychology of Woman», p. 165.
- 44 Ibid.
- 45 Это утверждение основано на некоторых данных, почерпнутых из литературы по этнографии, и подтверждается антропологом Michelle Z. Rosaldo (personal communication).
- 46 Michael Balint, 1935, «Critical Notes on the Theory», p. 50.
- 47 Michael Balint, 1956<sup>a</sup>, «Perversions and Genitality», in *Primary Love and Psycho-Analytic Technique*, p. 141. Balint follows Sandor Ferenczi here (1924, *Thalassa: A Theory of Genitality*).
- 48 Freud, 1931, «Female Sexuality».
- 49 См. Freedman, 1961, «On Women Who Hate», где дано прекрасное клиническое описание.
- 50 См. Chasseguet-Smirgel, 1964, «Feminine Guilt» и Grunberger, 1964, «Outline for a Study».
- 51 Социологическое подтверждение этому см.: William M. Kephart, 1967, «Some Correlates of Romantic Love», *Journal of Marriage and the Family*, 29, p. 470–474, and Zick Rubin, 1970, «Measurement of Romantic Love», *Journal of Personality and Social Psychology*, 6, p. 265–273.
- 52 Chasseguet-Smirgel, 1964, «Feminine Guilt», and Grunberger, 1964, «Outline for a Study».
- 53 Alan Booth (1972, «Sex and Social Participation», *American Sociological Review*, 37, pp. 183–193) сообщает, что женская дружба в нашем обществе значительно глубже, чем мужская. Точно так же Mirra Komarovsky (1974, «Patterns of Self-Disclosure of Male Undergraduates», *Journal of Marriage and the Family*, 36, # 4, p. 677–686) обнаружила, что студенты мужского пола больше доверяют другу-женщине и сохраняют образ “сильного” с мужчиной. Более того, эти мужчины ощущали себя в более невыгодном положении по сравнению с женщиной, поскольку она имеет ряд других людей, которым может довериться.
- 54 Grunberger, 1964, «Outline for a Study», p. 74.
- 55 См.: Martha Baum, 1971, «Love, Marriage and the Division of Labor», *Sociological Inquiry*, 41, # 1, p. 107–117; Arlie Russell Hochschild, 1975<sup>a</sup>, «Attending to, Codifying, and Managing Feelings»; Kephart, 1967, «Some Correlates»; Zick Rubin, 1975, «Loving and Leaving».
- 56 Goethals, 1973, «Symbiosis», p. 96.
- 57 Zick Rubin, 1975, «Loving and Leaving».
- 58 Jessie Bernard, 1972, *The Future of Marriage*.
- 59 Freud, 1933, *New Introductory Lectures*, p. 134.
- 60 Booth, 1972, «Sex and Social Participation»; этот факт подтверждается многими материалами о мужском освободительном движении.
- 61 Подтверждение этого факта из области кросс-культурных исследований см. источники по этнографии, а также Rosaldo and Lamphere, 1974, *Woman, Culture and Society*. Примеры этого явления в современных капиталистических обществах обсуждаются в Booth, 1972, «Sex and Social Participation», and for concrete illustration, Elizabeth Bott, 1957, *Family and Social Network: Roles, Norms and External Relationships in Ordinary Urban Families*; Herbert Gans, 1967, *The Levittowners*; Mirra Komarovsky, 1962, *Blue-Collar Marriage*; Carol B. Stack, 1974, *All Our Kin*; Young and Willmott, 1957, *Family and*

*Kinship.*

<sup>62</sup> См. Deutsch, 1944, *Psychology of Women*; Charlotte Wolff, 1971, *Love Between Women*; Adrienne Rich, 1976, *Of Woman Born: Motherhood as Experience and Institution*.

<sup>63</sup> Современное описание такого же перехода см. в Young and Willmott, 1957, *Family and Kinship*.

<sup>64</sup> Deutsch, 1925, «The Psychology of Woman», p. 171.

<sup>65</sup> Freud, 1914, «On Narcissism», p. 88.

<sup>66</sup> См. Heinz Kohut, 1971, *Analysis of Self: A Systematic Approach to the Psychoanalytic Treatment of Narcissistic Personality Disorders. Psychoanalytic Study of the Child*, monograph # 4. New York, International Universities Press; Otto Kernberg, 1975, *Borderline Conditions and Pathological Narcissism*.

<sup>67</sup> Fliess, 1961, *Ego and Body Ego*; Deutsch, 1944, *Psychology of Women*.

<sup>68</sup> Deutsch, 1944, *Psychology of Women*.

<sup>69</sup> Benedek, 1949, «Psychosomatic Implications», p. 643.

<sup>70</sup> См. об этом: Alice Balint, 1939, «Love for the Mother»; Fliess, 1961, *Ego and Body Ego*; Whiting et al., 1958, «The Function of Male Initiation Rites»; Newton, 1955, *Maternal Emotions*, and 1973, «Interrelationships between Sexual Responsiveness».

<sup>71</sup> Deutsch, 1944, *Psychology of Women*, p. 205.

<sup>72</sup> Benedek, 1959, «Parenthood as Developmental Phase».

<sup>73</sup> См.: Klein, 1937, «Love, Guilt and Reparation». Barbara Deck (в личном разговоре) отмечала, что интерпретация Кляйн женского участия в материнстве гомологична описанному Ференци и Балинтом участию в коитусе. Женское удовлетворение материнством происходит из становления ее матерью и из идентификации ее с ребенком. Подобным образом она является одновременно воспринимающей матерью и идентифицируется с мужчиной, проникающим в нее во время коитуса.

<sup>74</sup> В шестой главе описаны такие матери.

*Перевод О. Рябкова выполнен по изданию:*

Nancy Chodorow. *The Reproduction of Mothering: Psychoanalysis and the Sociology of Gender* (Part 3. "Gender Personality and the Reproduction of Mothering"). Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 1978, p. 173–209.

**Джоан  
ХУБЕР**

Социолог и антрополог Джоан Хубер вошла в академическую дискуссию о социально-половой стратификации с теорией, которая может дать ответ на многие вопросы, касающиеся производства и распределения экономических ресурсов и регулирования сексуальности.

Все многообразие теорий, объясняющих различие и неравенство полов, подразделяется на две школы: биогенетическую и биокультурную. Первая обосновывает различия в поведении мужчин и женщин биологическими и генетическими факторами: аргументация сосредоточивается вокруг гормональных различий, размеров тела, силы, большей развитости правого или левого полушария мозга и так далее. Одни считают эти различия и соответственно мужское доминирование «исконными», другие (например, О. Уилсон) – сформированными в процессе эволюции, но все равно неизбежными и необходимыми для вы-

---

## **ТЕОРИЯ ГЕНДЕРНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ**

Если оглянуться в прошлое, то большинство теорий социальной стратификации носили теологический характер. Мир был таким, каким его захотел видеть Бог. Как говорится в словах известного псалма:

Богач в своем замке,  
Бедняк у своей калитки,  
Бог сделал первого знатным,  
А второго простолюдином,  
Сословие каждого — в воле Бога.

К тому времени, когда эта строчка о сильных и слабых мира сего была вычеркнута из псалма, Бог уже наделялся меньшими, чем ранее, правами в области разделения общества на слои. Индустриализация в Европе и Северной Америке в течение XIX века породила грандиозные теории о классовых различиях, выражавшихся в обладании престижем и властью. Эти теории легли в основу сознания людей XX века.

живания вида. Вторая школа – биокультурная – представлена растущим количеством исторических и антропологических исследований, которые указывают на огромную вариативность социополового поведения и разделения труда. Это разнообразие культурных адаптаций так велико, что его нельзя объяснить только биологическими факторами. Джоан Хубер в своей теории помещает гендерную стратификацию в контекст универсальной социальной стратификации и разделения труда. Попытки подобного рода делались и ранее; наиболее известная из них – работа Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». В качестве мотивации для создания системы угнетения женщин Энгельс называет стремление к передаче накопленной собственности несомненному наследнику. Выработанный для реализации этой цели механизм заключается в контроле над женским поведением, что постепенно при-

вело к установлению моногамного (для женщины) брака.

Как полагает Энгельс, половое разделение труда существовало практически всегда, однако оно стало значимым только с появлением частной собственности. Та работа, которую выполняли мужчины, производительна и обладает меновой стоимостью. То, что делают женщины – ведение домашнего хозяйства и уход за детьми, – необходимо для выживания, но меновой стоимости не имеет. Разделение труда на производительный и труд по поддержанию существования привело к обесцениванию женского вклада. Мужчины же оказались заинтересованы в определенной модели наследования, которую можно обеспечить только посредством моногамной семьи. Энгельс совершил огромный прорыв, включив сексуальность и репродукцию в экономическую теорию, однако она все же не объясняет самого факта полового разделения

---

Различия полов в обладании престижем и властью, наоборот, принимались как должное. До 1970 г. основная теория гендерной (социально-половой) стратификации имела биологическую основу: различия полов в сфере престижа и власти произрастали из врожденных качеств. Одно из них считалось абсолютным: мужчина не мог родить и выкормить ребенка грудью; другие были более или менее постоянны. Мужчины в целом больше размером, с большим объемом мускулов. Психологические различия также расплывчаты, и остается неизвестной степень их врожденности или, наоборот, приобретенности в результате жизненного опыта.

Индустриализация сравняла функциональную значимость половых различий. Неспособность мужчин выкармливать ребенка стала менее значимой с 1910 г., когда технология пастеризации молока позволила выкармливать детей искусственным способом. Меньшая мускульная сила женщин тоже становилась не столь важным фактором, по мере того как машины все больше заменяли человеческий труд. Сегодня для квалифицированной работы мускулы не так важны, как разум человека. Они дают преимущество лишь в некоторых видах работ, например при уборке снега, но благоразумные мужчины и в этом случае не всегда работают с полной отдачей, зная, что они в

труда. Кроме того, ни марксисты, ни последователи Вебера не пытались заглянуть внутрь домохозяйства и выяснить, как включен в макроэкономику выполняемый там социально необходимый труд.

Джоан Хубер разработала модель гендерной (социально-половой) стратификации с учетом того, что происходит внутри домохозяйства, а также тех двух задач воспроизводства, решение которых недоступно мужчинам: рождения и грудного вскармливания детей. Рассматривая взаимодействие нескольких факторов – экологии, технологии производства пищи и изменений рождаемости, – она исходит из следующих посылок (первая и третья связаны с общей теорией социальной стратификации в функционалистской перспективе): 1) члены семьи, производящие продукты, обладают большей властью и престижем, чем потребляющие – предпочтительнее обладать способностью давать, чем брать. Но от чего

зависит, кто занят производительным трудом? Ответом может стать второе положение: та работа, которую выполняют женщины, должна быть совместима с беременностью и грудным вскармливанием (задачами, которые не могут выполнить мужчины), – если общество хочет выжить. При этом с точки зрения общей социальной стратификации 3) наибольшая власть и престиж в обществе принадлежат людям, контролирующим распределение материальных ценностей за пределами семьи.

Взяв для анализа пять типов культур – охоту и собирательство, мотыжное земледелие, кочевье, пропашное земледелие и индустриальное общество, – Джоан Хубер рассматривает, что делают мужчины для производства пищи, что делают женщины и почему они не делают ту же работу, что и мужчины, если она дает больше пищи; каковы при этом брак и структура семьи (свободный брак, полигамия, моногамия), а

---

большей степени подвержены сердечно-сосудистым заболеваниям.

Различия полов индустриализация также поставила под сомнение. Миф о женском слабоумии, который оправдывал их недопуск во властные структуры, был разрушен после распространения обязательного образования. Стало труднее считать женщин менее способными, в то время как в школах девочки учились наравне с мальчиками. В действительности они успевали даже лучше. С тех пор как колледжи открыли двери для женщин, сохранение прежнего баланса полов, при равных правилах поступления, стало практически невозможным. Исторически сложилось так, что колледжи разделили поступающих по половому признаку, оставив значительную квоту для мужчин. Некоторые из учебных заведений практиковали одни и те же экзамены для мужчин и женщин, вводя при этом для последних более высокий проходной балл. В 1960-х гг., к примеру, колледжи Нью-Йорка требовали от мужчин среднюю оценку 85, а от женщин – 90, чтобы последние не заполнили систему образования. Университет Северная Каролина, находящийся в Чейпел Хилл, используя подобный подход и сейчас, выпускает больше женщин, чем мужчин, – тенденция, встревожившая некоторых из попечителей университета.

также демографические тенденции – смертность, рождаемость, уровень разводов. Как показывает автор, положение женщины напрямую связано с ее участием в производстве пищи, но в некоторых обществах потребность в воспроизводстве населения полностью исключает женщин из деятельности, дающей власть и престиж. Это происходит там, где производство пищи предполагает длительное пребывание вне дома, либо когда война становится значимым способом увеличения «излишков».

Усовершенствование орудий труда, приводящее к увеличению производства пищи, а также изменение уровней смертности и рождаемости непосредственно связаны с положением женщин. В постиндустри-

альную эпоху их статус начинает улучшаться (Энгельс полагал, что положение угнетаемых, в том числе женщин, непрерывно ухудшается), так как развитие технологии делает физические различия полов все менее значимыми, однако важную роль продолжает играть внутрисемейное разделение труда. Несомненно, постановка проблемы «домашней работы» в качестве одной из ключевых при рассмотрении таких глобальных вопросов, как социальная стратификация, непривычна для исследователей, оперирующих категориями иной научной парадигмы. Однако полемика о домашнем труде, ведущаяся в социологии, помогла показать, что отношения внутри семьи строятся на экономической основе.

---

Примерно в 1970 г. назрела необходимость замены теории половой стратификации, построенной на биологических различиях. Новая волна женского движения четко выделила многие аномалии, сохранившиеся после индустриализации. Поведение, обусловленное социополовыми ролями, не имело какого-нибудь логического объяснения, исходившего из биологических различий. Хотя мужчины обладали всеми необходимыми навыками, они, к примеру, намного реже кормили ребенка из бутылочки. Таким же образом многие часы, которые женщина, работающая полный рабочий день, проводила за мытьем посуды или чисткой туалета, проистекали из недоказуемого биологического императива. И ученые осознали, что гендерная стратификация является формой социальной стратификации, в которую биология внесла значительный вклад, но которую нельзя объяснить, только исходя из биологии.

Однако в 1970 г. данных, необходимых для создания новой теории, было явно недостаточно. Антропологи уже многое знали о племенах, живущих за счет собирательства или первобытных форм земледелия, но эти ученые, будучи мужчинами, недостаточно изучали женщин этих племен и не выяснили подробности о той работе, которую они выполняли. Как следствие, представления о поведении и ориентациях женщин были отрывоч-



ными. Более того, эти интерпретации базировались на западной идеологии половых ролей, которую мужчины-антропологи несли в памяти как часть своего интеллектуального багажа.

Историки долго изучали великих мира сего и великие политические события, игнорируя при этом социальную историю и каждодневную жизнь простых людей. История включала упоминания о нескольких великих королевах и военачальницах, но обычных женщин там практически не было.

Социологи рассматривали женщин либо в качестве жен и матерей при изучении семьи, либо в качестве проституток при изучении социальных отклонений. Литература по вопросам стратификации касалась женщин только как приложения к их мужьям. Основной проблемой являлось то, что теории стратификации, независимо от того, находились ли они под влиянием Карла Маркса или Макса Вебера, определяли социальный класс через рыночные отношения. Домохозяйство оставалось «черным ящиком». Ни Маркс, ни Вебер (ни даже Эмиль Дюркгейм) не смогли придать форму концепции внутрисемейному разделению труда как части общественного. Как следствие, ни европейские, ни американские социальные теории не внесли существенного вклада в теорию гендерной стратификации.

Тем не менее самые ранние социальные теории половой стратификации были созданы под влиянием Маркса либо Вебера. В центре их внимания был род занятий, а изменениям в деторождении, существенно влиявшим на жизнь женщин, почти не уделялось внимания. Первые теории были созданы женщинами-учеными под влиянием идей марксизма. До конца 1960-х гг. марксизм в США существовал вне общественных наук, пока молодые исследователи не открыли заново этот обширный пласт литературы. Идея обманутого капиталистами рабочего класса получила широкое распространение. Первые феминистки, ориентировавшиеся на марксизм, взяв на вооружение концепцию патриархального капитализма, пытались показать, что женщины, принадлежавшие к рабочему классу, были обмануты еще в большей степени, чем мужчины. С течением времени, однако, взгляды марксистских феминисток тоже разошлись, и они стали представлять два различных направления.

Одни считали или подразумевали, что женщины дискриминируемы только в классовых обществах, где гендер являлся лишь аспектом классовой стратификации. Другие придерживались мнения, что пол являлся причиной первоначального основного разделения классов. Маркс был прав, но он не развил теорию до конца (Crompton, 1986). На самом деле патриархатный социа-

лизм весьма напоминает патриархатный капитализм. Положение женщин в обществе относительно мужчин в народных демократиях Восточной Европы и в демократиях Запада практически не имеет различий.

В начале 1970-х гг. традиции веберизма в США положили начало новому и нестандартному пути в социологии: в исследованиях в области стратификации стало доминировать изучение воздействия уровня, которого достигали отцы в работе и образовании, на уровень достижений их сыновей. Когда эти модели были распространены на женщин середины 1970-х гг., то обнаружилось, что оба пола продемонстрировали равные уровни мобильности в сфере занятости, однако казалось странным, что при этом женщины меньше зарабатывали. Впоследствии ученые стали говорить, что стандартные показатели социоэкономического статуса не выявляют суть различий в сферах деятельности, в которых доминирует тот или иной пол (Bose & Rossi, 1983). В итоге ни марксистская, ни веберизанская теории не смогли адекватно описать статус женщин в индустриальных обществах. Основная проблема состояла в том, что никто из теоретиков не дал объяснения тому, как резкое снижение уровня рождаемости влияет на возможности женщин. Как следствие, изучение занятости обрело форму концепции, достаточно отдаленной от изучения рождаемости.

Взаимосвязь занятости и рождаемости стала более очевидной в течение 1970-х гг. В результате интереса к тенденциям, породившим широкое развитие женского движения, появились новые данные. Историческая демография и социология, социальная история и антропология весьма обогатили знания о деторождении и вовлечении женщин в трудовые ресурсы. Одно направление исследований базировалось на истории, психологии и демографии индустриального общества. Серьезные аналитические методы и обширные данные лонгитюдных исследований позволили ученым обратиться к прежде неразрешимым проблемам.

На другое направление сильное влияние оказала сравнительная социология, или социальная антропология, которая была искусственно отделена от социологии в тех западных странах, где народы доиндустриальной ступени развития были практически полностью уничтожены (как коренные жители Америки) или еще ранее ассимилированы (например, европейские крестьяне) (Goody, 1982:2). Это направление включает в себя работы таких антропологов, как Е. Фридль (Ernestine Friedl, 1975) и Дж. Гуди (Jack Goody, 1976), социологов Г. Ленски (Gerhard Lenski, 1970), Р. Л. Блумберга (Rae Lesser Blumberg, 1978, 1984) и Ж. Заль-

цман Шафетц (Janet Saltzman Chafetz, 1984), демографов Р. Лестхейга (Ron Lesthaeghe, 1980) и Дж. Колдвелла (John Caldwell, 1980), а также экономиста Э. Бозрап (Ester Boserup, 1970).

Излагаемая далее теория в значительной степени базируется на идеях второго направления. Она, безусловно, требует дальнейшей конкретизации. Ведь ее цель состоит не в том, чтобы дать ответы на все вопросы, а в том, чтобы показать потенциал этой стратегии исследований.

Гендерная стратификация является подсистемой социальной стратификации. Теория стратификации должна начинаться с изучения того, что мужчины и женщины делают каждый день для обеспечения себя пищей, одеждой и кровом в контексте организации труда в зависимости от необходимых для этого орудий. Она также должна учитывать физические условия, которые влияют на качество жизни человека: климат, почву, температуру и другие экологические переменные. Этот подход не нов. Хотя значение таких факторов часто и преуменьшается ввиду распространённого убеждения в том, что главной движущей силой общества являются личные взаимодействия людей, тем не менее с самого начала многие социологические анализы эксплицитно или имплицитно подчеркивали важность экологии и технологии\*.

Подход, признающий важность труда по поддержанию жизнедеятельности, не является детерминистским: технология делает возможными, но не обязательными определенные события. В равной степени такой подход не может дать исчерпывающий ответ на все серьезные вопросы о состоянии общества. Но это — необходимый первый шаг. Анализ, направленный главным образом на теории, чувства и воззрения, может предоставить важный материал, но он не способен обеспечить глубокое проникновение в причины и следствия систем стратификации, которые неразрывно переплетены с материальными условиями (Harris, 1979). «Не хлебом единым жив человек», но без хлеба человек жить не может.

Самый полный анализ антропологической литературы, показывающей взаимодействие экологии, технологии и организации труда, дан в работе Ленски «Власть и привилегии» (Lenski, 1966), а также в его макросоциологической книге (1970), которой он обязан работам Гордона Чилда (Gordon Childe, 1951) и Вальтера Гольдшмидта (Walter Goldschmidt, 1959). Этот подход называется эволюционным, так как усовершенствование орудий труда привело к увеличению производства пищи.

\* Определение Duncan (1964) остается лучшим описанием этого направления современной социологии.

Антрополог Э. Фридль в своей работе (Ernestine Friedl, 1975) использовала экологический подход для изучения влияния существовавших орудий труда на гендерную стратификацию в мотыжных культурах и культурах, основанных на собирательстве, тем самым предлагая два принципа гендерной стратификации. Три следующих принципа представляют собой модификацию ее анализа. Первый принцип рассматривает уровень семьи: люди, производящие товары, имеют больше власти и престижа, чем те, кто потребляет: предпочтительнее обладать способностью давать, чем брать.

Но от чего зависит, кто в данном обществе занят производительным трудом? Мужчины и женщины способны на равных выполнять широкий спектр действий. И все же во всех обществах фактор пола при разделении труда играет решающую роль. Ответ проистекает из того, что один из полов не способен выполнить две задачи, непосредственно связанные с выживанием сообщества: мужчина не может родить и выкормить грудью ребенка. Если общество хочет выжить, то большинство женщин должны рожать и выкармливать детей. Из этого факта вытекает второй принцип: работа, выполняемая женщинами, должна быть совместима с беременностью и лактацией, если требуется воспроизводство популяции.

Упор на воспроизводство населения немного отличает мою формулировку от формулировки Фридль (Friedl, 1975) и Блумберга (Blumberg, 1984), полагавших, что работа, выполняемая женщинами, определяет тип ухода за детьми, а не наоборот. Мнение Фридль и Блумберга заслуживает внимания в той части, где оно поправляет существующую тенденцию признания за женщиной ее основной роли как воспитательницы детей на протяжении всей человеческой истории (эта точка зрения является распространенной ошибкой в послевоенной американской социологии). Верным является, в принципе, и то, что чем ниже уровень жизни, тем больше женщин должны выполнять определенную работу независимо от того, как это влияет на воспроизводство населения. Например, недостаточно известен факт, что в начале XIX века работа, выполняемая многими француженками для того, чтобы накормить свои семьи, существенно увеличила процент детской смертности.

Как показал в своей работе Зусман (Sussman, 1982), французские города быстро росли за счет стремительного притока сельского населения. Так как темпы индустриализации были невелики, плата за жилье в связи с этим высока, а доходы рабочего класса малы, то женщины должны были много работать, что-

бы семья была производственной ячейкой. Поскольку безопасные методы искусственного кормления младенцев еще не были изобретены, широко распространилась практика приглашения кормилицы. Рабочие семьи последовали в этом за аристократией, которая начала эту практику на столетие раньше, но по другим причинам. В начале XIX в. большинство лионских младенцев отдавали кормилицам (Garden, 1975), и только один из 30 парижских младенцев вскармливался родной матерью (Sussman, 1982:183). Это происходило, несмотря на то, что процент смертности среди детей, вскормленных кормилицами, был выше, чем среди вскормленных матерью. Эта практика прекратилась только тогда, когда производство текстиля в домашних условиях стало невыгодным.

Третий принцип моей гендерной теории проистекает из общей теории стратификации: в любом обществе наибольшие власть и престиж принадлежат людям, контролирующим распределение материальных ценностей за пределами семьи. В первобытных обществах это были охотники, в сельскохозяйственных — воинская знать, а в индустриальных — верхушка политической, экономической и военной бюрократии.

Вместе эти три принципа составляют теорию, объясняющую, как экологические условия и использование орудий труда во взаимосвязи с рождением и вскармливанием детей формируют гендерную стратификацию в пяти из десяти основных типов обществ, рассмотренных Ленски в своей работе (Lenski, 1970). Самый ранний тип основывался на охоте и собирательстве. Человеческий вид с момента своего появления жил именно в таких обществах. Этот период сравнительно универсальной технологии жизни закончился где-то между 10 000 и 12 000 лет назад (Lenski & Lenski, 1982:87). Культуры мотыжного земледелия появились на Ближнем Востоке около 9 000 лет назад, пашенное земледелие — около 5 000 лет назад, а между этими двумя типами были еще и скотоводческие общества. Наиболее современный тип общества основан на промышленных технологиях.

В первобытных обществах орудиями труда являлись деревянные копья, камни и, собственно, руки человека. Поскольку добыть много пищи таким образом было трудно, люди жили небольшими группами, в среднем около 50 человек. Уровень равенства был высок: малая добыча уравнивала распределение власти и привилегий. Мужчины охотились на крупного зверя, женщины и дети собирали орехи, ягоды, насекомых, иногда убивали мелких животных. Обычно женщина была способна собрать необходимое количество орехов и ягод только для своей

семьи. Охотники, наоборот, распределяли мясо крупного зверя внутри целой группы. Тем самым мужчины имели больше власти и престижа, чем женщины. Их доминирование было наибольшим, когда охота была единственным источником питания, как у эскимосов. Мужчины и женщины были более равноправны, когда оба пола вносили свой вклад в поддержание семьи (Friedl, 1975:32).

Полигамия, хотя и допускалась в большинстве таких обществ, встречалась редко. Еды было слишком мало, чтобы охотник мог обеспечить несколько семей. Развод являлся обыденным делом, так как на жизнеобеспечение детей и супругов он практически не влиял. Добрачные сексуальные отношения тоже считались нормальным явлением.

Почему не охотились женщины? Они ведь вполне могли овладеть мастерством охотника. Успех в охоте больше зависел от взаимодействия, терпения и проворства, чем от грубой силы. Однако охота шла вразрез со вскармливанием ребенка. Охотнику требуется неопределенное время провести вне дома. Чтобы компенсировать высокий уровень смертности, большую часть своей жизни женщины либо были беременны, либо кормили грудью новорожденных. Детей не отрывали от груди лет до четырех, что повышало их шанс выжить. Во время же охоты женщина не могла носить с собой грудного младенца, равно как не могла для этого вернуться в свой лагерь. Тем самым потребность в воспроизводстве населения окончательно исключила женщин из деятельности, дававшей власть и престиж.

Что заставило людей переключиться на земледелие как основу жизнеобеспечения? Герхард и Жан Ленски в своей работе (Lenski & Lenski, 1982:135) отмечают: до недавнего времени считалось, что причиной стало осознание древними людьми преимуществ более совершенных технологий. Однако новые находки свидетельствуют, что между 22 000 и 7 000 лет назад численность крупных животных снизилась, а следовательно, изменился рацион человека. К примеру, в Северной Америке вымерло 32 вида крупных животных, включая лошадей, крупных бизонов, туров, слонов, верблюдов и крупных грызунов. Схожая модель наблюдалась и в Северной Европе, где исчезли мамонты, носороги, степные бизоны и гигантские лоси. Соответственно в этом регионе люди перешли в большей мере на рыбу, крабов, птицу, улиток, орехи, дикие зерновые и бобовые культуры. Причиной изменений могло стать и значительное улучшение качества оружия по сравнению с 20 000-летней давностью. Увеличение добычи крупных животных, в свою очередь, привело к

росту населения, которое опять же нуждалось в пище. Вследствие этого, а также климатических изменений уровень воспроизводства крупных млекопитающих стал сильно отставать от уровня их добычи. Виды истреблялись один за другим. Последовавшая за этим нехватка пищи вынудила людей перейти на более оседлый образ жизни в тех регионах, где было возможно приручение животных и выращивание растений. Несмотря на большее количество вложенного труда, земледелие получило распространение ввиду увеличившегося количества получаемых продуктов с единицы земли.

Примитивные мотыжные культуры появились на стыке Евразии с Африкой около 9 000 лет назад. Основным орудием труда была деревянная палка наподобие мотыги, которая не могла вырывать сорняки и качественно пропахивать почву. Как следствие, группам людей приходилось каждые несколько лет сниматься с места в поисках плодородной земли. Охота, скотоводство и сбор даров земли в различных пропорциях дополняли питание. Тем не менее мотыга позволяла производить больше пищи, поэтому группы стали насчитывать в среднем около 95 человек (Lenski & Lenski, 1982:91). В настоящее время такие общества сохранились только на островах Тихого океана и кое-где в Новом Свете.

Более развитые мотыжные культуры появились около 6 000 лет назад в связи с изобретением металлургии и появлением металлических инструментов и орудий. Такие общества сформировались в Северной и Южной Америке (ацтеки, майя, инки), Азии и Европе; сегодня такие культуры сохранились на юге Сахары в Африке, где находятся в переходном состоянии (Robertson, 1984). Металлические орудия труда оказались настолько эффективны, что численность этих обществ увеличилась в 60 раз из-за значительного увеличения количества пищи.

Итак, появление мотыг, особенно с металлическими наконечниками, ознаменовало начало современной социальной стратификации. Мотыга дала возможность людям селиться в одном месте и тем самым накапливать большее количество запасов. Жилища приобрели более основательный вид, поселения стали расширяться, уплотняться, а создание стабильных экономических излишков сделало более распространенной специализацию в сфере занятий, что, в свою очередь, привело к социальному неравенству. Системы родственных отношений, лежавшие в основе социальных связей, значительно усложнились. Поскольку металлическое оружие было более эффективным, впервые за все существование человечества война стала выгодной альтернати-

вой технологическим инновациям как средству увеличения прибавочного продукта.

В контексте нашей темы наиболее важным аспектом технологий первобытных обществ является тот факт, что женщины в среднем производили половину пищи, тем самым обладая половиной власти (Blumberg, 1984:29). Уход за небольшим участком земли легко совмещался с беременностью и лактацией. Однако простое разделение труда, где мужчины производили один вид пищи, а женщины — другой, отсутствовало так же, как и единая модель, где женщины занимались одной работой, а мужчины — другой, если не считать того, что обычная «готовка» является уделом женщин, а металлургия — мужским занятием. В примитивных мотыжных культурах мужчины монополизировали расчистку земель под пашню, а в более продвинутых — ведение войны (Friedl, 1975:53–60), приобретая тем самым преимущество над женщинами в праве распределения материальных благ за пределами семьи.

Можно было бы ожидать, что существенный вклад женщин в производство продовольствия улучшал их положение относительно мужчин. Действительно, есть данные, что случаи ведения генеалогии по материнской линии (матрилинейность) и перехода новобрачных в семью матери (матрилокальность) были более распространены в обществах с мотыжной культурой, хотя только в немногих из них. Статус женщины снижается, когда она, выйдя замуж, становится изолированной от своих близких и не обладает авторитетом в многочисленной семье мужа (Mason, 1984:72).

Вклад женщин в производство продовольствия также влияет на уровень разводов. В мотыжных обществах он был выше, чем в США на сегодняшний день. Высокий уровень разводов наблюдается чаще тогда, когда разрыв существенным образом не сказывается на благосостоянии детей или кого-нибудь из супругов.

Когда женщины могут прокормить своих детей, возникает явление, которое я называю «популистской полигамией» (Huber & Spitze). Ее можно наблюдать в регионе к югу от Сахары. В таком типе полигамии практически каждый член группы является женатым (замужним). Проблема численного несоответствия решается так: женщины выходят замуж рано, а мужчины в более солидном возрасте. Табу на сексуальные отношения сразу после рождения ребенка приводит к снижению детской смертности, так как интервалы между рождением детей увеличиваются. Эта система служит мужскому геронтократическому контролю, когда правящие группы, сформированные на основании таких



критериев, как пол, возраст и происхождение, присваивают результаты женского труда и используют женскую сексуальность (Lesthaeghe, 1980:531). В то же время потребность в женском производительном труде оставляет женщинам некоторую свободу передвижения.

Общества, живущие за счет скотоводства, существовали там, где горный ландшафт, засухи или короткий теплый сезон превращали возделывание земли в бессмысленное занятие, как это было, к примеру, в Средней Азии и на Ближнем Востоке. Роли, нормы и идеологии, выработанные в этих обществах, представляют особую значимость, так как иудейская, христианская и мусульманская религии возникли именно там; их верования и нормы повлияли на общества по всему миру. Потребность в воде и пастбищах сделала войну важным средством приобретения дохода и позволила элите контролировать политическую и экономическую сферы. Поскольку и ведение войны, и скотоводство подразумевают отрыв от дома на долгое время, они несовместимы с беременностью и уходом за ребенком, и поэтому женщины в недостаточной степени имеют доступ к производству пищи. В этих условиях стала практиковаться элитарная полигамия: только богатые имели право обладать несколькими женами (Huber & Spitze). В отличие от африканок региона южнее Сахары женщины в системе элитарной полигамии подвергались значительным ограничениям: они могли общаться лишь с другими женами и их детьми — привычная картина в большей части арабского мира.

Культуры пашенного земледелия особенно важны для нашего анализа, поскольку именно они предшествовали обществам, позже появившимся в Европе и Азии. Законы, традиции и верования, руководившие поведением мужчин и женщин во всех индустриальных обществах, были унаследованы напрямую со времен царств и империй Евразии эпохи пашенного земледелия.

Самые первые плуги делались из дерева. После изобретения простейшего способа плавки металла плуг приобрел железный лемех, существенно повысивший его эффективность. Результаты превзошли все ожидания. Плуг стал куда глубже и качественней, по сравнению с мотыгой, обрабатывать почву, выводя питательные вещества для растений в верхний слой и уничтожая сорняки. Он способствовал одомашниванию диких животных. Заключение быков в стойла привело, в свою очередь, к удобрению полей, что позволило еще больше увеличить урожайность. Евразийские модели стратификации приняли форму пирамиды, которая характеризовала феодальные общества в целом: крошечная политическая и экономическая элита, ниже —

ремесленники и сонмы простого люда: крестьяне, крепостные и рабы. Эффект от изобретения плуга для жизни простых людей был разрушительным. Возможность получения с помощью железных орудий значительного прибавочного продукта соблазнила элиту на все большую эксплуатацию крестьян. Чем ровнее и плодородней была земля, тем хуже жил простой люд; возможно, даже хуже, чем их далекие предки, занимавшиеся охотой и собирательством (Lenski & Lenski, 1978: 206).

Плуг оказал огромное влияние на модели гендерной стратификации по двум причинам. Во-первых, где бы он ни появлялся, мужчины монополизировали его использование так же, как сегодня в Африке (Boserup, 1970). Большие поля на значительном расстоянии от дома плохо совместимы с практикой грудного вскармливания (Blumberg, 1978: 50). Поэтому в культурах пашенного земледелия женщины приносили гораздо меньше материальных плодов, чем в мотыжных культурах (Giele & Smock, 1977).

Однако влияние плуга на статус женщин проявилось куда значительнее, чем просто в снижении доли участия женщин в производстве пищи. Использование плуга требовало особой модели наследования, что, в свою очередь, влияло на брак и сексуальное поведение. Землевладение стало основой для социальной стратификации. Плуг сделал землю главной формой богатства, поскольку он дал возможность пользоваться ею сколь угодно долго, тем самым повысив ее ценность. Людям, жившим в эпоху мотыжной культуры, наоборот, приходилось сниматься с места, когда земля переставала быть плодородной.

В отличие от золотых и серебряных безделушек, бус или денег земля становится объектом безраздельного наследования. На тот момент технологии позволяли прокормить за счет участка земли только определенное количество людей, а поэтому появилась необходимость контролировать количество наследников. Главной формой брака стала моногамия, поскольку при полигамии число законных наследников возрастает бесконтрольно. Развод стал труден или невозможен ввиду того, что повторные моногамные браки менее эффективно регулировали количество законных наследников, чем брак, длящийся всю жизнь. Чтобы собственность мужа не ушла к чужим детям, женское добрачное и замужнее поведение должно было регулироваться законом и соответствовать традициям. Зажиточные евразийцы, как следствие, практиковали полигамию, держа дома служанок и любовниц, чьи дети в лучшем случае имели бы минимальные шансы на наследство. Забота о женской непорочности проистекает из их статуса «передатчиков» мужской собственности (Goody,

1976: 97, 15). По сей день не вызывает нареканий глубокий анализ Фридриха Энгельса влияния частной собственности на статус женщин.

На женщин в азиатских королевствах периода пашенного земледелия налагались жестокие ограничения, такие как «бинтование ног» и сжигание жены вместе с умершим мужем. В мусульманских странах со смешанными пашенными и скотоводческими культурами наблюдалось такое явление, как клитороэктомия\*.

Традиция «бинтования ног» маленьким девочкам зародилась около тысячи лет назад, во время периода, означенного изменениями в уровне контроля за женским поведением. Существует история о том, как император был восхищен ножками танцовщицы. Перевязанные полотняной тканью, они напоминали изящные ножки современных балерин (Levy, 1966). «Оправданием» данной традиции служил тот факт, что прихрамывающая походка якобы настолько стягивала мышцы в области гениталий, что секс с женщиной с «забинтованными» ногами напоминал секс с девственницей. Западные врачи считают, что для такого утверждения нет оснований. Какова бы ни была причина, женщина с «забинтованными» ногами едва могла ходить.

Мать накладывала повязки, когда девочке было от трех до пяти лет, в зависимости от желаемого в будущем размера ступни. Считалось, что чем богаче была семья девочки, тем меньший объем работы она может выполнять и тем меньшей может быть ступня. Богатые женщины были настолько искалечены, что вообще не могли ходить. Причиной боли было подгибание четырех меньших пальцев под ступню — со временем повязки затягивались, пальцы ломались и впоследствии атрофировались.

Эта традиция была широко распространена в Китае (Gamble, 1943), особенно в более холодных и сухих регионах Севера, где основной урожай приносила пшеница. На юге, где главной культурой являлся рис, требовавший гораздо большей интенсивности труда, вся семья работала на рисовых полях: искалеченным девушкам и женщинам здесь делать было нечего. С самого начала индустриального периода жизни общества усилилось противостояние этой традиции. «Бинтование ног» было запрещено законом в 1911 г.

Индустриальная традиция «сатти» требовала, чтобы жена была сожжена заживо вместе с умершим мужем на погребальном ко-

\* Эти утверждения следуют за мнением Хубер и Шпитце в работах от 1983 г. Подробно «бинтование ног» рассматривается в работе Андреа Дворкин «Гиноцид, или китайское бинтование ног».

стре. Некоторые вдовы шли на это сознательно, других же приходилось привязывать. Оправдание таково: вдова, совершившая грехи в прошлой жизни, стала причиной смерти мужа. Ее смерть также давала родственникам мужа мужского пола неограниченную власть над детьми и предотвращала претензии вдовы на наследство. Такие случаи происходили реже, чем обряды «бинтования ног», поскольку здесь под угрозой оказывались лишь богатые женщины.

Клитороэктомия была распространена в Египте, Йемене, Эфиопии, Сомали, Судане, Кении и в мусульманских странах Западной Африки (Nosken, 1979; El Saadawi, 1982) и имела целью «защиту» репутации дочерей как целомудренных девушек (Paige, 1982). Ее часто называют женским обрезанием, однако данное выражение является просто эвфемизмом, поскольку, проводя параллели, можно было бы говорить о полном удалении пениса. Эта операция является чрезвычайно болезненной и производится еще до наступления половой зрелости. Ее цель — в лишении женщины возможности получать сексуальное наслаждение, облегчив ей сохранение целомудрия. Согласно весьма распространенному мнению, женщины настолько похотливы по своей природе, что сохранение целомудрия для них практически невозможно.

Эта операция бывает трех видов. В традиционном обрезании удаляются крайняя плоть клитора и его верхняя часть. Второй вид подразумевает удаление всего клитора. Третий вид имеет название инфибуляция, или закрепление. Она включает в себя удаление клитора и значительной части половых губ. Две стороны вульвы частично срезаются или соскребаются, а затем сшиваются, чтобы вход во влагалище был узок и впоследствии из него могла выходить только моча и менструальная кровь. Основными негативными последствиями этой операции являются кровотечение, шоковое состояние и заражение крови. А далее надолго добавляются нарушение мочеиспускания из-за хронических инфекций, а также трудности при половых актах и деторождении.

Насколько мне известно, европейские женщины эпохи пашенного земледелия не сталкивались с такими жестокими ограничениями или же это не касалось стольких женщин. Но если нет, то почему? Антрополог Джек Гуди (Jack Goody, 1983) в одной недавней работе отмечал, что европейская женщина в то время имела большую свободу, чем женщины в других регионах мира, причиной чему неожиданно стала политика Римской католической церкви, направленная на обогащение. Церковь пы-

талась влиять на модели наследования путем введения контроля над браком и законностью детей. После 325 г. до нашей эры был введен ряд мер, ограничивающих количество близких родственников, что увеличивало шанс убедить оставшихся завещать землю церкви. Церковь поощряла целибат, запретила браки с двоюродными братьями (сестрами) и усыновление (оба эти явления были широко распространены в библейские и римские времена), осудила полигамию и развод, а также стала крайне негативно относиться к повторным бракам. Церковь также настаивала на важности взаимного согласия на брак как залого стабильной матримонической жизни. Это уменьшило количество ранних браков, а также браков в интересах семьи. Более того, в отличие от китайских или индийских женщин европейки вообще могли отказаться от брака, уйдя в монастырь, тем самым церковь получила контроль и над их имуществом.

Такие меры, безусловно, давали европейским женщинам по сравнению с азиатскими большую свободу уже более чем за тысячелетие до промышленной революции. По сути дела, такая относительная свобода должна была сделать европейскую женщину более приспособленной к новым условиям и научить пользоваться новыми возможностями. Было бы забавно, если бы однажды историки обнаружили, что развитие капитализма в Европе стимулировалось скорее моралью католической церкви, позволявшей женщинам некоторый контроль над собственностью, чем протестантской этикой. В XIX веке индустриализация положила конец эпохе пашенного земледелия в Европе. Основным событием стало изобретение машин, изготовлявших дешевую хлопковую ткань. Стремительные темпы в разработке машин, призванных заменить труд человека, стимулировали цепочку событий, значительно изменивших работу, которую делали мужчины и женщины. С течением времени изменения в поведении привели к изменениям во взглядах людей.

Сначала изменилось мужское поведение на работе. Заводская система превратила бывших крестьян, крепостных и рабов в наемных городских рабочих, тем самым положив начало ряду движений мужчин за получение справедливой доли растущего прибавочного продукта. Эти движения стали ответом мужчин на изменения, внесенные в их жизнь индустриализацией. Однако историки не считают такие движения мужскими. Они пишут о социалистических и рабочих движениях, охвативших Европу в XIX веке, не учитывая, что роль женщин в них была невелика. Массовые движения, представлявшие профессиональные интересы женщин, могли появиться только тогда, когда последние

вышли на рынок труда. Это не могло произойти до тех пор, пока три тенденции, порожденные индустриализацией, коренным образом не изменили условия их жизни: первыми двумя были снижение уровня смертности и распространение повсеместной грамотности. Данные две вехи предшествовали третьей: снижению рождаемости. Только после этого были подготовлены условия для значительного увеличения количества замужних женщин в составе рабочей силы.

Смертность, в основном детская, снизилась вследствие улучшения питания, меньшей подверженности заболеваниям и (в XX веке) усовершенствования медицинских мер (Collins, 1982). Снижение уровня смертности привело к падению уровня рождаемости, требуемого для обеспечения воспроизводства населения. Затем, в 1910, изобретение пастеризации молока дало возможность безопасного кормления из бутылочки: впервые в истории человечества искусственно вскормленные дети имели тот же шанс выжить, что и дети, вскормленные материнским молоком. Теперь необходимость в воспроизводстве населения накладывает лишь некоторые ограничения на женский труд.

В большинстве западных стран образование стало обязательным к 1880 г. Как отметил в своей работе Дж. Колдвелл (John Caldwell, 1980), образование реструктуризирует семейные отношения путем изменения основных источников благосостояния и тем самым оказывает значительное влияние на уровень рождаемости. В доиндустриальных обществах дети становились источником дохода. Массовое образование меняет направление этих потоков: возможности детей трудоустроиться вне дома уменьшаются. Когда дети не могут зарабатывать, то стоимость их воспитания существенно увеличивается из-за стоимости образования. Школы выдвигают косвенные требования к семьям. Внешний вид детей должен позволить им на равных участвовать в образовательном процессе. Кроме того, школьное образование ускоряет культурный обмен путем замещения локальных и семейных ценностей ценностями западного среднего класса. Основная цель школьного образования не отражена в учебниках — она предполагается. Школа разрушает корпоративность семьи ради наиболее незащищенных и покорных ее членов — детей и женщин (Caldwell, 1980: 241). Школьное образование ведет к тому, что родители более не могут распоряжаться трудом детей (Lesthaeghe, 1980).

Снижение уровня рождаемости было катализировано снижением смертности, распространением массового образования и быстрым экономическим ростом. Стремительное увеличение ре-

ального дохода — на Западе он вырос вдвое в период с 1860 по 1910 г. — придавало людям вдохновение и открывало новые возможности, создавая впечатление уменьшения экономической незащищенности. Уверенность в этом, в свою очередь, позволила каждому конкретному человеку быть более независимым. Однозначным результатом этого стало изменение в предпочтениях людей. Поскольку новый круг предпочтений требовал узаконивания, периоды экономического роста также порождали различные движения сторонников эмансипации (Lesthaeghe, 1983: 430).

Рождаемость снизилась от семи до трех детей в семье с помощью методов, требовавших значительной самодисциплины и смелости: воздержание, прерванный половой акт и аборты стали главными способами контроля воспроизводства во всех индустриальных обществах, пока женщины не овладели другими способами регулирования рождаемости (Mohr, 1978). Это снижение произошло вопреки многочисленным возражениям со стороны церкви и государства. Когда у людей появляются мотивы к снижению рождаемости, они находят для этого способы.

С самого начала индустриального периода женщины работали по найму, но такая типичная работница была либо молодой и незамужней, либо бедной. Молодые женщины, которые не собираются работать на постоянной основе, вряд ли думают о дискриминации. Более того, у бедных и молодых женщин отсутствуют политические цели. Для их осознания необходимо участие в движении образованных женщин, намеревающихся работать всю жизнь. Множество таких женщин влилось в рабочую силу после 1950 г. в ответ на огромную потребность в женском труде (Blau & Ferber, 1986), и размеры их участия до сих пор растут (Mott, 1982). Хотя большинство женщин работают на чисто женских работах (Rytina & Bianchi, 1984), разница в заработной плате начинает уменьшаться. Поколение тому назад большинство мужчин с образованием работали, а большинство таких же женщин были домохозяйками. Эта модель меняется: чем выше уровень образования женщины, тем больше у нее шансов получить работу. Сейчас ожидается, что к концу века зарплата молодых женщин будет увеличиваться на 15% быстрее, чем у молодых мужчин (Smith & Ward, 1984).

В итоге эти тенденции необратимо изменили системы социальной стратификации культур пашенного земледелия. Падение уровней смертности и рождаемости снизило количество времени, которое средняя работающая женщина проводит вне рабочего места в период беременности или вскармливания ребенка. Улучшение образования и повышение уровня занятости дало

возможность женщинам обеспечивать весомую долю общесемейного дохода. Благодаря этим тенденциям самореализация, достижение личных целей стали центральными в западных системах ценностей (Lesthaeghe, 1983:429). Идеология равных возможностей, преобладающая во всех современных обществах, наконец-то применима и к женщинам.

До сих пор не выяснен вопрос, каково количество женщин, работающих на руководящих постах и контролирующих распределение ценностей вне семьи. Результат будет зависеть от распределения обязанностей в семье. Домашняя работа для гендерной стратификации есть то же самое, что для классовой — рынок. Женщины до тех пор не обретут равенства с мужчинами, пока наиболее одаренные из них не смогут надеяться на реализацию своего таланта с такой же долей уверенности, как и мужчины.

На данный момент внутрисемейное разделение труда почти не изменилось, но я могу предсказать значительные трансформации в этой области. Они будут основываться на американском представлении о равноправии. Пару поколений назад мужчины не желали, чтобы их жены работали вне дома, поскольку им было что делать в семье. Сегодняшним мужчинам нравится, чтобы жены тоже зарабатывали. Это изменение дает женам рычаг давления внутри семьи.

Побудительные мотивы к разделению внутрисемейной работы сильнее у высокооплачиваемых врачей, юристов и преуспевающих бизнесменов, которые женаты соответственно на таких же докторках, юристах и предпринимателях. Люди с грандиозными проектами в голове и горами бумажной работы находят некоторое расслабление в мытье полов, уборке за собакой и приготовлении пищи, содержащей все 4 основные компонента питания. Работа по дому способна даже улучшать психическое здоровье. Росс (Ross, 1983) отметил, что чем больше супруги разделяют обязанности по дому, тем ниже вероятность депрессии. Домашняя работа, возможно, даже положительно сказывается на продолжительности жизни женщин: различные виды физической активности снижают уровень холестерина, очищают артерии, улучшают деятельность сердца. Поскольку, как следует из вышесказанного, работа по дому является прекрасным физическим упражнением, не следует ли ее разделить поровну?

### Литература



- Blumberg, R. L. 1978. *Stratification: Socioeconomic and sexual inequality*. Dubuque: William C. Brown.
- Blumberg, R. L. 1984. *A gender theory of gender stratification*. In R. Collins, ed., *Sociological theory*. San Francisco: Jossey-Bass.
- Bose, C., & Rossi, P. 1983. «Gender and jobs: Prestige standings of occupations and gender». *American Journal of Sociology* 48:316–330.
- Boserup, E. 1970. *Women's role in economic development*. London: George Allen & Unwin.
- Caldwell, J. 1980. «Mass education as a determinant of fertility decline timing». *Population and Development Review* 6:225–256.
- Chafetz, J. S. 1984. *Sex and advantage*. Towntowa, N. J.: Rowman & Allenheld.
- Childe, G. 1951. *Man makes himself*. New York: Mentor.
- Collins, J. 1982. «The contribution of modern medicine to mortality decline». *Demography* 19:409–427.
- Crompton, R. 1986. «Women and 'service class'». In R. Crompton and M. Mann, eds., *Gender stratification*. Oxford: Polity Press.
- Duncan, O. D. 1964. «Social organization and the ecosystem». In R. E. L. Faris, ed., *Handbook of modern sociology*. Chicago: Rand McNally.
- El Saadawi, N. 1982. *The hidden face of Eve*. Boston: Beacon Press.
- Friedl, E. 1975. *Women and men: An anthropologist's view*. New York: Holt, Rinehart & Winston.
- Gamble, S. 1943. «The disappearance of footbinding in Tingshsien». *American Journal of Sociology* 49:181–183.
- Garden, M. 1975. *Lyon et les lyonnais au XVIIIe siècle*. Paris: Flammarion.
- Giele, J. Z., & Smock, A. C. 1977. *Women: Roles and status in eight countries*. New York: Wiley.
- Goldschmidt, W. 1959. *Man's way*. New York: Holt.
- Goody, J. 1976. *Production and reproduction*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Goody, J. 1982. *Cooking, cuisine, and class*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Goody, J. 1983. *The development of family and marriage in Europe*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Green, E. 1987. «Too many women?» *Chronicle of Higher Education* 28 (January 28, 1987): 27–28.
- Harris, M. 1979. *Cultural Materialism*. New York: Random House.
- Hosken, F. 1979. *The Hosken report*. Lexington, Mass.: Women's Network News.
- Huber, J. 1986. «Trends in gender stratification, 1970-1985». *Sociological Forum* 1:476–495.
- Huber, J., & Spitze, G. «Family sociology». In N. Smelser & R. Burt, eds., *The revised handbook of sociology*. Beverly Hills: Sage.
- Lenski, G. 1966. *Power and privilege*. New York: McGraw-Hill.
- Lenski, G. 1970. *Human societies*. New York: McGraw-Hill.
- Lenski, G., & Lenski, J. 1978. *Human societies*, 3<sup>rd</sup> ed. New York: McGraw-Hill.
- Lesthaeghe, R. 1980. «On the social control of reproduction». *Population and Development Review* 6:527–548.
- Lesthaeghe, R. 1983. «A century of demographic and cultural change in Western Europe». *Population and Development Review* 9:411–435.
- Levi, H. 1966. *Chinese footbinding*. New York: Walton Rawls.
- Mason, K. 1984. *The status of women: A review of its relationships to fertility and morality*. New York: Rockefeller Foundation.
- Mohr, J. 1978. *Abortion in America*. New York: Oxford University Press.
- Mott, F. 1982. *The employment revolution*. Cambridge: MIT Press.
- Paige, K. 1982. «Patterns of excision and excision rationale in Egypt». Mimeo. University of California at Davis.
- Robertson, C. 1984. *Sharing the same bowl: A history of women and class in Accra, Ghana*.

Bloomington: Indiana University Pres.

Ross, C., Mirowsky, J., & Huber, J. 1983. «Marriage patterns and depression». *American Review* 48:809–823.

Rytina, N., & Bianchi, S. 1984. «Occupational reclassification and changes in distribution by gender». *Monthly Labor Review* 107:11–17.

Smith, J., & Ward, M. 1984. *Women's wages and work in the twentieth century*. Santa Monica: Rand corporation.

Sussman, G. 1982. *Selling mothers' milk: The wet-nursing business in France 1715–1914*. Urbana: University of Illinois Press.

Перевод И. Караичевой выполнен по:

Joan Huber, "A Theory of Gender Stratification", in *Feminist Frontiers III* (Laurel Richardson, Verta Taylor eds.). New York: McGraw-Hill, 1993, p. 131–140.

## Гейл Рубин

«Обмен женщинами» Гейл Рубин – не просто классика гендерной теории. Это, несомненно, один из «сакральных» текстов феминизма, соединивший психоанализ с антропологией (ниже публикуется «антропологическая» часть работы) в трактовке оппозиции природы и культуры. Что может быть более естественным, чем сексуальность, – такова общепринятая точка зрения. Что может быть более культурно сконструированным, чем сексуальность? – сомневается Гейл Рубин. Свои выводы она строит на основе данных антропологии, о которой один из самых известных ее представителей Бронислав Малиновски сказал, что «антропология – это наука о том, как мужчина обнимает женщину». Это краткое и ироничное определение уже содержит в себе культурно сконструированное представление о мужской сексуальной активности и женской пассивности.

## ОБМЕН ЖЕНЩИНАМИ: заметки по политэкономии пола

### *Система родства*

*(о роли сексуальности в превращении обезьяны в человека)*

Для антрополога система родства – не просто перечисление биологических родственников, а структура категорий и статусов, которые часто входят в противоречие с генетическим родством. Существуют десятки случаев, когда социально определяемый статус родства берет верх над биологией. Примером тому служит обычай племени нуэр, называемый «женским браком». Нуэрцы считают отцом человека, который дает за невесту выкуп в виде скота. Тем самым женщина может сочетаться браком с другой женщиной и быть ее мужем, отцом ее детей, невзирая на факт, что они были зачаты не от нее (Evans-Pritchard, 1951:107–109).

До появления государства родство служило упорядочиванию общественных отношений, способом организации экономической, политической, обрядовой, а также сексуальной деятельности человека. Права, обязанности и привилегии по отношению к другим определялись в терминах взаимного родства или отсут-

Определяя, вслед за Моссом и Леви-Строссом, смысл обмена подарками в установлении социальной связи, а логику системы родства в упорядочении общественных отношений в примитивных обществах, Гейл Рубин заявляет, что брак является наиболее важной первобытной формой обмена подарками, а женщина – наиболее ценным даром. Тогда становится понятным запрет на инцест – универсальный по сути для различных культур, но варьирующийся содержательно. Его целью является превращение биологических явлений секса и воспроизводства в социальные акты посредством деления мира сексуального выбора на запрещенных и разрешенных сексуальных партнеров. Запрет на сексуальное использование дочери или сестры – это правило, вынуждающее отдавать их другим (в языке сохранилось: «отдать замуж», «взять замуж»), в результате чего между семьями устанавливается социальная (родственная) связь.

Если женщина является предметом первобытной сделки (даже выходя замуж по любви, она тем самым все равно реализует ее), то тогда она просто канал родственной связи, а не равноценный партнер в тех социальных отношениях, которые устанавливаются таким образом между мужчинами. Женщины не владеют женщинами так, как ими владеют мужчины, и социальный пол представляет собой форму социального разделения, связанного с разными возможностями. Но, следуя далее логике рассуждений, если «обмен женщинами» – это предпосылка возникновения культуры, то доминирование мужчин и угнетение женщин должны быть условиями существования культуры. Каждый, задумавший изменить положение вещей, должен понимать, что речь идет о глобальной культурной деконструкции. Согласимся с тем, что мы не знаем, могла ли культура «начаться» по-другому и какой бы она была; Гейл

ствия такового. Обмен товарами и услугами, производство и распределение, военные действия и сплоченность людей, ритуалы и обряды – все находилось в рамках организационной структуры родства. Повсеместное распространение и адаптивность родства дали повод многим антропологам рассматривать его зарождение наравне с теми событиями, которые окончательно отграничили человека от человекообразной обезьяны и гуманоидов (Sahlins, 1960; Livingstone, 1969; Levi-Strauss, 1969).

В то время как идея родства наслаждается статусом первостепенного принципа антропологии, сами разработки систем родства издавна находятся в центре внимания по причине их существенных расхождений. Они содержат множество способных сбить с толку правил относительно того, кто может или, наоборот, не может вступить в брак. Их внутренняя сложность поражает. Системы родства десятилетиями провоцировали воображение антропологов, пытавшихся понять смысл табу на инцест, браки между кузенами, правила ведения родословной, правила уклонения от интимной связи или принуждения к ее началу, кланы и группировки, табу на имена, то есть широкий спектр явлений, присутствующих при описании реальных систем родства. В девятнадцатом веке несколько мыслителей предприняли попытку написания обширных работ о природе и истории сис-

Рубин полагает, что культура «изобретательна»...

Движение в глубь лабиринта приносит новые открытия. Леви-Стросс полагает, что половое разделение труда не является специализацией по биологическому признаку, а имеет целью обеспечение жизнеспособного экономического союза мужчины и женщины. Человеческое поведение и, в частности, сексуальность сформированы культурой для отражения их дополняющей и функциональной взаимосвязи. Брачный союз основан на различии и взаимоисключении, а его предпосылкой является гетеросексуальность, которая конструируется культурно, добавляет Гейл Рубин. Если бы она была результатом биологии и гормонов, разве нужно было бы подстраховывать ее при помощи статей (теперь снятых) уголовного кодекса о наказании за гомосексуализм? Гейл Рубин выводит патриархальный

гендер из биологического пола, отмечая, что гендер – это не просто идентификация человека с полом: он предполагает, что сексуальное желание должно быть направлено на противоположный пол. Очевидно, наше общество столь враждебно по отношению к гомосексуальности именно потому, что в основе всей культуры, всей социальной иерархии лежит табу на одинаковость мужчины и женщины, подавляющее в них обоих любое естественное сходство. Одинаковость неизбежно ведет к деконструкции нынешнего социального порядка. Чтобы избежать ее, культура трансформирует биологический пол и превращает его в гендер и культурные конструкты мужественности и женственности. Кульминация этого процесса – делегирование женщин в домашнюю сферу к «естественным» функциям.

---

тем, основанных на сексуальных отношениях людей (см. Фее, 1973). Одной из таких работ стало «Древнее общество» Льюиса Генри Моргана. Именно эта книга вдохновила Энгельса на написание «Происхождения семьи, частной собственности и государства». Теория Энгельса базируется на сведениях Моргана о родстве и браке.

Разрабатывая энгельсовскую теорию, где половое угнетение выводится из учения о родстве, мы опираемся на более зрелую, по сравнению с XIX веком, этнологию. У нас также есть своеобразная и, что особенно важно, полностью подходящая к данной теме книга Леви-Стросса «Основные структуры родства». Это самая смелая версия нашего века, касающаяся попыток мыслителей прошлого столетия объяснить природу человеческого брака. В ней родство рассматривается как наложение культурной организации на биологическое воспроизводство. Книга проникнута осознанием значимости сексуальности в человеческом обществе; она не принимает абстрактного бесполого индивида. Напротив, человеческий субъект в данной работе всегда либо мужчина, либо женщина, и, таким образом, можно легко проследить расхождение социальных судеб обоих полов.

*«Отвратительный и драгоценный товар»*

Моника Виттиг

«Основные структуры родства» являются «знаковой книгой» происхождения и природы человеческого общества. Это трактат о системах родства, охватывающий примерно треть описанного этнографами мира. Говоря более фундаментально, это попытка вычленить структурные основы родства. По утверждению Леви-Стросса, применение принципов, выведенных в последней главе его книги, к концепции родства вскрывает логику табу и правил брака, которые озадачивали и мистифицировали западных антропологов. Он создает сеть правил такой сложности, что изложить их в этой работе было бы затруднительно, но две составляющие этих правил — «дар» и запрет на инцест — особенно затрагивают женщин и вносят весомый вклад в концепцию автора об обмене ими.

«Основные структуры родства» — это отчасти несомненный ответ другой известной теории примитивной социальной организации «Эссе о даре» Мосса (см. также Sahlins, 1972, гл. 4). Именно Мосс первым создал теорию, касающуюся одной из наиболее поразительных черт первобытных обществ: первостепенную важность в социальных взаимоотношениях дарения, получения и обмена подарками. В такого рода обществах в обмене задействовано все: пища, заклинания, ритуалы, слова, имена, украшения, орудия труда и даже власть.

«Твоя собственная мать, твоя собственная сестра, твои свиньи, твой собственный ямс, который ты сложил в кучу, — ты не можешь его есть; ты можешь есть матерей других людей, сестер других людей, их свиней и батат» (Arapesh, cited in Levi-Strauss, 1969: 27).

В типичном обмене подарками ни одна из сторон ничего не выигрывает. На Тробриандских островах каждая семья имеет свои посадки ямса и каждая семья питается ямсом. Однако выращенный ямс и потребляемый ямс отличаются. Собрав урожай, человек должен отдать его в хозяйство сестры, а его семья ест ямс, выращенный на поле брата его жены (Malinowski, 1929). Поскольку данная процедура выглядит бессмысленной с точки зрения накопления материальных благ или торговли, смысл ее стоит искать в другом. Мосс предположил, что значимость процесса дарения лежит в нем самом, т. е. в выражении, поддержании или создании социальной связи между сторонами, участвующими в обмене. Подарок символизирует особые отношения дарения, солидарности и взаимопомощи. Человек может предло-

жить подарок как доказательство своего дружеского расположения — его принятие подразумевает готовность отплатить тем же, а также готовность к началу отношений. Обмен подарками является также идиомой конкуренции и соперничества. Существует множество примеров, когда один человек унижает другого, давая больше, чем тот может отдарить. Некоторые политические системы, такие, как система «Важного Человека» в предгорьях Новой Гвинеи, основана на неравном в материальном плане обмене. Честолюбивый «Важный Человек» стремится отдавать больше, чем может получить. Наградой ему будет рост политического престижа.

Хотя и Мосс, и Леви-Стросс подчеркивают фактор солидарности в процессе обмена подарками, другие цели данного акта только укрепляют мнение о том, что подарок повсеместно служит средством социального обмена. По предположению Мосса, подарки являются связующей нитью социального дискурса, способом поддержания единства таких обществ в отсутствие специальных государственных институтов. «Подарок является примитивным способом достижения согласия, которое в гражданском обществе обеспечивается государством... Подарок, конструируя социум, становится культурной силой» (Sahlins, 1972: 169, 175).

Леви-Стросс добавил к теории первобытной сделки идею, что брак является наиглавнейшей первобытной формой обмена подарками, а наиболее ценным даром является женщина. Он утверждает, что запрет на инцест следует трактовать как механизм, обеспечивающий существование таких обменов между семьями и группами людей. Поскольку запрет на инцест является всеобщим, но содержание варьируется, его нельзя объяснить как средство, нацеленное на предотвращение сексуальных отношений между генетически близкими людьми. Скорее данный запрет ставит целью превращение биологических явлений секса и воспроизводства в социальные акты. Запрет на инцест делит мир сексуального выбора на категории разрешенных и запрещенных сексуальных партнеров. Это особенно выражается в запрете внутригрупповых брачных союзов и поощрении обмена партнерами между группами.

«Запрет на сексуальное использование своей дочери или сестры обязывает выдавать их замуж за другого мужчину, и в то же время он устанавливает право на сестру и дочь другого мужчины... Женщина, с которой нельзя вступать в половую связь, именно по этой причине предлагается другому» (Levi-Strauss, 1969: 51).

«Запрет на инцест — не правило, которое запрещает брак с

матерью, дочерью или сестрой, а правило, обязывающее отдавать их за других. Это наивысшее правило дарения...» (Там же, 481).

Результат дарения женщин является более значительным, чем другие акты дарения, поскольку устанавливаемые отношения — не взаимность, а родство. Партнеры, участвующие в обмене, становятся родственниками, а их потомки являются кровными братьями и сестрами: «Два человека могут встретиться и в знак дружбы обменяться подарками, но в будущем поссориться и даже враждовать, а обмен брачными партнерами соединит их навсегда» (Best, cited in Levi-Strauss, 1969:481). Как и в случае обмена другими подарками, брак не является просто фактором урегулирования отношений. Брак может быть конкурентным, а родственники могут соперничать друг с другом. Тем не менее основной смысл запрета на инцест состоит в том, что он приводит к созданию обширной сети отношений определенного круга людей, чьи связи представляют собой структуру родства. Все прочие уровни, объемы и направления обмена, включая явно враждебные, вытекают из данной структуры. Этнографические описания брачных церемоний регистрируют нескончаемый организованный процесс, во время которого женщины, дети, раковины, слова, названия скота, рыбы, предки, зубы кита, свиньи, ямс, заклинания, танцы, циновки и т. д. переходят из рук в руки, оставляя при этом связывающие людей узы. Родство — это организация, а организация дает власть. Но кто кого организует?

Если именно женщины являются предметом сделки, то, следовательно, узами охватываются мужчины: и те, кто дарит, и те, кто принимает. Женщина тогда скорее канал родственной связи, а не ее равноценный партнер\*. Однако обмен женщинами не обязательно подразумевает их опредмеченность в современном смысле, поскольку вещи в первобытном мире наделяются чертами глубоко личного характера. Главным здесь является введение различия между даром и дарителем. Если женщины являются подарком, тогда мужчины суть партнеры в обменном процессе. И именно партнеры, а не подарки, участвующие в обмене, наделяются псевдомистической силой социальной свя-

\* Что, ты хотел бы жениться на сестре? Что с тобой? Ты не хочешь иметь шурина? Разве ты не понимаешь, что если ты женишься на сестре другого мужчины, а еще один мужчина женится на твоей сестре, то у тебя будут шурина и деверь, а если ты женишься на своей сестре, то у тебя вообще никого не будет? С кем ты будешь охотиться, с кем ты будешь сажать огород, с кем ты будешь встречаться? (Arapesh, cited in Levi-Strauss, 1969:485)



зи. Отношения внутри этой системы строятся таким образом, что женщины не имеют возможности осознать выгоду от своего собственного обращения. Поскольку именно мужчины обмениваются женщинами, то они и облагодетельствованы «продуктом» таких обменов — социальной организацией.

«Отношение обмена, создающее брак, устанавливается не между мужчиной и женщиной, а между двумя группами мужчин, при этом женщины фигурируют лишь в качестве одного из предметов обмена, а не в качестве партнеров... Это справедливо даже тогда, когда принимаются во внимание чувства девушки, что, более того, обычно и происходит. Уступая предлагаемому союзу, она идет на обмен и создает его, но не может изменить его природу» (Levi-Strauss, 1969:115)\*.

Чтобы вступить в процесс обмена в качестве равноценного партнера, необходимо чем-либо обладать. Если мужчины распоряжаются женщинами, то последние не могут сами дарить себя.

«Какая из женщин вообще, — размышляет юноша из племени Северная Мельпа, — может встать и сказать: «Давайте мы будем готовить моку, давайте мы найдем жен и свиней, отдадим своих дочерей замуж, давайте мы будем вести войну, давайте мы будем убивать своих врагов?» Таких точно нет, неужели не видите... они мелкие, глупые создания, которые просто сидят дома?» (Strathern, 1972:161).

Действительно, какая из женщин? Те, о ком говорит молодой человек из Мельпы, не могут иметь жен, поскольку сами являются женами, и могут получить только мужей, а это уже коренным образом меняет ситуацию. Они не могут отдать своих дочерей за мужчин, поскольку у них нет, в отличие от мужчин их рода, права их дарить (хотя есть право владеть).

«Обмен женщинами» — соблазнительная и сильная концепция. Она привлекательна тем, что помещает угнетение женщин скорее внутрь социального устройства, нежели биологии. Более того, она сосредоточивает причину полового угнетения внутри обмена женщинами, а не товарами. Безусловно, найти этнографические и исторические примеры торговли женщинами нетрудно. Их выдавали замуж, захватывали на войне, меняли на бла-

\* Данный анализ общества базируется на узах, связывающих мужчин посредством женщин, что делает понятными сепаратистские реакции женского движения. Такой сепаратизм может рассматриваться как мутация социальной структуры, как стремление сформировать социальные группы, основанные на отношениях между женщинами без посредников. Он также может рассматриваться как резкое отрицание «прав» мужчин по отношению к женщинам и как требование женщин на обладание правами на самих себя.

госклонность или отдавали как дань, наконец, ими просто торговали, покупали и продавали. Эту традицию нельзя свести только к первобытному миру: и более «цивилизованные» общества не брезговали этим, просто процесс стал более явным и приобрел большую степень коммерциализации. Конечно, продают и мужчин, но как рабов, рабочую силу, спортсменов, крепостных или обладателей других подобных катастрофических социальных статусов. Женщин продавали как рабынь, крепостных и проституток, но также, в отличие от мужчин, и просто как женщин. И если на протяжении многих столетий истории человечества мужчины выступали как субъекты сексуальных отношений, а женщины как их полуобъекты (подарки), то соответственно получают объяснения многие обычаи, клише и личностные качества (среди прочих любопытная традиция выдачи невесты замуж ее отцом).

«Обмен женщинами» является также провокационной концепцией. Поскольку Леви-Стросс утверждает, что запрет на инцест и его последствия составляет начало культуры, то отсюда можно вывести, что «поражение» женщин в историческом смысле произошло одновременно с зарождением культуры и являлось ее предпосылкой. Если принять анализ Леви-Стросса в чистом виде, то программа феминизма должна включать в себя куда более нелегкую цель, нежели истребление мужчин, а именно: попытаться ликвидировать культуру и создать вместо нее некий совершенно новый феномен на нашей планете. Однако утверждать, что если бы не было обмена женщинами, то не было бы и культуры, будет делом достаточно сомнительным, поскольку культура, по определению, предназначена изобретать и создавать. Подвергнуть сомнению можно даже тот факт, что «обмен женщинами» точно отражает всю сущность эмпирических данных системы родства. Некоторые культуры, такие, как Леле и Лума, производят обмен женщинами открыто и без стеснения. В других культурах такой обмен может быть менее явным. В некоторых культурах, особенно опирающихся на охоту и собирательство, которые исключены из примеров Леви-Стросса, применимость понятия можно поставить под вопрос. Как мы должны рассматривать понятие, которое представляется нам таким нужным, хотя и неоднозначным?

«Обмен женщинами» не является ни определением культуры, ни самодостаточной системой. Концепция представляет собой острое, но краткое объяснение аспектов отношений биологического и социального пола (гендера). Система родства является наложением социальных целей на часть природного мира и по этой причине «производством» в наиболее общем смысле это-

го слова: изменением, трансформацией объектов (в данном случае людей) ради и силами некоторой цели (такое определение «производства» см. Marx, 1971: 80–89). Эта система включает свои собственные отношения производства, распределения и обмена, подразумевающие определенные виды «собственности» на людей. Но это не эксклюзивные права собственности, а скорее разнообразие типов прав, которыми обладают одни по отношению к другим. Брачные сделки и те подарки и предметы, которые передаются при этом, дают богатый материал для ясного определения, кто на кого какое право имеет. Из этого обмена нетрудно сделать вывод: в большинстве случаев права женщин куда менее значительны прав мужчин.

Системы родства — это не только обмен женщинами, но и обмен доступом к сексуальным отношениям, генеалогическими статусами, родословными и именами, предками и правами, но главное — людьми: мужчинами, женщинами и детьми в пределах определенных социальных систем. При этом всегда права для мужчин — одни, а для женщин — другие. «Обмен женщинами» является кратчайшей формулой, описывающей социальные отношения родства, где у мужчин есть некие права по отношению к женщинам своего рода, в то время как женщины не обладают такими правами ни в отношении самих себя, ни и в отношении своих мужских родственников. В этом смысле обмен женщинами полностью описывает систему, в которой последние не имеют всех прав на самих себя. Суть обмена женщинами становится туманной, если его рассматривать как культурную необходимость или единственный инструмент для анализа той или иной системы родства.

Если полагать, что Леви-Стросс прав в своем видении фундаментального принципа родства в обмене женщинами, то более низкое положение женщин можно рассматривать как продукт отношений, посредством которых вырабатываются и упорядочиваются биологический и социальный пол (гендер). Экономическое угнетение женщин вторично и является лишь следствием вышеуказанных факторов. Однако существует «экономика» пола и гендера, и поэтому нас особенно интересует политическая экономика систем пола. Для определения точных механизмов, с помощью которых производится и «работает» каждый конкретный вид сексуальности, необходимо изучить каждое общество. «Обмен женщинами» — первый шаг на пути построения целого набора понятий, с помощью которых могут быть описаны системы пола.

*В глубь лабиринта*

В эссе «Семья» Леви-Стросс знакомит нас с другими подходами и концепциями в его анализе родства. В «Основных структурах родства» он описывает правила и системы различных форм сочетаний людей на основе секса. В «Семье» автор поднимает вопрос о предпосылках, необходимых для существования брачных систем, а также размышляет о том, какими должны быть люди в системах родства. При этом он анализирует разделение труда по половому признаку.

Хотя некоторое половое разделение труда есть в каждом обществе, конкретные функции полов существенно различаются. В одних культурах сельское хозяйство находится в ведении женщин, в других — мужчин. В одних тяжести переносят женщины, в других — мужчины. Существуют даже примеры женщин — охотников и воинов, равно как и мужчин — воспитателей детей. Леви-Стросс делает вывод, что половое разделение труда не является специализацией по биологическому признаку, а должно иметь другую цель. Этой целью является, по его утверждению, обеспечение союза мужчин и женщин через создание наименьшей жизнеспособной экономической единицы, насчитывающей, по крайней мере, одного мужчину и одну женщину.

«Бесконечная вариативность разделения труда по половому признаку в зависимости от изучаемого общества свидетельствует о... том, что само его существование необъяснимым образом требуется, при этом форма, с точки зрения любой естественной необходимости, является совершенно нерелевантной... разделение труда по половому признаку является не чем иным, как средством образовать состояние взаимозависимости между полами» (Levi-Strauss, 1971: 347–48).

Половое разделение труда может по этой причине рассматриваться как «запрет»: запрет на «одинаковость» мужчин и женщин; запрет, разделяющий полы на две взаимоисключающие категории; запрет, который усугубляет биологические различия между полами и тем самым создает гендер. Разделение труда может также рассматриваться как запрет, налагаемый на иные сексуальные отношения, чем между (по крайней мере) одним мужчиной и одной женщиной, и тем самым провоцирующий гетеросексуальный брак.

Аргументация «Семьи» ставит под сомнение всю структуру, выстроенную на основе сексуальных отношений, и ни один из аспектов «сексуальности» не расценивается как «естественный». (Херц (Hertz, 1960) создал подобную аргументацию по поводу

культурной стигматизации леворукости.) Скорее, все явные формы пола и гендера рассматриваются как социально сконструированные. С этой точки зрения, даже «Основные структуры родства» содержат некоторые установки, например: правило, которое запрещает одни браки и разрешает другие, все равно исходит из обязательности брака, что, в свою очередь, предполагает, что люди должны вступать в брак.

Достаточно любопытно провести дальнейшую логическую цепочку за пределы исследований Леви-Стросса и развить структуру, которая заложена в его анализ родства. На первом, наиболее общем уровне социальная организация сексуальных отношений основывается на гендере, обязательной гетеросексуальности и ограничении женской сексуальности.

Гендер — разделение по половому признаку, обусловленное социально. Это продукт социальных отношений в области сексуальности. Системы родства основываются на браке. Тем самым они превращают «самцов» и «самок» в «мужчин» и «женщин», каждый из которых неполон без своей «половинки». Мужчины и женщины, безусловно, различны. Но не настолько, как день и ночь, небо и земля, инь и янь, жизнь и смерть. По сути дела, если исходить из природы, то мужчины и женщины имеют больше общего друг с другом, чем кто-либо из них с чем-либо другим, например горами, кенгуру или кокосовыми пальмами. Идея, противоположная этому, должна исходить из другого исходного пункта, но не из природы. Более того, даже учитывая то, что среднее различие между мужчинами и женщинами проходит по ряду черт, диапазоны их варьирования частично перекрываются. К примеру, всегда будут женщины, превосходящие по росту многих мужчин, хотя в целом мужчины выше женщин. Однако идея, что мужчины и женщины есть взаимоисключающие друг друга категории, исходит из несуществующей в природе оппозиции\*.

Выстроенная на взаимоисключении гендерная идентичность не только не выражает естественного различия, но и подавляет любое естественное сходство двух полов. Она требует сдерживания у мужчин любого локального проявления «фемининных» черт и у женщин — «маскулинных». Разделение полов ведет к подавлению личностных черт каждого человека: и мужчин, и женщин. Социальная система, порождающая угнетение женщин в процессе обмена, ради строгого разделения по тем или иным

\* На женщине не должно быть мужской одежды, и мужчины не должны одеваться в женское платье; ибо мерзок перед Господом Богом твоим всякий, делающий сие (Второзаконие 22:5).

чертам и признакам подавляет всех: мужчин и женщин.

Более того, все люди подвергаются такой гендерной социализации, которая в конечном счете гарантирует брак. Леви-Стросс доходит в своих рассуждениях до опасной черты, за которой скрывается мысль о том, что гетеросексуальность конструируется культурой. Если бы биологические и гормональные установления были такими же мощными, как хотела бы этого популярная мифология, то едва ли было бы необходимо подстраховывать гетеросексуальные союзы средствами экономической взаимозависимости. Более того, табу на инцест априорно предполагает менее артикулированное табу на гомосексуализм. Запрет на некоторые гетеросексуальные союзы предполагает запрет на негетеросексуальные союзы. Гендер — это не просто идентификация человека с каким-либо полом, он предполагает, что сексуальное желание должно быть направлено на противоположный пол. Половое разделение труда создает два пола (гендера) — мужской и женский, и создает их гетеросексуальными. Подавление гомосексуальной составляющей сексуальности и вытекающая из него дискриминация гомосексуалистов являются, следовательно, продуктами той самой системы, правила и структура которой создают угнетение женщин.

Действительно, ситуация не так проста, и это становится очевидным при переходе от утверждений общего характера к анализу конкретных сексуальных систем. Системы родства не просто поддерживают гетеросексуальность, они требуют ее особых форм. Например, в некоторых брачных системах есть правило обязательных браков между двоюродными братьями и сестрами с разных сторон. Человек в данной системе не просто гетеросексуален, а «кузеносексуален». Если правило брака дальше требует брака между материнскими кузенами, то мы получим варианты, при которых мужчина будет «матери-брат-дочь-сексуал», а женщина — «отца-сестры-сын-сексуал».

С другой стороны, сама сложность системы родства может привести к определенным формам институализированного гомосексуализма. Во многих племенах Новой Гвинеи мужчины и женщины считаются настолько несовместимыми, что внутриутробный период развития мальчика автоматически лишает его принадлежности к «мужскому». Поскольку считается, что сила жизни мужчин кроется в семени, мальчик может преодолеть отрицательные последствия своего эмбрионального периода жизни, поедая семя, что происходит через гомосексуальный контакт с более старшим родственником (Kelly, 1974, см. также Van Baal, 1961; Williams, 1936).

В системах родства, где статус мужа и жены определяет приданое, простые предпосылки гендера и брака могут быть преодолены. Среди народа Азанди женщины монополизируются более взрослыми мужчинами, и более молодым приходится «брать в жены» мальчиков, что продолжается до тех пор, пока не придет время взять в жены женщину. Он просто платит выкуп (копьями) за мальчика, который и превращается в «жену» (Evans-Pritchard, 1970). В Дагомее женщина может стать мужем, если обладает необходимым приданым (Herskovitz, 1937).

Институализированный «трансвестизм» народов пустыни Мохава разрешает человеку «менять» пол. Анатомический мужчина может стать «женщиной» посредством особой церемонии, и, наоборот, женщина таким же образом может стать мужчиной. Затем трансвестит берет жену или мужа ее/его физиологического пола, но противоположного социально. Такие браки, которые мы бы назвали гомосексуальными, являются, по их стандартам, гетеросексуальными, то есть союзами социально противоположных полов. По сравнению с нашим обществом такого рода устройство давало намного больше свободы, однако человеку не разрешалось быть обоими полами понемножку, он мог быть только либо мужчиной, либо женщиной (Devereaux, 1937, см. также McMurtrie, 1914; Sonnenschein, 1966).

Правила полового разделения и обязательной гетеросексуальности представлены во всех вышеприведенных примерах даже своими трансформациями. Эти два правила в равной степени ведут к вынужденности мужского и женского поведения и индивидуальности. Системы родства диктуют некоторые характеристики сексуальности обоих полов, но из «Основных систем родства» можно вывести, что на женщин, входящих в систему, накладываются большие ограничения, чем на мужчин. Если женщин обменивают (в каком бы смысле мы ни понимали этот термин), то можно сказать, что женским телом — посредством брака — выплачивается долг. Женщина должна стать сексуальным партнером какого-либо мужчины, чтобы вернуть причитающийся ему долг. Если же девочку пообещали в младенческие годы, то ее отказ во взрослом возрасте может нарушить поток долгов и обязательств. В интересах гладкого и бесперебойного функционирования системы было бы неплохо, чтобы у девочки не было лишних мыслей по поводу того, с кем спать. С точки зрения системы, женская сексуальность в идеале должна отзываться на желания других, а не желать самой и не искать самостоятельно объект удовлетворения своей страсти.

Эта всеобщность как касающаяся гендера и гетеросексуаль-

ности также может широко варьироваться и обыгрываться в реальных системах. Народы Леле и Кума являют собой два весьма четких этнографических примера обмена. В обеих культурах мужчины постоянно вовлечены в схему, которая обязывает их контролировать сексуальную жизнь женщин своего рода. Большинство драматических событий в данных племенах разворачиваются на фоне стремления женщин избавиться от этой опеки со стороны мужчин. В любом из случаев сопротивление женщин жестоко подавляется (Douglas, 1963; Reay, 1959).

Можно предсказать еще одну универсалию, следующую из обмена женщинами внутри системы, где мужчинам даются права на них. Что произойдет в том случае, если некая гипотетическая женщина не только откажется от предназначенного ей мужчины, но и потребует вместо него женщину? Если один отказ будет расценен как подрывающий устой, то двойной будет адекватен мятежу. Если какая-либо женщина обещана мужчине, то она не может распоряжаться собой. Если две женщины смогут выпутаться из оков этих долговых обязательств, то их придется заменить двумя другими женщинами. Пока мужчины обладают правами на женщин, которыми последние не обладают в отношении самих себя, можно ожидать, что женская гомосексуальность будет подавляться сильнее, чем мужская.

Подводя итоги, можно сделать несколько общих выводов об организации человеческой сексуальности, основываясь на толковании Леви-Строссом теории родства. Он рассматривает табу на инцест, обязательную гетеросексуальность и асимметричное разделение полов. Асимметрия гендера, то есть разница между участниками и предметами обмена, ведет к подавлению женской сексуальности. В конкретных системах родства будут конкретные условности и обычаи, которые широко варьируются. Каждая социосексуальная система отлична от другой, является единственной в своем роде, и внутри каждой системы люди действуют в рамках определенного фиксированного набора возможностей. Каждое новое поколение должно знать свое сексуальное предназначение и подчиняться ему, каждый человек наделяется соответствующим статусом внутри системы. Для нас будет делом чрезвычайной сложности даже в общих чертах понять, что мы могли бы жениться на дочери брата матери или выйти замуж за сына сестры отца. Тем не менее существуют народности, которые принимают такую брачную перспективу.

Антропология и описания систем родства не объясняют механизмы, по которым дети вовлекаются в принятие правила сексуальных отношений и гендера. С другой стороны, психо-



анализ является теорией о воспроизводстве родства. Психоаналитики описывают эффекты, оказываемые на людей столкновением с правилами и нормами сексуальности в обществах, где они родились.

### Литература

- Devereaux, George, 1937. «Institutionalized Homosexuality Among Mohave Indians». *Human Biology* 9: 498–529.
- Douglas, Mary, 1963. *The Lele of Kasai*. London: Oxford University Press.
- Evans-Pritchard, E. E., 1951. *Kinship and Marriage Among the Nuer*. London: Oxford University Press.
- Fee, Elizabeth. 1973. «The Sexual Politics of Victorian Social Anthropology». *Feminist Studies* (Winter/Spring): 23–39.
- Evans-Pritchard, E. E., 1970. «Sexual Inversion Among the Azande». *American anthropologist* 72: 1428–34
- Herskovitz, Melville, 1937. «A Note on 'Woman Marriage' in Dahomey». *Africa* 10, no. 3: 335–41.
- Hertz, Robert, 1960. *Death and the Right Hand*. Glencoe: Free Press.
- Kelly, Raymond, 1974. «Witchcraft and Sexual revolutions: An Exploration of the Social and Semantic Implications of the Structure of Belief». Paper read at the 73<sup>rd</sup> Annual Meeting of the American Anthropological Association, Mexico City.
- Levi-Strauss, Claude, 1969. *The Elementary Structures of Kinship*. Boston: Beacon Press.
- Levi-Strauss, Claude, 1971. «The Family». In *Man, Culture and Society*, edited by H. Shapiro. London: Oxford University Press.
- Livungstone, Frank. 1969. «Genetics, Ecology, and the Origins of Incest and Exogamy». *Current Anthropology* 10, no. 1: 45–49.
- Malinowski, Bronislaw, 1929. *The Sexual Life of Savages*. London: Routledge and Kegan Paul.
- Marx, Karl, 1971. *Pre-Capitalist Economic Formations*. New York: International Publishers.
- McMurtrie, Douglas, 1914. «A Legend of Lesbian Love Among Noth American Indians». *Urologic and Cutaneous Review* (April): 192–193.
- Reay, Marie, 1959. *The Kuma*. London: Cambridge University Press.
- Sahlins, Marshall, 1972. *Stone Age Economics*. Chicago: Adline-Atherton.
- Sahlins, Marshall, 1960. «The Origins of Society». *Scientific American* 203, no. 3: 76–86.
- Sonenschein, David, 1966. «Homosexuality as a Subject of Anthropological Investigation». *Anthropological Quarterly* 2: 73–82.
- Van Baal, J., 1966. *Dema*. The Hague: Nijhoff.
- Williams, F. E., 1936. *Papuans of Trans-Fly*. Oxford: Clarendon.
- Strathern, Marylin, 1972. *Women in Between*. New York: Seminar.

Перевод И. Караичевой выполнен по изданию:

Gayle Rubin, 1975. *The Traffic in Women: Notes on the Political Economy of Sex*, in *Toward an Anthropology of Women*. Rayna R. Reiter (ed.). New York and London: Monthly Review Press, p. 169–183.

## Рэндал КОЛЛИНЗ

«Неочевидная социология» американца Рэндала Коллинза посвящена понятиям, вокруг которых вращается в последние годы социологическая дискуссия. Две основные темы предлагаемой главы о семье – товаризация сексуальности в условиях отношений собственности и связь между домашней работой и капиталистической экономикой. Коллинз демонстрирует, что семья является социально построенной ячейкой, отражающей определенные политические взгляды на то, что считается желаемым или «нормальным», и различие этой нормы для мужчин и женщин.

Собственность, по Коллинзу, – это социальное отношение, контракт между людьми, дающий право кому-то из них совершать определенные действия с какими-то вещами и удерживающий других от пользования этими вещами плюс готовность общества через свои институты обеспечивать эти права. С этой точки зрения сексуальность мо-

---

## ВВЕДЕНИЕ В НЕОЧЕВИДНУЮ СОЦИОЛОГИЮ

### Глава V. Любовь и собственность

Долгое время отношения между полами в семье рассматривались как сами собой разумеющиеся. Считалось очевидным, что мужчины и женщины имеют определенные естественные функции: место мужчины – на работе и в общественной сфере, а женщины – дома, на кухне и в заботах о детях. С этой точки зрения семья представляет собой естественное разделение труда между полами: мужчина – кормилец и защитник, женщина – хранительница домашнего очага и воспроизводительница потомства.

В двадцатом веке все большее число женщин покидают дом и идут работать, но долгое время считается естественным, что на работе женщины занимают подчиненное мужчинам положение: они работают секретарями, нянями, официантками или стюардессами, обслуживая мужчину-начальника или мужчину-клиента. В начале столетия женщина могла быть школьным учителем в младших классах, но не профессором университета, за исключением сугубо женских учебных заведений. Даже в обще-

жет быть собственностью – и была таковой на протяжении человеческой истории. Сущность брака составляет наступление сексуальных отношений; брачный контракт в определенном смысле можно рассматривать как соглашение об исключительном праве на сексуальные отношения между двумя партнерами. Связь чувств с системой сексуальной собственности подтверждается как сохранившимися традициями первой брачной ночи и медового месяца, так и языком любви, в значительной мере представляющим собой лексикон обладания. Брачные отношения окружены ритуальной защитой: супружеская измена, то есть нарушение договора об эксклюзивном сексуальном доступе, может вести к расторжению брака.

Чувства любви и ревности, полагает Коллинз, не настолько произвольны, как обычно считается: культура «предопределяет» их направленность, создавая опреде-

ленные нормы и встроенные в них санкции за их нарушение. Общество озабочено тем, чтобы его члены вступали в сексуальные отношения «в нужное время» и «с правильными партнерами», а причина различия нормы для мужчин и женщин, то есть двойного морального стандарта, – в связи между сексуальностью и репродукцией. Женщины становятся объектом особого внимания в связи с их ролью в процессе воспроизводства, и единственный способ контроля над репродукцией лежит в контроле за сексуальным поведением. Именно поэтому пожилые женщины, вышедшие из репродуктивного возраста, обладают большей свободой, чем молодые: исчезает необходимость в контроле над ними. В то же время они сами становятся активными участниками системы дисциплинирования более молодых, ее «поколенческой» части.

В XIX веке происходит «викторианская революция» брака как системы, посред-

---

ственной сфере от женщин ожидалось, что они будут играть ту же роль, что и дома, заботясь о мужчинах и детях.

Сегодня эта традиционная точка зрения подвергается резкой критике. Женщины решительно выступают против явной дискриминации в сфере занятости. В то же время совершенно ясно, что феминистскому движению придется пройти еще очень долгий путь для достижения своей цели равенства полов. Некоторые женщины уже пытаются реализовать это равенство в высших профессиональных и политических сферах, но подавляющее большинство все еще находится в ловушке типичных для их пола профессий (*sex-typed occupations*), таких, как работа секретаря или сиделки, которые не только относительно низкооплачиваемы, но и не позволяют продвигаться вверх в сферы мужского доминирования своих начальников. Семья также остается в значительной степени традиционной, так как женщины несут ответственность за дом и детей, даже если они при этом работают.

Чего мы можем ожидать в будущем? Традиционная точка зрения мало помогает в поисках ответа. С одной стороны, если бы старое разделение труда между полами было абсолютно естественным, то никакие изменения были бы невозможны. Тот факт, что некоторые перемены в этой сфере все-таки произошли, с традиционной точки зрения необъясним. Иногда как реакция на

ством которой общество регулирует сексуальные отношения. Процессы индустриализации и урбанизации несут как ослабление семейного и поколенческого контроля, так и новую свободу мужчинам и женщинам выбирать себе брачных партнеров (раньше браки обычно организовывались семьями). Возникает средний класс, добывающий средства к существованию через наемный труд, что в гораздо меньшей степени возможно для женщин, не имеющих доступа к образованию и более не участвующих в семейном производстве, чем для мужчин. Поэтому сформировалась система брака, где женщины обменивают свою сексуальность на средства к существованию: возникает идея, что «мужчина должен содержать семью». Экономическая подоплека такого союза завуалирована идеалом романтической любви как его основы, а сексуальные отношения вообще перестают упоминаться в связи с любовью и начинают считаться

«грязными». Пуританство в языке и поведении становится частью сексуального рынка и общей стратегии женщин в борьбе за свой статус: если допустить свободу нравов и сексуальных связей, женщинам окажется нечего предложить «для обмена».

В различные времена брак служил различным целям; в викторианскую эпоху эта цель поменялась кардинально: он перестал обслуживать передачу наследства. Очередное изменение цели брака связано (на Западе) с 60-ми годами XX века. В это время была изобретена «пилюля» – оральный контрацептив, не требующий сотрудничества полового партнера, а потому дающий женщине немыслимую ранее свободу (многие феминистки полагали, что пилюля делает мужчин безответственными). Но средства контрацепции, помимо всего прочего, должны быть социально приемлемы, иначе они не будут востребованы. Пилюля – как символ сексуальной свободы – появилась

женское освобождение возникает противодействующее ему движение, которое пытается вернуть женщин в границы семьи и восстановить старое положение вещей. Если бы традиционная семья была так естественна, то не было бы необходимости заставлять людей возвращаться в нее.

С другой стороны, нарастает ощущение того, что сама семья изменяется: снизилась рождаемость, поэтому в семьях стало меньше детей, а количество разводов достигло очень высокого уровня. Каким образом это вписывается в общую картину? Является ли это знаком социальной дезорганизации и приближающегося заката, как представили бы это традиционалисты? Или это как-то связано с движением за освобождение женщин?

В этом смысле, при избирательном подходе к проблеме, необходимо внести важное нетрадиционное дополнение в социологическую теорию. Большая часть прежней социологии только приукрашивает старую точку зрения, рассматривая семью и традиционные роли полов как функционально необходимые структуры современного общества. Но существует другой, гораздо более сложный взгляд на вещи. Одно из течений социологической традиции, представленной концепцией Фридриха Энгельса в конце XIX века, помогло нам понять, что семья и отношения между полами существуют как часть системы социальной стра-

тогда, когда женщины стали экономически независимы, а общественная мораль изменилась под воздействием движений за гражданские права и «молодежного бунта». Все эти тенденции полностью разделили секс и брак, с одной стороны, и сексуальность и воспроизводство – с другой. Исчезла причина контролировать женское поведение, вместе с тем оказался в опасности институт традиционного брака. Обычными становятся развод и повторный брак, то есть серийная моногамия, а сексуальные отношения и деторождение часто происходят вообще вне его.

Вторая линия в рассуждениях Коллинза – домохозяйство как часть системы капиталистического производства, потому что там воспроизводится (во всех смыслах)

рабочая сила, без которой не может существовать экономика. Это отражение популярной в марксистском феминизме (имеется в виду марксизм западного толка) точки зрения, что эксплуатация женщин служит поддержанию патриархального порядка. Марксистская теория используется для доказательства того, что как капиталисты присваивают труд пролетариата, так мужчины внутри семьи присваивают труд женщин, то есть что и капитализм, и патриархат поддерживаются неоплаченным домашним трудом. Дальнейшие рассуждения логически и неизбежно приведут к необходимости пересмотра концепций социальной политики и признанию «в мировом масштабе» вклада женщин, не ориентированного на рынок.

---

тификации. Теория половой стратификации находится сегодня в процессе разработки, возникает немало споров по поводу того, как она работает. Тем не менее можно предложить некоторые нетрадиционные положения.

Основная идея, которую я выдвигаю в этой статье, заключается в том, что отношения в семье — это отношения собственности. Эта собственность включает в себя следующие виды:

- 1) право собственности на человеческое тело, которое мы можем назвать *сексуальной собственностью* (erotic property);
- 2) право собственности на детей, назовем этот вид *поколенческой собственностью* (generational property);
- 3) право собственности на имущество, которым владеет семья, — *хозяйственная собственность* (household property).

Из этих трех видов собственности складывается семья, а способ, которым они соприкасаются с миром труда, на мой взгляд, решающий фактор в дискриминации по признаку пола в сфере занятости. После того как мы осознали существование этих форм собственности, важно увидеть, что они, включая и сексуальную собственность, не являются естественными и раз и навсегда установленными. Виды собственности — это продукты определенных социальных условий, и они меняются вместе с изменениями этих условий. Если мы поймем эти социальные условия, то

сможем предсказать подъем и упадок различных видов половой стратификации. Современная структура семьи и полового господства существовала не всегда и не будет продолжаться вечно. Если мы хотим знать, насколько далеко может продвинуться освобождение женщин и какие условия сделают это освобождение возможным, нам понадобится теория, подобная той, к которой мы обращаемся ниже.

### *Сексуальная собственность*

Каким образом люди могут быть собственностью? За исключением рабства, которое едва ли еще где-нибудь существует, людей нельзя продать или купить. Человек не обладает денежной стоимостью: мы рассматриваем себя вне пределов денежных отношений. Люди не вещи, они ценны сами по себе, поэтому может показаться, что они не могут быть чьей-либо собственностью, во всяком случае в современном мире.

Тем не менее было бы ошибкой рассматривать собственность как вещь, которую можно продать или купить за деньги. Собственность представляет собой не реально существующую вещь, физический объект, а социальное отношение, способ нашего обращения с вещами. Что значит, например, что эта земля «принадлежит» кому-то? Это значит, что человек, собственник земли, может использовать ее, жить на ней, ходить, где ему заблагорассудится, и что все остальные люди должны держаться от нее подальше, если только у них нет разрешения владельца. В противном случае, владелец земли может обратиться в полицию или в суд, чтобы заставить посторонних не посягать на его владения. Собственность — это контраст между людьми относительно вещей; это вид принудительного соглашения о том, кто может или не может предпринимать какие-то действия с определенными вещами и кто обеспечивает соблюдение этих условий. Именно общество превращает нечто в собственность, а не какое-либо неизменное отношение между индивидом и участком земли.

Отношения собственности могут быть различны в зависимости от того, какие виды прав установлены обществом. В Швеции, например, право частной собственности не препятствует проникновению в частные владения: любой имеет право пройти через чьи-либо поля или двор, если это не причинит ущерба владельцу. В США чувство частной собственности выражено гораздо сильнее, но оно все равно обеспечивается обществом, а не индивидом. Общество сохраняет за собой и определенные способы контроля за тем, как индивиды распоряжаются своей

собственностью. Например, нельзя устраивать свалку мусора в жилом районе или мешать полиции в поисках преступника. Конечно, эти законы не являются неизменными, потому что общество по своему усмотрению может устанавливать любую систему собственности. Например, только некоторые системы собственности позволяют покупать или продавать собственность за деньги. Некоторые средневековые дворяне не имели права продавать свою землю, а в большинстве родовых обществ собственность могла перейти только к определенному родственнику.

Если собственность является социальным отношением, а не вещью, имеет смысл взглянуть на любовь и секс как на виды собственности. Сущность собственности — это право обладания, право удерживать других от обладания вашей собственностью и готовность общества обеспечивать эти права. Именно в этом смысле собственность является сущностью брака.

Что означает «люди состоят в браке»? Это не брачный обет и не гражданская или религиозная церемония. Пара, которая живет вместе и имеет сексуальные отношения исключительно друг с другом, уже состоит в браке согласно целям и задачам последнего. Если эти отношения продолжаются несколько лет, то во многих странах этот брак признается законным в качестве гражданского брака («common law» marriage). С другой стороны, у пары, которая юридически оформила свой брак, но никогда не имела сексуальных контактов, брак не считается состоявшимся. По закону, он может быть аннулирован, так как подразумеваемые браком имплицитные условия не вступили в силу. В нашем обществе брак — это соглашение об исключительном праве на сексуальные отношения между двумя партнерами. В социальном смысле, партнеры обмениваются между собой своими телами как сексуальной собственностью.

Сексуальная собственность — это ключ к структуре семьи, тот стержень, вокруг которого вращается все остальное. Браки возникают на основе установления сексуальной связи. Старые традиции первой брачной ночи и медового месяца прямо указывают на этот факт. Чем более традиционным является брак, тем больше церемониала окружает первый сексуальный контакт. До юридических реформ последних десятилетий существовал единственный способ получить развод — доказав супружескую неверность. В консервативных странах, где преобладает католицизм, таких, как Италия, такая практика существует и сейчас. Почему супружеская неверность является решающим фактором? Потому что она разрушает основное право собственности — исключительный сексуальный доступ.

Подобным образом в традиционных обществах выдвигалось жесткое требование девственности невесты до брака. Если бы она имела сексуальные отношения с другим мужчиной, права собственности мужа на ее тело были бы нарушены. В то же самое время тот факт, что в этих обществах отсутствовали требования относительно девственности мужчин, означает, что система собственности была в гораздо большей степени основана на праве мужчины обладать телом женщины, а не наоборот. Я вернусь к этому вопросу позднее.

Система сексуальной собственности становится особенно заметной, когда мы рассматриваем случаи ее нарушения. Долгое время существовал неписаный закон, который прощал супруга или супругу, применяющих насилие при посягательстве на их сексуальную собственность. Судья и присяжные обычно не признавали виновным мужа, убившего любовника своей жены или даже свою жену, если он узнавал, что она ему изменяет. Можно предположить, что эта же практика должна была применяться и в отношении противоположной стороны, однако случаев, когда женам прощалось убийство мужей или их любовниц, было гораздо меньше. Это пример того, как сексистское предубеждение может оправдывать даже убийство: оно обычно не расценивалось как умышленное, и убийца оставался на свободе или ему выносился мягкий приговор. В настоящее время практика оставлять безнаказанным убийство, совершенное в подобных обстоятельствах, постепенно исчезает. Объяснить, почему это происходит, помогает знание некоторых черт системы сексуальной собственности.

Самая жесткая практика убийства за супружескую неверность существовала в странах, где брак считался наиболее нерушимым, а разводы были редкими. Почему это должно было быть так? Потому что традиционная система брака подразумевала, что за всю жизнь женщина должна была иметь только одного сексуального партнера; ее тело было исключительной сексуальной собственностью ее мужа. Такое положение обычно имело сексистский уклон, так как мужчинам разрешалось иметь связь на стороне или посещать проституток. Хотя брак считался в принципе нерасторжимым, у мужчины было больше возможностей компенсировать возможную сексуальную и эмоциональную несовместимость. Однако с ростом количества разводов, как правило, ожидается, что большинство людей будет состоять в браке больше одного раза, а следовательно, иметь нескольких сексуальных партнеров. По этой причине сексуальная собственность не рассматривается больше как нечто абсолютное: то, что было однажды нарушено, навсегда исчезает. Это не означает, что сексуа-



льная собственность больше не существует. Но она перешла в другую форму: можно сказать, что из абсолютной долгосрочной собственности (*absolute long-term property*) — в серию кратковременных отношений собственности (*short-term property arrangements*). Супружеская неверность все еще осуждается, но ее результатом скорее оказывается развод, чем насильственная смерть.

Законы и обычаи в отношении насилия также дают некоторое представление о характере сексуальной собственности. Практически нигде не считается преступлением изнасилование в браке: согласно законодательству большинства стран и некоторых американских штатов, мужчина имеет право сексуального доступа к своей жене, и женщина не может обратиться к государству для защиты от насилия. Подразумевается, что брачный контракт устраняет право сексуального сопротивления раз и навсегда. Тот факт, что данная проблема становится сейчас предметом обсуждения и что в некоторых местах изнасилование в браке расценивается как преступление, свидетельствует о переменах в системе сексуальной собственности. Сопротивление подобным юридическим изменениям все еще достаточно сильно, но в некоторой степени сбалансировано распространенным сегодня правом на развод, которое дает женщине возможность уйти от нежеланного мужа.

Все сказанное заставляет предположить, что брак — это просто вопрос секса и ни о привязанности, ни о любви речь не идет. Это, конечно, не так. Как юридически, так и с точки зрения неписаных законов и обычаев сексуальные отношения являются ключевыми в брачном контракте, но это ни в коем случае не исключает эмоциональных связей. В действительности эмоциональные связи сегодня зачастую соседствуют с сексуальными и, с социологической точки зрения, являются составными частями одного целого. По крайней мере, это верно для современного института брака, в котором уделяется большое внимание идеальному выражению любви. Современный брак можно рассматривать как ритуально-любовную систему сексуальной собственности, в то время как сексуальные отношения являются более глубокими и уходят корнями в далекое прошлое. Традиционные общества придавали мало либо вовсе никакого значения любви в браке, концентрируя усилия на контроле за сексуальной собственностью и другими видами обмена собственности, включенными в брачные отношения. В современном браке, однако, любовь является решающим элементом для установления сексуальной связи.

Есть несколько способов показать, что любовные чувства связаны с системой сексуальной собственности. Для начала посмотрим на язык любви. Помимо фразы: «Я люблю тебя» наи-

более употребительными выражениями любви являются: «Ты будешь моей?», «Возьми меня», «Я твой(я) навеки». Шлягеры полны подобных фраз, употребляемых людьми в разговорах о любви как друг с другом, так и с другими людьми. Это язык собственности. «Мой», «моя», «его», «ее», «твой(я)» — это самые распространенные слова в любовном разговоре, возможно, даже более часто используемые, чем само слово «любовь».

Весь этот лексикон обладания одновременно подразумевает как любовь, так и секс. Влюбленный обладает телом другого и в то же время любовью своего партнера, и одно является обычно символом другого. Мужчина, который признается в любви женщине, но не имеет с ней никаких сексуальных отношений (как говорится, «не занимается с ней любовью») в браке или вне брака, заставляет сомневаться в своей любви. Конечно, подобное замечание верно и относительно женского поведения (возможно, даже более, чем мужского).

Можно взглянуть на проблему и с противоположной стороны. Причиной ревности у влюбленных может быть как сексуальное поведение, так и эмоциональная близость. Женщина, которая признается в любви одному мужчине, а спит с кем-то другим, скорее всего вызовет в нем ревность и в конце концов заставит усомниться в своей искренности. Точно так же она может заставить его ревновать, имея с ним сексуальные отношения, но заявляя, что любит другого. Предполагается, что любовь и секс гармонично сочетаются и что по-настоящему сильные любовные связи естественным образом приводят к сексуальным отношениям. Многие люди (мужчины в большей степени, чем женщины) открыто говорят, что секс может доставлять удовольствие и без любви, но, даже если отсутствует форма типа «Я твой(я) навеки», предполагается, что он все же основывается на определенной эмоциональной привязанности, хотя бы кратковременной.

Ясную картину социальной основы чувств может дать сравнительное исследование проблемы ревности. Направленность ревности зависит от того, каким образом организована сексуальная собственность. В нашем обществе, где основной формой сексуального обмена являются пары мужчина—женщина, которые имеют сексуальные контакты исключительно друг с другом, каждый партнер ревнует ко всем, кто несет в себе угрозу овладения чувствами или гениталиями его партнера. Однако в обществах, где преобладает полиандрия (многомужие), ситуация совершенно иная. Данный тип брака существует, например, у некоторых горных племен Индии и Тибета, где женщина может иметь нескольких мужей. Обычно это братья, которые не ревнуют друг к другу,

деля между собой тело и внимание женщины. Правда, это не означает, что эти люди настолько широки во взглядах, что не способны к ревности. Напротив, они ревнуют к посторонним, не являющимся частью этого полиандрического брака. Подобным образом мужчины-эскимосы часто делятся своими женами с путешественниками, останавливающимися у них во время длительных охотничьих экспедиций. В то же время в эскимосском обществе высок уровень схваток и убийств из-за обладания женщиной. Существует громадное различие между тем, когда гостю предлагают отвезти женщину (ожидавая получить позже что-нибудь взамен), и тем, когда он пробует угоститься сам. Короче говоря, собственность не утрачивается, когда ее дарят. Фактически дарение (в данном случае предоставление женского тела взаимы) вновь подтверждает смысл отношений собственности, потому что оно дает понять каждому участнику сделки, что дарящий делает нечто со своей собственностью и ожидает, что она будет принята соответствующим образом.

В современном мире полиандрия или предоставление жен взаимы распространены гораздо меньше, чем брак, где у мужчины несколько жен. Такие системы полигинии (многоженства) встречаются у африканских племен, и здесь мы снова обнаруживаем, что чувство ревности направлено совершенно иначе, чем в нашем обществе. Жены обычно не ревнуют друг к другу, хотя они могут ревновать мужа к другим женщинам, не являющимся членами их семьи. Среди жен выделяется старшая жена, которая имеет определенные права и власть над остальными. В подобной ситуации женщина, собирающаяся вступить в брак, может быть более озабочена тем, насколько хорошо она уживется с остальными женами, чем тем, нравится ли ей будущий муж.

Этот вид антропологического сравнения позволяет увидеть, что чувства, которые мы обычно связываем с сексуальными отношениями, различаются, но не являются произвольными. Любовь, ревность и их направленность — все это зависит от отношений сексуальной собственности. В нашем обществе романтизм и эмоциональная привязанность пропитывают сексуальные отношения, и любовь является их важной частью. Я не хочу сказать, что люди влюбляются потому, что должны это делать. Конечно, наша повседневная культура подталкивает людей к ожиданию этого, но широко распространенные любовные отношения ни в коем случае не внушены через средства массовой информации. Скорее, любовь естественным образом возникает в процессе переговоров, которые люди должны провести, чтобы найти сексуального партнера в ситуации свободного индивидуального торга.

Сегодня почти все сами ищут себе партнеров, что влечет большую степень неопределенности. Встречаясь с различными людьми и пытаясь выяснить, нравятся ли они вам, вы можете получить немало отрицательных эмоций. Выбирая только очень красивых или сексуальных женщин, мужчина может обнаружить, что они им не интересуются. Но почему, собственно, они должны им интересоваться? Они заняты, реагируя на различные виды внимания, и до тех пор, пока данный конкретный мужчина не сможет предложить им что-нибудь особое, причин замечать его у них нет. Женщина, в свою очередь, проходит через такие же ситуации, установив планку запросов слишком высоко, или будучи о себе слишком высокого мнения, или в ситуации встреч лишь с немногими желанными мужчинами и т. д. Короче говоря, сексуальный рынок может стать зачастую суровым испытанием. В иных ситуациях дела обстоят лучше: появляются новые партнеры, вы обладаете высокой степенью привлекательности в глазах других, перспективы улучшаются. И начинается новый виток.

Все это приводит к тому, что процесс сексуального торга изначально вызывает большое количество эмоций. Он порождает чувства тревоги, надежды, страха, а также счастья и возбуждения. Найдя того, кто им нравится, люди обычно испытывают эмоциональный подъем и наслаждение, если после многих предыдущих контактов обнаруживают, что тоже нравятся этому человеку. Степень привязанности партнеров даже в этих обстоятельствах может быть весьма различной. Каждый из них может все еще следить за рынком, выясняя, есть ли кто-нибудь, кто им нравится больше и кто также находит их привлекательными. Некоторое время ухаживания могут оставаться тревожными, пока пара не придет в конечном счете к признанию взаимной привязанности, оптимального соответствия друг другу среди тех, кого они знают. Но именно эта тревожность придает любви драматизм и вызывает эмоции. Партнеры, которые никогда не проходили через небольшие размолвки и возможность разрыва, скорее всего не будут испытывать друг к другу столь же сильные чувства, как те, кто все это пережил.

Я полагаю, что сам процесс «переговоров» ведет к возникновению сильных эмоций, и эти чувства напряжения и возбуждения, превращаясь, наконец, в сильную привязанность друг к другу, и приводят к любви. Более того, «язык», на котором договариваются о личной привязанности, в значительной степени невербален: это язык самой сексуальной близости. Ухаживание совершается не только в разговоре, но и посредством «языка

тела», физической близости. Прикосновение, сплетение рук, поцелуй на прощание, объятия, поцелуи, половой акт — это типичная последовательность, которая иногда может быть растянута на длительное время. Причина, по которой пара обычно не переходит непосредственно к высшей точке сексуальной близости, состоит в том, что все эти контакты глубоко символичны. Они являются не просто удовольствиями, а иногда и вовсе не являются таковыми: сплетение рук, например, не доставляет особого физического удовлетворения, однако оно может быть глубоко эмоциональным. Можно предположить, что многие формы интимных сексуальных контактов, таких, как орально-генитальный, также в большой степени представляют эмоциональные отношения. Возможно, они символизируют полную близость и даже полное господство и подчинение, а не просто физическое удовольствие.

Последовательность актов физической близости представляет собой скорее ритуал, при помощи которого мужчина и женщина показывают, насколько они привязаны друг к другу. В целом они торгуются о заключении связи посредством различных последовательных шагов, которые символизируют их временный характер и возможность прекращения отношений. Ко времени, когда переговоры переходят к полному сексуальному контакту, пара обычно берет на себя обязательства по отношению друг к другу, которые подразумевают сексуальную исключительность; все это сопровождается чувством любви. Таким способом заключается большинство современных браков. К тому времени, когда личный сценарий каждого подходит к финальной постельной сцене, они уже любят друг друга и близки к тому, чтобы пожениться. Или — что более реалистично — они, по крайней мере, приближаются к этой сфере. Современный эквивалент — совместное проживание партнеров, которое с социологической точки зрения полностью идентично юридически оформленным брачным отношениям. Всего лишь несколько лет назад вполне обычным делом было забеременеть от своего партнера для принуждения его к последнему шагу принятия брачного обета.

Чувство любви возникает в процессе переговоров об исключительном и относительно постоянном сексуальном контракте между свободными индивидами. Это естественная часть драмы, через которую проходит каждый, пытаясь устроить свою собственную судьбу в мире, где все остальные заняты тем же. Ритуализованная организация напряженного частного мира новой пары возникает во время взлетов и падений игры свиданий и ухаживаний. Поэтому неудивительно, что чувство является наиболее сильным сразу после возникновения связи и на протяже-

нии периода, когда она утверждается как истинная и сильная.

В это время поведение пары наиболее соответствует ритуальной модели, проанализированной в главе в отношении религии. Налицо все компоненты ритуала. Партнеры постоянно находятся друг с другом, стремясь исключить или игнорировать всех остальных. Их любовный разговор, поцелуи, держание друг друга за руки и другие моменты любовной игры представляют собой организованные повторяющиеся формы ритуального поведения. Чувства, которые они приносят в свои встречи, усиливаются тем, что они разделяются обоими партнерами, подобно тому как любой успешный ритуал усиливает общее переживание группы. Мы можем сказать, что влюбленные выполняют ритуал, который формирует очень маленькую сплоченную группу, состоящую из двух человек. В этой группе очень сильна связь между ее членами и очень сильны внешние границы, отделяющие ее от окружающих.

Точно так же, как религиозные ритуалы создают идеалы и священные объекты, любовный ритуал создает свои собственные символы, которые репрезентируют эту сильную связь. Некоторые из таких символических объектов, например обручальное кольцо или какие-то другие памятные подарки и сувениры, имеют для влюбленных такое же значение, как Библия или распятие для верующих, хотя более точной аналогией были бы тотемы какого-либо племени. Мир влюбленных больше напоминает примитивный культ, чем любую из существующих религий, например христианство, и доступ посторонним в этот маленький частный культ запрещен. Некоторые идеи культа также становятся священными, особенно идея обладания друг другом. Не случайно влюбленные считают друг друга совершенно замечательными, так как именно этот вид идеализации создается успешным ритуалом. Уникальность культа влюбленных состоит в том, что идеал персонифицируется в них самих.

Отношения сексуальной собственности создаются при помощи ритуала и в силу этого окружены ритуальной защитой. Каждый сексуальный контакт символизирует любовную связь в целом, а любые похождения за пределы этих отношений вызывают крайне негативную реакцию со стороны партнера. С практической точки зрения это неразумно. Если муж или жена однажды вступают в сексуальный контакт с кем-то посторонним, то фактически это может не нарушить права партнера на сексуальный доступ. Тот факт, что всего лишь один случай неверности партнера может стать причиной сильной ревности, свидетельствует, что отношения сексуальной собственности носят не про-

сто практический характер, а поддерживаются посредством ритуала. Любой эротический акт, даже такой незначительный, как поцелуй или взгляд, символически нагружены. Область сексуальной собственности подобна другим действительно фундаментальным социальным связям: она рационально не исчисляется в терминах общего колебания цен и прибыли, но наполнена символизмом и ритуально стимулируемыми эмоциями.

Сексуальная собственность и ее неотъемлемая часть, чувства любви и ревности, не являются единственным видом отношений собственности в браке. Более того, их интенсивность не остается на той же высоте, на которой она была при первоначальном установлении связи. Через некоторое время возбуждение проходит вместе с беспокойством и противоположным ему наслаждением. Когда пара долго живет вместе, интенсивность привязанности снижается так же, как и частота половых контактов. Партнеры проводят меньше времени вместе и больше — с другими людьми, поэтому условия для сильной ритуальной связи между ними ослабляются. Но даже когда интенсивность сексуальной любви спадает, ее место часто занимают другие связи. Мы обратимся к рассмотрению некоторых из них.

### *Поколенческая собственность*

В некотором смысле дети также являются собственностью. Родители имеют на них определенные права, которые они защищают таким же способом, каким охраняют другие виды собственности. Однако все типы обществ строго следят за тем, чтобы дети не были сексуальной собственностью: запрет на инцест фактически универсален. Сексуальные отношения между родителями и детьми, между братьями и сестрами или другими родственниками вызывают чрезвычайно сильное отвращение. Запрет на инцест следует рассматривать как часть системы поколенческой собственности: это одно из принципиальных негативных правил, указывающее, что люди не могут делать со своей поколенческой собственностью. (Существуют аналогичные негативные правила в отношении физической собственности, например на разделение земли на участки, перестройку зданий или изменение способа землепользования.)

Тем не менее запрет на инцест не возникает сам собой. Если бы отвращение было естественным или инстинктивным, никто бы никогда не совершал инцест, тогда как фактически этот запрет нарушается достаточно часто. Скорее, он навязывается прежде всего извне, обществом, которое считает инцест аморальным и преследует его как незаконный. Почему общество так поступа-

ет — в значительной степени связано с общей системой сексуального торга, характерной для данной культуры. Предполагается, что дети из одних семей станут в будущем возможными сексуальными партнерами других, а не окажутся монополизированы внутри своей семьи. Доказательством может быть то, что различные общества расходятся во мнении, что следует считать инцестом, и эти отличия связаны с преобладающим типом брака.

В некоторых культурах, например у нас, браки между двоюродными братьями и сестрами всего несколько поколений назад были запрещены как кровосмесительные: ожидалось, что люди будут искать партнеров в дальнейшем окружении. Иначе обстоит дело во многих племенных обществах, где поощряются прежде всего браки между кузенами. В этих обществах существовала система регулярных союзов между семьями, которую поддерживали постоянные, из поколения в поколение, взаимные браки между двоюродными братьями и сестрами (особенно между так называемыми перекрестными кузенами). Подобные примеры доказывают, что причина запрета на инцест не в беспокойстве о возможных генетических дефектах потомства в результате кровосмешения: общества, практикующие регулярные браки между родственниками, очевидно, имеют другую точку зрения. Более того, эти же общества имеют инцестуальные правила, которые в некоторых отношениях гораздо более жесткие, чем наши: они запрещают многим категориям людей вступать в брак из-за «неправильного» происхождения, хотя, с нашей точки зрения, они вообще не являются биологическими родственниками.

Основания для запрета на инцест не в биологии. Они представляют собой часть более широкой системы обмена сексуальной собственностью. В нашем обществе объединения семей в кланы уже не имеют больше важного значения, и запрет на инцест сократился до требования к детям покидать родительскую семью и искать сексуальных партнеров на брачном рынке.

Запрет на инцест — это негативное правило поколенческой системы собственности, определяющее, что родители не могут делать со своими детьми и одновременно что дети не имеют права делать друг с другом. Положительные правила поколенческой собственности гласят, что родители обладают определенной властью над своими детьми: держать их у себя дома, отправлять в школу и так далее. Они во многих отношениях управляют поведением своих детей: определяют, как им следует одеваться, какое религиозное воспитание получать (если такое принято), с кем они могут общаться и многое другое. Сегодня жесткий контроль используется редко. Мы прошли долгий



путь от римской семьи, в которой отец мог наказывать своих детей любым способом, вплоть до убийства.

Тенденция последнего времени состоит в ослаблении родительского контроля над детьми вследствие потери власти над основным аспектом поколенческой собственности — правом определять, с кем их дети должны вступить в брак. (Пережиток этого существовал некоторое время назад, когда мужчина формально просил у отца невесты ее руки; и все еще распространен обычай, когда отец «отдает свою дочь» жениху на брачной церемонии.) В те времена, когда родители определяли, с кем их детям вступать в брак, их власть фактически распространялась и на следующие поколения, предопределяя родословную возможного потомства. Когда же происхождение и родословная перестали иметь значение, родительская власть ограничивается ранними детскими годами ребенка в рамках семьи.

Поколенческая собственность имеет также экономический аспект. Юридически доходы детей являются собственностью их родителей до достижения детьми совершеннолетия. Опять-таки, эта форма поколенческой собственности сегодня используется редко; в то же время гораздо более заметна противоположная претензия детей на доходы их родителей. Но это только пример, демонстрирующий изменения, происходящие в семье нового типа. В недалеком прошлом повсеместно и даже сейчас в некоторых очень традиционных домохозяйствах, где семья содержит магазин или ферму, от детей требуется помощь в семейном бизнесе либо в виде бесплатной работы, либо путем вложения полученных на стороне заработков в семейное дело.

Параллельно с изменением системы сексуальной собственности менялась и система поколенческой собственности. Другое поразительное сходство между этими двумя видами собственности состоит в том, что они оба обладают ярко выраженной эмоциональной стороной. Так же, как в сексуальной собственности, где супруги ожидают друг от друга взаимной привязанности, родители имеют право на привязанность со стороны своих детей. Кроме того, как и в современном браке, где эмоциональные отношения между супругами являются его главной составляющей, отношения привязанности к детям пришли на место традиционному взгляду на них как на часть семейной экономики или как на продолжателей фамилии. Сила эмоций наиболее зрима, когда им грозит разрушение. В современных разводах обычно главным пунктом спора является опека над детьми. Родители сражаются за право жить с ними или также посещать их. Для современной ситуации особенно характерно, что оба роди-

теля зачастую озабочены сохранением максимальной связи с детьми. Более не считается, что дети автоматически должны принадлежать матери, и отцы теперь хотят быть с ними гораздо чаще, чем в прошлом. Это означает, что некоторые аспекты поколенческой собственности усилились, в то время как другие идут на убыль. Права на привязанность детей стали центральными, по мере того как ослабели старые экономические и родословные интересы. Эта ситуация даже породила новую разновидность «преступления» — похищение детей, когда один из бывших супругов, несмотря на решение суда, делающее опекуном другого, забирает ребенка. Тот факт, что подобные действия преследуются в судебном порядке и сопровождаются потоком эмоций, показывает, насколько важными становятся права эмоциональной собственности на детей.

Отношения поколенческой собственности, конечно, распространяются в обоих направлениях. Родители имеют права собственности на детей, но верно и обратное. Дети претендуют на место в доме своих родителей, на часть их доходов и заботу. Более того, эти права явно расширились в современном обществе. Юридически обязательства родителей перед детьми заканчиваются по достижении последними восемнадцатилетнего возраста, но существует сильное неформальное требование продолжать поддержку, например оплачивать обучение в колледже. Исторически наиболее важная часть притязаний детей на собственность родителей касалась наследства. В те времена, когда значительная часть производства осуществлялась на семейных предприятиях, особенно фермах, этот аспект поколенческой собственности имел огромное значение. Он тесно сплачивал различные поколения семьи, но отнюдь не обязательно посредством взаимных чувств.

В наши дни многие убеждены, что семьи почти нигде не являются такими сплоченными, как в прошлом, тем не менее, вероятно, сегодняшние семьи гораздо сильнее связаны эмоциональными отношениями между родителями и детьми, так же как между супругами, чем это было в традиционной семье. Так как она являлась экономической единицей, у людей просто не было выбора: либо оставаться вместе, либо рисковать умереть с голоду. Жить в таких крепких семьях было не очень приятно. Сегодня, когда наследство редко превышает рамки нескольких предметов мебели и люди живут за счет работы, старая модель наследования остается значимой только в богатых семьях. Остальные семьи соединены эмоционально, и эти связи не образуются автоматически. Многие современные семьи распадаются,

тогда как традиционные, возможно, остались бы вместе даже в случае отсутствия привязанности только потому, что этого требовала экономическая ситуация. Но те современные семьи, которые сохраняются в силу эмоциональных, а не каких-либо внешних причин, по-видимому, связаны более крепко, чем когда-либо раньше.

### *Хозяйственная собственность*

Неверно считать, что семья больше не является экономической единицей. Но это не та постоянная экономическая единица, которая основана на передаче собственности из поколения в поколение. С определенной точки зрения, семья — это продолжающаяся деятельность по ведению домохозяйства, которая может распасться гораздо легче, чем в прошлом. Но, пока она существует, она представляет собой совместное предприятие по приготовлению пищи, уборке, обеспечению жилища и заботе о детях. С экономической точки зрения семья — это гостиница, ресторан, прачечная и детский сад одновременно.

В традиционном домашнем хозяйстве большая часть работы обычно выполнялась слугами, иметь которых могли только высшие социальные слои. В действительно богатом хозяйстве их было много, но даже скромная семья среднего класса могла держать хотя бы горничную или повара. А как же низшие классы? Многие из принадлежавших к ним не имели своего домохозяйства: они были слугами в чужом. Это означало, что модель семьи определялась социальным классом: обзаводиться семьями и вести собственное хозяйство могли себе позволить в основном высшие социальные слои. Большинство мужчин и женщин, живущих и работающих в чужих домах, не могли иметь свои собственные семьи.

Одно из самых больших изменений в современной семье — это исчезновение подобного крупного домохозяйства, основанного на работе слуг. Это не значит, что высшего класса больше не существует, но его стиль жизни определенно стал менее театральным и менее величественным, а класс слуг постепенно сократился до малой части того, чем он был ранее. Значительную часть прислуги составляли женщины, занимавшиеся поденной хозяйственной работой. Сегодня эта тенденция выражена еще сильнее: дворецкий и камердинер почти исчезли, в то время как горничная все еще приходит во многие дома верхушки среднего класса. В большинстве же случаев домашний труд перешел в руки жен, и, до тех пор пока домашнее хозяйство остается рабочим местом, делают эту работу в основном женщины.

Официально и юридически домашняя собственность нахо-

дится в совместном владении мужа и жены, и в случае развода они имеют равные притязания на вещи, приобретенные во время брака. Если один из супругов умирает, не оставив завещания, другой автоматически наследует все имущество. Но это касается только собственности в виде вещей. А как обстоит дело с их использованием? Ведь ни дом, ни посуда, ни пища, ни одежда не могут быть употреблены сами по себе. Для того чтобы их можно было использовать, надо затратить некоторый труд. Дом необходимо содержать в чистоте, одежду гладить, кровати застилать, еду покупать, готовить и подавать на стол. В совместной экономике домашнего хозяйства муж прикладывает свой труд за пределами дома и приносит деньги, которые вкладывает в различные предметы домашнего обихода. Они представляют собой в основном «сырье», и жена своим трудом превращает их в продукты потребления. Более того, эта модель сохраняется, даже если жена работает: она все равно заботится о доме и детях, готовя завтрак перед уходом на работу и обед — возвращаясь вечером домой.

Поэтому экономика домашнего хозяйства может быть описана как экономика господства (доминирования) по признаку пола. Собственность формально равна, но только в том случае, если игнорировать действительный труд, который превращает ее в предметы, пригодные к употреблению. В традиционном случае, где муж работает и приносит деньги, чтобы вложить их в домохозяйство, мы имеем экономику, очень похожую на капиталистическую фабрику. Муж предоставляет (обеспечивает) сырье и капитал; жена — это рабочий, которому нечем торговать, кроме своего труда. Как любой трудящийся, она вынуждена продавать свой труд кому-то, кто может себе позволить его купить; но в данном случае она продает (или, скорее, обменивает его) в домохозяйстве, а не на фабрике. Труд жены необходим, так как без него муж/капиталист не может превратить свои материалы, сырье, в готовые к употреблению товары.

Конечно, между этими двумя ситуациями есть значительные различия: рабочий не наследует фабрику, обычно не имеет сексуальных отношений с владельцем, не рождает ему детей, не разделяет его социальный статус и не выражает ему чувства любви и привязанности. Во всем остальном, полагают феминистки марксистского толка, домашнее хозяйство — это действительно капиталистическое учреждение. Оно таково не только по своей внутренней организации, но и как часть общей капиталистической системы общества. Женский домашний труд воспроизводит рабочую силу для большой капиталистической экономики: без

готовки, уборки, хождения по магазинам, заботы о детях и даже эмоциональной поддержки мужа окажутся не в состоянии ежедневно участвовать в производстве. Рабочая сила — это решающий фактор капиталистической экономики, но сам капиталист не беспокоится об обеспечении бытовых потребностей работающего. Этим занимается скрытая экономика домашнего хозяйства, и женщины немало делают для процветания капитализма.

Из всего этого можно было бы сделать вывод, что угнетение женщин осуществляется не мужчинами, а капиталистической системой. Принимая во внимание, что мужчины рабочего класса, вероятно, более сексисты по отношению к своим женщинам, чем мужчины среднего и высшего классов, все же можно считать, что женщины работают на капиталистическую систему в целом. Тогда их союзником должен быть рабочий класс (частью которого они являются), и если бы они объединились для свержения капитализма, то угнетение женщин посредством домашнего труда тоже исчезло бы.

Ввиду отсутствия перманентной революции в этой области эти аргументы имеют далеко идущие последствия для реформирования системы домашнего труда. Высказывалось мнение, что жены должны получать зарплату за свой труд, что для них должен быть установлен минимальный заработок и меры по социальной защите, домашний же труд должен быть обобществлен. Заботу о детях может взять на себя общественный детский сад, уборку, стирку, приготовление пищи — профессионалы, а не жена.

Интересно, что эта модель уже возникает, но не как система общественных услуг, хотя общинные детские сады становятся все более привычными. Остальное — сети дешевых закусочных, изготовление полуфабрикатов, службы уборки и тому подобное — обеспечивает частный бизнес. Так как многие женщины сами работают вне дома, они используют труд других людей для присмотра за детьми и помощи по дому, но все это решает только часть проблемы. До тех пор пока женщинам не будут платить за труд столько же, сколько мужчинам, семья не сможет полностью существовать за счет платных услуг. Только полномасштабное равенство полов сможет в будущем привести к подобной трансформации домашнего хозяйства.

Где марксистская модель слаба, так это в своем направлении причинности. Настоящая экономика домашнего хозяйства с мужским доминированием не была первоначально создана подъемом капитализма, и мы действительно не знаем, будет ли переход к социалистической экономике автоматически устранять половую стратификацию. Опыт советского блока социалистических стран

наводит на мысль, что не будет. Лежащая в основании теоретическая проблема заключается в том, что марксистская модель учитывает только один из трех видов собственности внутри семьи: она сосредоточивается на хозяйственной собственности и игнорирует сексуальную и поколенческую. Но именно в них разница между домашним хозяйством и фабрикой. От капиталистического предприятия домохозяйство отличается сексуальной и эмоциональной сторонами: именно благодаря им домашняя хозяйка наследует свое место работы, если наниматель умирает, а фабричный рабочий — нет. Заключая брак, мужчина приобретает не домашнюю прислугу, хотя в некотором смысле это так и есть.

Изменения в области домашнего труда и хозяйственной собственности произошли не потому, что женщины ждали социалистическую революцию, а потому, что они осуществляли феминистскую революцию. По мере их продвижения в лучше оплачиваемые профессии начала изменяться ситуация с домашним трудом. Мужья теперь больше помогают в уходе за детьми и домом. Вообще говоря, распределение власти в семье между мужем и женой связано с их сравнительными заработками. Женщины, чьи доходы превышают доходы их мужей, обладают гораздо большей властью в доме, чем женщины с меньшим доходом. В этом смысле женщины, добившиеся успеха, преодолевают как общественную дискриминацию, так и домашнюю.

Но почему — может поставить вопрос сторонник традиционной точки зрения — мужчины смиряются с подобной ситуацией? Почему не выбирают женщин старых взглядов, которые не работают или, по крайней мере, зарабатывают меньше мужчин, что позволяло бы последним сохранять власть в доме? Главная причина такова: семья, где две зарплаты, значительно зажиточнее той, где одна. Фактически, для того чтобы в наше время жить на приличном уровне сравнительно зажиточного среднего класса, необходимо, чтобы и муж, и жена работали, причем в хороших местах. Хорошо зарабатывающая жена становится преимуществом мужа. На формирующемся сейчас брачном рынке не только женщины с амбициями ищут будущих врачей или бизнесменов: женщины-профессионалы сами стали более привлекательными невестами.

### *Возникновение сексуального рынка и революция любви*

В семье соседствуют все три рассмотренных выше типа собственности. Их трудно отделить друг от друга, например появление детей от сексуальных отношений, совместное проживание от ве-

дения совместного хозяйства. Теоретически совместное хозяйство может быть создано без сексуальных отношений: два человека могут жить вместе (вне зависимости от их пола), заключив соглашение о совместных доходах, расходах и домашних обязанностях. Однако вряд ли такой контракт будет включать право наследования; кроме того, маловероятно, что один из этих людей — всегда женщина — будет делать всю работу по хозяйству, а другой — всегда мужчина — работать вне дома.

Подобные отношения возникают в результате объединения в браке различных видов собственности. Как уже было показано, его ядром является контракт по поводу сексуальной собственности, вокруг которого организуется все остальное. Почему это так? Почему возник данный конкретный тип отношений, в котором господствует мужчина, и какие силы могут привести их к более равноправному состоянию? Легче всего понять динамику проблемы через серию сравнений.

История знала множество различных семейных систем. Некоторые из них, особенно в племенных обществах, были весьма сложными и очень отличались от наших. Одни определялись по женской линии (матрилинейные), другие — по мужской (патрилинейные), устанавливая продолжение рода и наследование соответственно через матерей или отцов. Они также различались в зависимости от того, с кем жила семейная пара: с родом матери (матрилокальные) или родом отца (патрилокальные). Существовало также немало других комбинаций и вариантов. Наша современная система брака, в этих терминах, является в целом неолокальной, так как семейная пара создает собственное новое хозяйство, и билинеальной — в том смысле, что наследование происходит через обоих семейных партнеров, хотя обычно семейная фамилия наследуется патрилинеально. (Феминистки иногда выдвигали предложение о переходе к действительно билинейной системе именованья: дети должны носить фамилию «Смит-Джонс», а не просто «Смит».)

Было бы излишне излагать сейчас всю историю семейных систем, в течение которой различные племенные типы уступали место патрилинейным/патрилокальным хозяйствам античной и средневековой цивилизаций, основанных на классовом разделении. Основное изменение, интересующее нас, произошло сравнительно недавно, в течение последних веков. Это переход от системы брака, в которой семья определяла выбор брачных партнеров, к современной, в которой индивиды сами заключают связи со своими будущими супругами. Ранее брачный союз заключался в интересах семьи, и ее глава совершал сделку, в которой

сексуальная собственность обменивалась с целью увеличения экономического достояния или усиления политических позиций. Когда экономика и государство стали состоять из более крупных бюрократических единиц, которые менее нуждались в семье, эта система распалась. Предоставленные сами себе индивиды должны были заключать связи на открытом брачном рынке. С этого момента каждый сам искал партнера, используя любые имевшиеся в распоряжении ресурсы: собственное благосостояние, перспективную карьеру, образованность, связи, привлекательный внешний вид, индивидуальность или что-нибудь еще. Цикл ухаживаний продолжался до тех пор, пока каждый индивид находил другого, более или менее соответствующего тому, что он сам может предложить взамен на то, что он может получить. После этого заключалось соглашение.

Эта внешне торгашеская модель открытого рынка сформировала наш современный идеал любви. Организованные браки прошлых эпох были явно гораздо более корыстными, чем сегодняшние. От супружеских пар не ожидалось, что партнеры будут испытывать личную привязанность друг к другу или даже иметь свое мнение при заключении контракта. В системе племенного родства, где люди должны были вступать в брак со своими двоюродными братьями или сестрами, это было еще более верным. Все это не значит, что в традиционных обществах не было любви, однако она не рассматривалась как нечто важное. Любовь могла стать основой сюжета для милого рассказа о пастухе и нимфе, но она не имела никакого отношения к реалиям брака. Даже средневековые трубадуры в своих любовных историях о рыцарях и их прекрасных дамах отделяли такие отношения от брачных: рыцарь всегда был предан даме, бывшей замужем за кем-то другим. По этой причине, во всяком случае в литературных произведениях, любовь не имела никакого отношения к сексу и представляла собой чисто одностороннюю преданность рыцаря.

Действительность той эпохи состояла в том, что индивиды были лишь пешками в брачных играх семей. Их чувства принимались во внимание в последнюю очередь, и поэтому отношения любви в современном смысле были весьма редкими. В этом нет ничего удивительного в свете изложенных ранее (глава 2) теорий религии и ритуала. В этой главе объясняется, каким образом интенсивность взаимодействия людей влияла на то, что они считали самым святым. В тех обществах, где жизнедеятельность не выходила за пределы тесно сплоченной семейной группы, моральные чувства были полностью привязаны к самоидентификации каждого как ее члена. Культ индивидуального (личного)



характерен для гораздо более поздней социальной структуры, где каждый индивид имеет свою собственную сеть социальных взаимодействий. Именно в силу этой структурной причины отдельные индивиды обладали очень немногими правами в рамках традиционного общества и представляли себя и всех остальных в основном как членов каких-либо групп. В подобных условиях связь между одним индивидом и другим просто была вне правил.

Кардинальное изменение произошло тогда, когда система семейных союзов была разрушена появлением рынка индивидуального брака. Этот процесс можно назвать «викторианской революцией», так как он лучше всего характеризуется теми отношениями любви и секса, которые преобладали в середине девятнадцатого века (хотя в действительности эта революция уходит своими корнями в предыдущее столетие). С одной стороны, это была революция любви, означавшая, что индивиды получили возможность заключать брак по любви вместо брака по принуждению семьи. Любовь, следовательно, была не просто разрешена: она стала более или менее ожидаемой. И действительно, любовные отношения стали возникать достаточно широко даже там, где они едва ли существовали ранее.

Вместе с тем отношение к сексу стало крайне пуританским. Традиционные общества, несмотря на сильную религиозность, не были особо щепетильны в этом вопросе. Для них брак, так как он не предполагал любви, был прежде всего связан с сексом и другими видами собственности. В частности, мужчины особо не порицались, если искали сексуальное удовлетворение там, где им этого хотелось. Наложницы и любовницы были широко распространенным явлением, иногда они даже имели официальный статус в аристократических семьях. Внебрачные дети не считались позором. Конечно, быть внебрачным сыном короля было не так хорошо, как законным, так как незаконнорожденный не мог наследовать трон, однако он все же оставался весьма почитаемой персоной и с гордостью носил свое незаконное родовое звание.

Викторианская революция смела или, по крайней мере, загнала в подполье эти нравы. Внебрачный ребенок вызывал скандал, а его мать становилась социальным изгоем; впервые была предпринята попытка запрета проституции; связи мужчин на стороне стали вызывать порицание (хотя они и не прекратились в результате этого полностью). Все сексуальные отношения должны были быть прикованы к браку. В свою очередь, брак стал предельно идеализирован, и сексуальный элемент даже не упоминался. Мужчина и женщина должны были вступать в брак

ради чистой любви и взаимных чувств, исключая любых грязные помыслы. Упоминание в этой связи чего-нибудь еще, и прежде всего секса, стало социальным табу. Привычные названия сексуального акта, гениталий и телесных функций в основном были заменены набором вежливых эвфемизмов.

Совершенно очевидно, что изменилась и сущность брачной связи: она ритуализировалась по-другому. Как новое пуританство, так и новая идеализация любви были частью одного процесса. Табу на прямое упоминание секса и скандалы по поводу любых сексуальных нарушений являлись запретительной частью ритуала: они поставили барьер на пути непристойностей, которые обычно окружают любой священный объект. Позитивной, священной стороной ритуала, конечно же, был идеал самой любви, а именно — любви как основы брака.

Как уже было сказано, любовные чувства возникают из индивидуальных ухаживаний в целях заключения контракта. С точки зрения действия ритуальных механизмов, таким способом создаются условия для возникновения любовной связи: два человека изолируются в малую группу, живут общими чувствами и постоянно находятся вместе, а посторонние исключаются из их интимных взаимоотношений. В результате их совместная жизнь превращается в маленький священный культ, а слова о «любви», которые они произносят тут и там, становятся символами, репрезентирующими группу. Любовь представляет собой некую частную мини-религию, в которой сама пара становится объектом поклонения ее членов.

Со структурной точки зрения, любовная связь — это чувство сексуальной собственности. Викторианская революция хотя и заставила людей относиться к сексу пуритански, но поставила его на гораздо более значимое место в брачной связи, чем когда-либо, изменив пропорциональную важность трех видов собственности в семье. Поколенческая собственность в форме семейного наследования небывало обесценилась и перестала определять выбор брачного партнера, и заключение брака стало осуществляться на основе ресурсов сексуального и хозяйственного видов собственности, которые обеспечивались самими индивидами. Однако эти два ресурса были весьма неравно распределены между полами. Средства для поддержания домохозяйства находились почти исключительно в руках мужчины, в то время как женщины, в силу крайней половой дискриминации на рынке труда, почти не имели возможности зарабатывать на жизнь. Исключение составляли самые низкооплачиваемые работы. Эта дискриминация проистекала из эпохи предшествующего традицион-

го хозяйства, когда женщины были либо заперты в доме в качестве семейной собственности, предназначенной для заключения брачных союзов, либо могли работать только в качестве прислуги. Теперь они стали сами определять свою жизнь, но в отсутствие экономических альтернатив любой женщине, желавшей жить на приличном уровне среднего класса, не оставалось ничего другого, как выйти замуж.

В результате брачный контракт превратился в обмен сексуальной собственности на хозяйственную. Из насущной необходимости привязать как можно крепче секс к браку возникло отношение к добрачным и внебрачным связям как скандалу. Женщины пытались навязать этот сексуальный стандарт как мужчинам, так и друг другу. Пуританство в поведении и ханжество в языке достигли невероятной степени. Но именно в эпоху викторианской революции женщины действительно обрели по крайней мере один источник власти, которым не обладали ранее: теперь они могли отвергать притязания мужчин на свои тела. Рынок брака был открыт каждому, но это также означало, что каждый имел право отвергнуть любой обмен, и до тех пор, пока женщины держали более или менее единый фронт в отношении секса и брака, мужчинам не оставалось ничего другого, как принимать условия женщин.

Идеал брака по любви и викторианское пуританство в сексе взаимодополняли друг друга как составляющие общей стратегии в борьбе женщин за право самим распоряжаться своей жизнью и за повышение своего статуса в обществе. Идеал чистой любви должен был, в определенном смысле, скрывать контракт по поводу сексуальной собственности, которая все еще составляет сущность брака. В действительности же он очень явно указывал на то, что, казалось, был призван скрывать — так же, как и мода викторианской эпохи, которая привлекала внимание к женской фигуре. Одежда обертывалась вокруг бедер в несколько слоев ткани, делая увиденную мельком лодыжку таким же эротичным впечатлением для мужчины, как сегодня юбка с высоким разрезом.

Викторианская революция оказалась успешной: мужчины стали более зависимыми от своих жен в области сексуального и эмоционального удовлетворения. Жить согласно идеалу любви и пуританской сдержанности можно было, конечно, только до определенной степени, но этого оказалось достаточно для существенного повышения статуса женщин. Викторианская революция была первым серьезным этапом в освобождении женщин.

С другой стороны, викторианская революция вела в тупик, однозначно связывая карьеру женщины с удачным выходом за-

муж. Сама идеализация женщины как чистого существа, которое мужчина полюбит, возьмет в жены и будет чтить как мать своих детей и хранительницу домашнего очага, способствовала сохранению четкого барьера между мужским и женским. Мужчинам принадлежал внешний мир труда, женщины имели в своем распоряжении брачный рынок и семью. Чем больше идеализировались женщина и ее роль в семье, тем тяжелее ей было выйти за эти пределы и самой добиться получения каких-либо экономических ресурсов.

В двадцатом веке произошла еще одна революция в положении женщин. Она началась с их постепенного проникновения в сферу «белых воротничков» и набрала силу в последнее время, когда женщины стали пробиваться в сферы более высоко оплачиваемых профессий и управленческого персонала. Эта вторая революция одновременно была революцией в структуре семьи. Два вида изменений — в сфере занятости и в семье — произошли одновременно, и каждая из перемен подпитывала друг друга постепенно, все дальше и дальше уводя от викторианской формы домохозяйства и сексуальной собственности.

Сущность происходящих перемен в том, что с получением возможности работать женщины все меньше экономически зависят от мужей и все меньше нуждаются в семье для получения средств к существованию. Рост процента разводов, тенденция более позднего вступления в брак и уменьшение количества детей — все это связано с ростом экономической независимости женщин.

Эти же причины повлияли на способ вступления в сексуальные отношения. С уменьшением необходимости привязывать секс к браку добрачные отношения стали гораздо более социально приемлемыми. Значение единой пожизненной связи, при которой женщина навсегда прикрепляла себя к одному мужчине и его доходу, уменьшилось, уступив место ряду сексуальных партнеров в официальных и неофициальных браках (включая сожитительство). По этой же причине женщины стали менее пуритански относиться к используемому ими языку, так как исчезла необходимость в одухотворении секса и окружении его языковыми табу. Это наиболее верно в отношении женщин, достигших профессиональных успехов. Они относятся к сексуальным сделкам и самому брачному рынку без чувства фатальности и окончательности однажды сделанного выбора. Их жизнь больше не определяется им навсегда.